

Олег Якубов

Привет эпохе

*Откровения
репортера*

Якубов Олег Александрович

Привет эпохе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22214944

Аннотация

У автора этой книги – удивительная, насыщенная феерическими событиями судьба. В самом деле: многим ли довелось поработать в воюющем Афганистане и побывать на атомном реакторе Чернобыльской АЭС; летать на Северный полюс и подниматься на Памир; вблизи почувствовать весь трагизм арабо-израильских конфликтов и обсудить проблемы мировой политики с премьер-министром Японии; пообщаться с Владимиром Высоцким и Михаилом Жванецким. Таков уникальный жизненный опыт журналиста-международника Олега Якубова. И всем пережитым он щедро и откровенно делится с читателем. Обо всём этом и не только в книге Привет эпохе. Откровения репортера (Олег Якубов)

Олег Якубов

Привет эп

Откровения
репортера

ОЛЕГ ЯКУБОВ

Родителям и учителям моим
посвящаю

ПРИВЕТ ЭПОХЕ

(Откровения репортера)

—

ОТ НАЧАЛА...

Вас никогда, как птицу с ветки, не сшибали камнями? А может быть, вы падали с буровой вышки, переправлялись в танке под водой, или, напялив несуразно высокие резиновые сапоги, сутками бродили со змееловами по пустыне в поиске ядовитой кобры? Тоже нет? Да, кстати, а когда вы последний

раз беседовали с премьер-министром Японии? Ах, не беседовали вовсе, только по телеку его видели... Ну, значит, репортер – не ваша профессия. И будем считать, что повезло не вам, а мне.

...Четырнадцатилетний мальчишка написал несколько неразборчивых строк на тетрадных листочках в клеточку и когда этот опус, безжалостной рукой литредактора искореженный и сокращенный до неузнаваемости, все же появился в молодежной газете, и я увидел на первой полосе свою фамилию, выбор профессии состоялся.

Свое восемнадцатилетие начинающий журналист отметил, как никто другой

– именно в день рождения меня приняли на работу в многотиражную газету на почетную должность курьера, и вообще – «прислуги за все». На следующее утро я сбегал в университет, где учился на первом курсе, тайком от родителей перевелся на заочное отделение и помчался в редакцию, прихватив по дороге бесхозный и основательно проржавевший мотороллер «Вятка», так как полагал, что при хлопотных обязанностях курьера персональный транспорт просто необходим.

Старшие коллеги баловали «малыша» и доверяли мне самые «ответственные задания». Я бегал в ближайший магазин за водкой, вычитывал остро пахнущие типографской краской гранки, за каждого, кто изъявлял желание отлынить, дежурил по номеру, научился тонкой стальной линейкой –

строкомером не только измерять размер текста, но и резать хлеб с колбасой, а иногда мне разрешали даже подготовить какой-нибудь репортаж, интервью или информацию. Одним словом, я прошел блестящую школу «молодого бойца».

Выйдя за порог этого многотиражного вертепа в большую журналистику, я сделал для себя главный вывод – без газеты мне не жить. А поскольку и хлебом, и солью любой газеты, как известно, является репортаж, то специализацию я себе выбрал репортерскую.

Теоретики уже много веков спорят, что главное в профессии. Называют эрудицию, память, мобильность, профессиональное нахальство и даже умение пить, не пьянея. Я же полагаю, что главное для репортера – умение слушать. Даже не задавать вопросы – это не так уж сложно, а именно слушать. И еще я искренне считаю, что нет неинтересных людей и скучных собеседников. Есть плохие репортеры, не умеющие слушать. Я слушаю вот уже сорок с лишним лет, и до сих пор от этого не устал.

Кое-что из услышанного я предлагаю вниманию читателей этой книги. Сразу оговорюсь. Хотя я и пытался придерживаться хронологии событий, да и биографических деталей не избежал, это не мемуары и даже не наброски к будущим мемуарам. Мемуаристика вообще не репортерский жанр. Просто мне захотелось познакомить вас поближе с некоторыми из тех замечательных людей, общение с которыми подарила мне моя лучшая в мире профессия. Это ис-

тории смешные и забавные, иногда грустные, а порой даже трагичные. Но все, без исключения, – откровенные.

Впрочем, вам судить...

ГЛАВА 1

Редакция многотиражной газеты «Геологоразведчик Узбекистана» находилась в покоившемся двухкомнатном флигеле на задворках республиканского министерства геологии. Эта газета стала едва ли не последним пристанищем для спивающихся литрабов, выброшенных за борт нормальной журналистики. Ранним утром здесь еще имитировалась хоть какая-то видимость работы, но уже к двенадцати часам дня «столпы республиканской журналистики», как их пышно величал редактор, устраивались в какой-нибудь близлежащей кафешке и предавались воспоминаниям о былых литературных подвигах и свершениях. Возглавлял эти посиделки шеф – Геннадий Иванович Леонтьев, причислявший себя, и кажется, вполне искренне, к «столпам отечественной журналистики».

Леонтьев был человеком поистине удивительной биографии и прославился тем, что ни единого дня не проработал рядовым сотрудником, а сразу стал редактором.

А произошло следующее. В конце все еще гуманных сороковых, закончив десятилетку, юный Гена устроился на работу в газету маленького уральского городка. Принимавший у него заявление редактор, ночью, по обыкновению того вре-

мени, был арестован. Возглавлять газету стало решительно некому, Леонтьева в первый же день его трудовой деятельности назначили редактором. Как-то раз, дело было в начале осени, горсовет выделил деньги на дрова для отопления редакции. Деньги были пропиты в одночасье, а когда ударили ранние морозы, лихие журналисты встали на лыжи и отправились в лес на заготовку дров. Они планировали вернуться через пару деньков, но из-за снежных заносов, вынуждены были укрыться в охотничьем домике и, потеряв счет времени, вернулись в родной город только через десять дней. Леонтьев отправился редакторствовать в другой город и долго потом кочевал по Уралу. Менялись редакции, но не менялась его должность, зафиксированная в трудовой книжке раз и навсегда – редактор. Великая все же была сила, эта номенклатура.

Подорвав изрядно в суровом краю здоровье, номенклатурный Геннадий Иванович добрался до теплых узбекских краев. Потыркавшись по чиновничьим кабинетам, он, наконец, получил вакантную к тому времени должность редактора геологической многотиражки. В зависимости от времени года, этот крупный грузный человек ходил либо в пальто, либо в костюме, но два атрибута гардероба были неизменны – старые потускневшие калоши и старомодная, потерявшая всякую форму, широкополая велюровая шляпа ядовито зеленого цвета. К девяти утра он являлся в редакцию, аккуратно ставил в угол при входе калоши, основательно усажи-

вался за письменный стол, извлекал из необъятных карманов неизменный завтрак – бутылку водки, селедку, завернутую в купленную по дороге свежую газету и краюху хлеба. Завтракать, читать газету и просматривать оригиналы материалов он умудрялся одновременно. Больше всех доставалось от его завтраков мне. В силу своих курьерских обязанностей я отвозил оригиналы в типографию и выслушивал от рабочих такое, от чего краснела даже серая газетная бумага. Линотиписты кричали, что больше не желают терпеть эту селедочную вонь, швырялись различными, по большей части металлическими предметами, и вообще всяко гневались. Но на каждую газетную верстку я получал от редактора десять рублей, как он их называл, представительских. Уже скоро я научился усмирять гнев типографских демонстрацией пресловутого «червонца», суля им, за труды праведные и долготерпение, различные кулинарно-алкогольные развлечения в круглосуточном издательском буфете. Они меняли гнев на милость, но заставляли меня пособлять им во всем. Я и не противился. Мне было все интересно в прекрасной моей работе. Я охотно помогал линотипистам, научился верстать отлитые в свинце газетные строчки, набирать в металлической рамке заголовки и даже путался под ногами у аристократов типографского мира – мастеров ротационных машин, по огромным барабанам которых ночью нескончаемым потоком текли остро пахнущие краской завтрашние газеты. Выпустив номер и, прихватив с десятков сигнальных экзем-

пляров, я мчался по предраассветному городу в опустевшую редакцию, где начиналось мое время. Расчехлив портативную машинку «Москва», я писал собственные репортажи.

Обладателем пишущей машинки я стал в первый же день работы. Едва появился в редакции, кто-то из старших коллег вкрадчиво поинтересовался, умею ли я печатать на машинке. Услышав отрицательный ответ, умудренный опытом соратник, категорично и внушительно произнес: «Пока не научишься, журналистом тебе не быть» и тут же, смилостивившись, предложил приобрести у него за «смехотворную» цену в пятьдесят рублей «Москву». Я был счастлив. Радость моя не угасла даже тогда, когда ремонтный мастер содрал с меня за восстановление «этой рухляди» еще столько же. Как можно было думать о деньгах, когда передо мной открывались столь блестящие перспективы.

Спустя несколько месяцев, на меня обратил внимание единственный сотрудник, никогда не принимавший участия в редакционных пьянках – фотокорреспондент Эмиль Каримов. Коллеги злословили, что Эмиль «свою цистерну уже вылакал» и потому может себе позволить быть праведником. Сам же Эмиль утверждал, что зелье никогда не жаловал. Этот пожилой человек сказал, что не владеющая фотоаппаратом особь не смеет называть себя журналистом, и я рысью помчался в магазин, где приобрел дивный «Киев-4». Эмиль Михайлович не только щедро делился со мной секретами фотомастерства, но и стал брать меня в командировки.

Он обожал съемки с верхней точки и молодой ассистент был ему просто необходим.

Однажды под Самаркандом мы с ним увидели совершенно потрясающее зрелище. На площади перед мечетью, стоя на коленях, молилось множество мужчин. А рядов в десять перед ними выстроились остроконечные узбекские калоши. Неподалеку от мечети росло развесистое дерево, куда я Михалычем тотчас и был отправлен. На верхней ветке я устраивался долго и неуклюже, наделал, должно быть, шуму изрядного, чем и привлек к себе внимание. Один из молящихся прервал свое общение с аллахом и вплотную занялся мной: камни в сторону дерева полетели один за другим. Наспех щелкнув несколько раз фотозатвором, я кубарем скатился вниз. Впрочем, даже из этой поспешной съемки Каримов умудрился сделать серию блестящих снимков, которые впоследствии с удовольствием опубликовал «Огонек».

Спустя пару месяцев мы с Михалычем делали репортаж о буровиках. Сыпучие барханы каракумской пустыни привлекли внимание фотохудожника. На этот раз мне пришлось карабкаться на самую верхотуру буровой. Не шее у меня болтались две фотокамеры, ремешок третьей я перекинул через плечо. Едва докарабкался доверху, ремешок соскользнул с потного плеча, фотоаппарат полетел вниз, а я, инстинктивно, нырнул за ним. Песок принял меня в свои «нежные объятия», но после рентгена врач районной больнички недоуменно развел руками: ни одного перелома, только сильные

ушибы. Михалыч ворчал, что я приношу ему одни несчастья, но по-прежнему меня опекал и даже бесстрашно спорил с редактором, которого ничуть не боялся. Он утверждал, что «грех держать пацана на курьерской должности, а надо в хвост и гриву гонять по командировкам». Авторитет его сыграл свою роль, да и в командировки ездить особых желающих среди наших редакционных «созерцателей действительности» не находилось. Так что стал я с той поры колесить по геологическим партиям и экспедициям, чему рад был несказанно.

СОЛНЦЕ ИСТОРИЮ ПОГУБИТ

Оказавшись в экспедиции у гидрогеологов, я сподобился присутствовать при историческом событии – торжественном открытии очередной «ветки» Большого Ферганского канала (БФК). В знойном узбекском климате народная поговорка «вода – это жизнь» имеет особое значение. Поэтому на торжество приехало начальство самого высокого ранга. Открывать новую очередь канала должен был первый секретарь ЦК компартии Узбекистана, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Шараф Рашидович Рашидов. Как и положено, натянули красную ленточку, на красной же подушечке уложили блестящие ножницы. Начальство вальяжной поступью приближалось к месту исторического события. Впереди – высокий, седовласый, со Звездой Героя Соцтруда на лацкане светлосерого пиджака шествовал Рашидов. Среди фоторе-

портеров, толпящихся по другую сторону ленточки, раздался ропот. Кто-то явственно произнес: «Труба дело. Солнце прямо в объектив светит, будь оно неладно. Ни хрена не получится, одна чернота будет». Знать меня в ту пору из коллег никто не знал, и мнение мое никого не интересовало. Встрял, однако ж:

– Так надо их попросить, – И я кивнул в сторону начальства, – чтобы ленточку с другой стороны перерезали.

– Ну, иди, попроси. Кто тебя, дурака, к ним подпустит? Пикнуть не успеешь, руки заломят.

Пикнуть и вправду никто не успел, как я, сам не ведая, чего творю, уже перемахнул по другую сторону. Думаю, в тот момент все попросту оторопели, а когда спохватились, я уже сбивчиво обращался, и не к кому-нибудь, а к Рашидову!

– Шараф Рашидович, Фотографировать нельзя. Солнце мешает. Ничего не получится...

Но меня уже теснили, железной хваткой сцепив руки, плечи, попутно награждая за самоотверженность чувствительными тумаками. Понимая, что ничего своей выходкой не добился, я в отчаяньи выкрикнул: «Да ведь солнце историю погубит!»

– А ну-ка, погодите! – строго приказал Рашидов. – И, уже обращаясь непосредственно ко мне, спросил. – Какое солнце? Какую историю погубит?

Понимая, что никто мне разглагольствовать не позволит, я четко, как только сумел в тот напряженный момент, объяс-

нил ситуацию. Когда-то в молодости, вернувшись после ранения с фронта, Рашидов и сам работал сначала журналистом, потом редактором республиканской газеты. Наверное, поэтому он сразу уловил суть.

– А что? Он ведь прав. Мы должны сохранить для истории этот момент. Да и ничего страшного не произойдет, если мы ленточку перережем с другой стороны. – И перешагнул первым, попутно бросив через плечо охранникам досадливое. – Отпустите же вы его, в конце-то концов. – И уже обращаясь непосредственно ко мне, добавил короткое резюме. – Молодец.

Х Х

Х

...Вернувшись из очередной командировки, я застал в редакции страшный раскардаш. Повсюду валялись растерзанные подшивки газет, дверцы опустевших шкафов были настежь раскрыты, столы сдвинуты к середине. Словоохотливая машинистка Валентина – первый раз за год увидел ее почти трезвой – объяснила мне, что вышел какой-то то ли указ, то ли приказ и по всему Союзу закрыты все ведомственные геологические газеты. Наша, понятно, в том числе.

– Иди к Гавнадий Иванычу (она Леонтьева иначе даже в глаза не называла), он как раз ребятам трудовые книжки заполняет, – посоветовала Валентина.

Печь в редакции давно остыла, было холодно и уют-

но. Геннадий Иванович, не сняв пальто, шляпы и калош, восседал на своем привычном месте. Традиционная бутылка «московской» была уже ополовинена.

– Ну, ты уже наши новости знаешь? – поинтересовался Леонтьев. – Вот и ладушки. Говори, чего тебе в трудовую книжку записать?

– Как понять? – туповато поинтересовался я.

– Экий ты тугодум, – пожурил редактор. – Вот я всем ребятам написал в графе занимаемая должность – «заместитель редактора». Но ты-то для замредактора годами не вышел, вот и спрашиваю, чего тебе писать. Ты же у нас курьером все это время числился, а с такой записью в трудовой куда пойдешь? Вот что, – решил он сам, – напишу тебе «ответственный секретарь». Тем более, секретарскую работу и верстку ты действительно знаешь.

«Да пишите, что хотите», – удрученно ответил я. Известие о том, что газета закрыта, меня не поразило даже, а потрясло. Через две недели мне исполнялось девятнадцать лет, я полагал, что жизнь с момента закрытия геологической газеты утратила всякий смысл.

Дома моих горестей не разделили. Отец проворчал: «Ну, и слава Богу. Вернешься на очное отделение, будешь учиться как все нормальные студенты, «хвосты» свои сдашь, наконец.

Отцовскому совету сын не внял. Месяца три бестолково топтался по редакциям ташкентских газет и равнодушная

фраза «вакансий нет» преследовала меня даже по ночам во сне. А потом меня зазвал к себе домой на чашку чая Эмиль Михайлович Каримов.

– Ну что, никуда не берут? – спросил он без обиняков, не прекращая манипулировать с заварочным чайником. И добавил безжалостно и категорично. – И не возьмут. Никого из нашей «подтиражки» никуда в приличное место не возьмут, уж поверь моему опыту. И ты никому не докажешь, что не водку вместе со всеми жлекал, а делом занимался. К тому же тебе сейчас сколько, всего девятнадцать? Ну, кому ты, такой молокосос, нужен? Да ладно, ладно, не вешай носа. Я вот что тебе сказать хочу. Ты молодой, семьей не обременен. Мотай-ка ты в область.

– В какую еще область? – переспросил его, ошарашенный неожиданным предложением.

– Да в любую, – откликнулся Михалыч, разливая чай по пиалам и подвигая ко мне вазочку с вареньем. – В областных газетах на кадры голод. Возьмут хоть черта в ступе, им люди позарез нужны. А школа областной газеты, поверь мне, сынок, это школа настоящего мастерства. Поработаешь лет, эдак, с пяток в «областнухе», потом с таким опытом в столицу на белом коне въедешь.

– Ну, а куда конкретно посоветуете?

Михалыч усмехнулся, взял меня за руку, подвел к стене, на которой висела карта Узбекистана и предложил:

– Закрой глаза и наугад ткни пальцем.

Так я и поступил, решая собственную судьбу. Открыв глаза, глянул на карту. Палец твердо уперся в название «Фергана».

– Ну, вот видишь, – удовлетворенно хмыкнул Эмиль Михайлович. – Прекрасный город Фергана, к тому же ты там бывал, по-моему, не раз. – и добавил строго и наставительно. – Не дрейфь. Я тебе дело советую.

Колебался я недолго. Предложение старого репортера с каждым днем размышлений нравилось мне все больше. Наспех сочинив для родителей какую-то небылицу про студенческий семинар, я забрался на верхнюю полку плацкартного вагона поезда и уже через двенадцать часов был в Фергане. В редакцию «Ферганской правды» отправился прямо с вокзала.

Было раннее утро. Рабочий день еще не начался, но редактор уже находился на месте и я беспрепятственно зашел в кабинет. Выслушал он меня довольно хмуро, но потом, открыв трудовую книжку с единственной записью, разом повеселел:

– А ты, оказывается, ценный кадр, – заявил редактор. – Отлично, отлично. Нам как раз в секретариат люди нужны. Пойдешь работать заместителем ответственного секретаря, – огласил он свое решение.

– Не, я в секретариат больше не хочу, мне бы в пишущий отдел.

– Ишь ты! – даже не возмутился, а скорее удивился такой строптивости юного просителя редактор. Еще один ге-

ний выискался. Ты что же, хорошо пишешь?

– Может, пока и не хорошо, – сознался я. – Но научиться хочу.

– Ну, вот что, – редактор вышел из-за стола и, подойдя к окну, поманил меня за собой. – Вон видишь, дом стоит четырехэтажный, новый. Недавно сдали. Это наш ведомственный дом, построенный для журналистов и типографских рабочих. А теперь смотри. – Он вернулся к столу, выдвинул один из ящиков и достал оттуда ключ. – Это ключ от однокомнатной квартиры в том самом доме. Держу специально для работника секретариата. Сейчас пишешь заявление, получаешь ключ, идешь устраиваться, а после обеда выходишь на работу. Годится?

– Я бы подумать хотел...

– Ну, думать никогда не вредно. Жду тебя завтра, – он посмотрел на часы. – В это же время. Но ни минутой позже. Молод ты еще условия ставить.

Удрученный, покидал я редакцию. Возвращаться снова к технической секретарской работе не хотелось ни в какую, даже ценой столь заманчивого предложения, как получение собственной квартиры. «А может, согласиться, обустроиться, а потом из секретариата в отдел перебраться?» – мелькнула мысль. Дабы все спокойно обдумать присел я на какую-то скамейку. Но думать мешал беспрестанно бубнящий, искаженный паршивым динамиком голос. Он раздражал, не давал сосредоточиться. Оглядевшись, я понял, что оказался

вблизи автовокзала, а бубнящий голос возвещал об отправлении и прибытии автобусов. Ближайший к Фергане город – Наманган, припомнилось мне из моих прежних командировок по республике. А не махнуть ли в соседнюю область и попытать счастья там? Сказано – сделано, и я поспешил к кассе.

Кассирша огорчила тем, что автобус в Наманган ушел пять минут назад, ближайший будет через 55 минут. Я уж было решил подождать, когда все тот же бубнящий голос объявил об отправлении андижанского автобуса. Узнав у кассирши, что до Андижана ехать всего час, ринулся к автобусу.

Редакцию андижанской областной газеты долго искать не пришлось – она находилась тут же, на привокзальной площади. В приемной редактора никогда не было. Поскребшись в обитую дерматином дверь и, не услышав ответа, я переступил порог кабинета. Трое сидящих там мужчин глянули на меня вопрошающе.

– Я приехал из Ташкента, хочу устроиться к вам на работу.

– Приехал из Ташкента и сразу на работу, – насмешливо произнес явно главный из всех. – Ну, раз приехал, проходи, рассказывай, кто ты, да что ты.

Коротко поведал о своих «достижениях» – со школьных лет печатался в республиканской молодежи, потом год проработал в редакции геологической газеты.

– Н-да, – проворчал редактор. – Биография, прямо ска-

жем, небогатая. Люди-то нам нужны, но вот нужен ли нам именно ты, это еще большой вопрос.

– Ну, что вы, если у вас есть вакансии, то я вам подойду, – достаточно опрометчиво проявил я неоправданную самоуверенность.

– А ты, оказывается, еще и нахал, – без всякого, впрочем, недовольства констатировал редактор. – Да ты не обижайся, может, оно и неплохо. Мы вот как с тобой поступим. Ты погуляй по городу, пообедай, а часикам к четверем возвращайся. А мы тем временем подумаем.

До четырех часов я бесцельно шатался по пыльному Андижану и, едва дождавшись назначенного времени, с трепетом вновь зашел в уже знакомый кабинет. На этот раз редактор был один. Он пригласил меня присесть возле приставного столика, радушно предложил чаю, что я немедленно оценил как хорошее предзнаменование, но заговорил достаточно строгим тоном:

– Нам действительно нужны журналисты. Но потянешь ты работу или нет, я не знаю. Поэтому решение будет таким. Возьмем тебя в штат с испытательным сроком. Справишься – будешь работать. Нет – поедешь восвояси. Ну как, согласен?

– Еще как согласен, спасибо. Я справлюсь, вот увидите. А когда приехать можно? Мне же надо домой съездить, родителей предупредить...

– Вот и поезжай, предупреждай. Как сможешь, возвра-

щайся. Глядишь еще, папа с мамой тебя никуда не отпустят. Да ты не беспокойся, – заметив мое явное смятение, успокоил редактор. – Никуда твоя вакансия от тебя не убежит. Раз обещал, возьму.

Что творилось дома, когда я объявил о своем решении! Мама тайком плакала, но мои заверения, что без газеты я своей жизни не мыслю, молчаливо одобряла. Отец, сначала выдав несколько нелестных эпитетов по поводу моего характера, жизненных взглядов и умственных способностей, сказал с горечью: «Что люди скажут? Ребенок из родительского дома на чужбину едет работать». После этого он попросту перестал со мной общаться. В этой гнетущей обстановке, не ведая, что ждет впереди, и покидал я отчий дом. На душе было скверно, тревожно. И радостно.

ГЛАВА 2

Областной город Андижан свои объятья мне раскрывать не торопился. Новые коллеги встретили меня сдержанно. Когда редактор «Андижанской правды» Рубен Акопович Сафаров представил меня заведующему отделом культуры и информации Марку Михайловичу Кошеватскому, тот лишь голову склонил – подчиняюсь, мол, принятому руководством решению. Но мне было не до самокопаний и тонких психологических нюансов. После геологического дурдома, областная редакция казалась мне храмом журналисти-

ки. Люди здесь вкалывали с утра до вечера. И не мудро. В тот период областную ежедневную газету делали всего-навсего шесть журналистов. А если точнее, то пять, плюс новичок. И хотя я старался изо всех сил, проку от меня, как теперь понимаю, было совсем немного. В редакции засиживался допоздна, идти в общий номер гостиницы, где поселился, не хотелось. Там вечерами резались в карты командировочные, пили дешевый портвейн, а радиорепродуктор не выключался и звук в нем не регулировался. Через неделю я получил первое самостоятельное задание. Надо было поехать в колхоз и подготовить репортаж о клубной самодеятельности. «Секретарь парткома колхоза в курсе, так что он тебе данные даст» – вот и все напутствие, которое я получил от своего непосредственного начальства. Колхозный «партайгеноссе» ожидал, вероятно, увидеть маститого мастера пера, но никак не мальчишку, предъявившего красную книжицу-удостоверение. Он долго вертел в руках мой документ, даже колупнул ногтем обложку, потом, смирившись и, следуя неукоснительным законам гостеприимства, завел меня в комнату, где уже был накрыт стол.

– Спасибо, я не голоден. Мне бы поговорить с вами, – робко попытался я отказаться от угощения.

– Э, нет, – живо отреагировал секретарь парткома. – Сначала обед, потом разговоры. Если не кушаешь, значит фейлетон (он именно так и произнес) писать хочешь.

– Ну почему обязательно фельетон? Просто мне хотелось

бы сначала с вами побеседовать, в клубе побывать, с руководителем самодеятельности познакомиться...

Но меня уже никто не слушал. Какие-то люди подносили к столу все новые и новые блюда, придвинутый ко мне стакан уже был полон водкой. За столом сидело человек шесть-семь, они о чем-то говорили на родном языке, а я проклял себя за то, что вместо прилежного изучения в школе узбекского языка, сбегал с уроков и беспечно гонял на спортплощадке в футбол. Попытка незаметно передвинуть стакан в сторону успехом не увенчалась, меня тотчас уличили в антиобщественном поступке и я вынужден был глотать обжигающую горло и нутро жидкость. Алкоголь меня не брал, так я был напряжен. Наконец, эта пытка обедом закончилась и мы отправились в громадный сарай, важно именуемый здесь дворцом культуры. Вечером, добравшись до редакции, уселся за пишущую машинку и на удивление легко настроил репортаж. Через день, когда материал уже был опубликован, удостоился всяческих похвал начальства за свежесть взгляда, необычность изложения и еще за что-то. Эти похвалы ничуть меня не грели, скорее – обжигали. Уж слишком явно увидел я перед собой бывших коллег по «Геологоразведчику Узбекистана»: большинство из них не в состоянии были написать и строчки без алкогольного допинга. В тот день я дал себе зарок, которому, кстати, свято следую и по сей день – под воздействием алкоголя к письменному столу даже близко не подходить.

ВСЕХ ОБОГРЕТЬ

Анну Васильевну Мальцеву, юную вдову погибшего моряка – Героя Советского Союза эвакуировали в Андижан из блокадного Ленинграда. Здесь она закончила педагогический институт, стала работать в школе, снова вышла замуж, родила дочь, похоронила мужа, скончавшегося от многочисленных фронтовых ранений. Школ тогда в Андижане было немного, Анну Васильевну знал, что называется, весь город. Бывшие ученики ее обожали, не забывали, окончив школу, навещать, и непременно с цветами. К Анне Васильевне меня привел коллега по работе, когда я уж совсем отчаялся найти себе съемное жилье.

– Отведу тебя вечером к одной замечательной женщине, – сказал мне коллега. – Она весь город знает, и весь город знает ее. Уж она тебе точно что-нибудь да сыщет.

Вечером мы уже пили чай у Анны Васильевны. Двое ее внуков с ног до головы извозились принесенным нами тортом и она шуганула их в ванную, наказав как следует умыться и немедленно ложиться спать. На прощанье она мне сказала, чтобы завтра после работы пришел к ней прямо с вещами, а за день она точно жилье подберет. Вот так со спортивной сумкой, где находился немудреный мой гардероб, я к ней и заявился. Снова пили чай, не спеша, беседовали, а я все недоумевал, отчего она ничего не говорит по поводу моей просьбы. Был уже довольно поздний вечер, когда Анна

Васильевна, уложив спать беспокойных Вовку и Лену, произнесла: «Спать пора, на работу вставать рано. Пойдем, покажу тебе твое место.

Все так же недоумевая, отправился следом за ней на кухню. Со вчерашнего дня здесь произошли перестановки. Стол чуть ли не вплотную придвинули к газовой плите, а между окном и стеной втиснули маленький диванчик, уже застеленный чистым постельным бельем.

– Сегодня ничего приличного найти не сумела, – пояснила Анна Васильевна. – Так что поживешь здесь денек-другой, а я тебе квартиру подыщу. Да ты не беспокойся, – заметила она мою растерянность, – мы тебе не помешаем. Из гостиницы-то небось выписался? Так что идти тебе некуда. Располагайся.

Идти мне и впрямь было решительно неуда. Я смирился. Как известно, нет ничего более постоянного, чем временные ситуации – у Анны Васильевны на кухне я прожил три месяца. По вечерам она приходила на кухню, закуривала «Беломор», современных сигарет не признавала, и мы вели с ней неторопливые беседы. Собственно говоря, я больше молчал и слушал. Слушал про то, как чудом выжила она в блокадном Ленинграде, как, будучи студенткой, латала-перелатывала единственное платье, как, после смерти второго мужа, боялась с кем-нибудь вновь связать свою жизнь. Про бесчисленных своих учеников рассказывать могла часами. Всех их Анна Васильевна помнила по именам и каждого из

них продолжала она любить.

Через несколько дней после того, как я нее поселился, нам в редакции выдавали пресловутые продовольственные наборы. Я с гордостью нес в дом два килограмма костей со звучным названием «мясное рагу», пакет с торчащими во все стороны серыми макаронами и несколько банок каких-то неопределенных консервов. Анны А Васильевны дома не было, она отправилась после работы навещать какую-то заболевшую ученицу. Вовка и Леночка, радуясь моему приходу, тут же полезли в пакеты.

– Так, дети, – строго сказал я. – Бабушка вернется голодная, надо приготовить ужин. Я сейчас поставлю кипятить воду, а вы берите макароны и начинайте какждую макаронину продувать.

– А зачем их продувать? – не ведая подвоха, любопытствовали малыши.

– Как это зачем? Чтоб не слиплись.

Детишки на дурацкий розыгрыш клюнули моментально, разложили макароны на столе и принялись со рвением дуть в каждую макаронину. За этим занятием и застала их изумленная столь невиданной картиной бабушка. Она пыталась пресечь эту глупость, но не тут-то было. Вовка и Лена в один голос талдычили «дядя Олег сказал» и продолжали продувать макароны.

После ужина Анна Васильевна, по обыкновению, зашла на кухню. Я что-то строчил в блокноте.

– Занят? – спросила она и хмуро добавила. А придется прерваться.

Полагая, что сейчас последует справедливое внушение за нелепый розыгрыш, я смиренно вздохнул и приготовился извиняться. Но разговор принял совершенно неожиданный поворот.

– Ты что это удумал, в дом с продуктами приходить? – строго спросила она. – У нас что, еды нет, ты голодный ходишь? Стыдно, очень стыдно! Не ожидала, что ты способен меня так обидеть.

– Да помилуйте, Анна Васильевна. Чем же я вас обидел? На работе сегодня выдавали наборы. Куда же мне нести-то было, если не к вам? И потом, раз уже зашел такой разговор. Мне и так неловко. Я знаю, что ваша дочь живет отдельно. На детей, не обижайтесь только за прямоту, денег почти не дает. А тут я еще на вашей шее сидеть буду. Да мне просто кусок в глотку не лезет. Я же работаю, зарплату получаю. Почему же я не могу продуктов купить?

И вдруг она, отвернувшись, заплакала. Я от этого совсем растерялся, не знаю, как ее успокоить и, не понимая, чем же я так обидел свою хозяйку. Немного успокоившись, она с непередаваемой горечью заговорила:

– Неужели ты действительно не понимаешь, как меня обидел? Когда я, умирающая от голода, добралась из Ленинграда до Андижана и первый раз взяла в руки узбекскую лепешку, она показалась мне самым прекрасным блюдом из всех,

какие я когда-то пробовала. Только бы был хлеб, мечтала я тогда. А какая нынче жизнь! И хлеба вдоволь, и других продуктов – ешь, не хочу. И ты еще смеешь о еде говорить.

– Но, Анна Васильевна, не можете же вы весь мир накормить и обогреть.

– Всех, всех, кого ты встречаешь в жизни, надо обогреть. – Анна Васильевна решительно загасила в пепельнице папиросу, поднялась с табурета, выпрямилась во весь рост и, хотя была она в домашнем застиранном халате, я я тотчас увидел перед собой строгую учительницу с указкой. В голосе ее зазвучал металл. – Никогда больше не смей этого делать. Никогда! – и твердой походкой вышла она из кухни.

Х Х

Х

...Наступил двадцатый мой день рождения. На сей «солидный» юбилей пригласил я к себе трех гостей, в их числе и своего непосредственного начальника Марка Кошеватского. К тому времени я уже был обладателем совершенно дивной отдельной комнаты «с удобствами во дворе». Ну, насчет комнаты я несколько погорячился. Баптист Федор оштукатурил пустовавший у него во дворе курятник, поставил печку-буржуйку, прорубил окно, приладил дверь и все это великолепие сдал мне за десять рублей в месяц.

– Первым делом повесь плотную занавеску на окно, – заявил мне суровый немногословный Федор, пряча в карман

«червонец», принятый от меня в качестве оплаты за месяц вперед.

– Какую еще занавеску?

– Плотную, – повторил Федор и, видимо, считая разговор исчерпанным, зашагал прочь. Потом все же обернулся и снизошел до пояснения. – Ты девок водить будешь, а у меня дети.

В качестве подоконника Федор приспособил в курятнике широченную гладко оструганную доску, которая служила мне и обеденным и письменным столом. Привезенная из Ташкента портативная пишущая машинка «Москва» прекрасно вписалась в интерьер.

...В день рождения я выпросил у Федора на прокат кухонный шкафчик, который, по моему мнению, заменял праздничный стол, и несколько табуреток. Что-то я неумело стряпал сам, основное угощение приобрел в соседней чайхане и в итоге своими стараниями остался весьма доволен. Двое гостей – заведующий одного из отделов нашей редакции Марат Садвакасов и фотокорреспондент Боря Юсупов явились вовремя. Вручили подарки и ринулись сразу к столу. Я предложил подождать моего шефа, на что мне сразу же возразили, что трое одного не ждут. Мои гости, видно, дня три постились, так как закуски исчезали со стола с невиданной скоростью.

– Слушайте, мужики, давайте все же Марка подождем, – забеспокоился хозяин, видя столь стремительный натиск на

стол.

Боря с набитым ртом, лишь энергично замотал головой, а Марат предложил: «Пойдем, покурим».

– Да кури здесь, на улице холодно.

– Ничего, ничего, пойдем, заодно и подышим.

Во дворе, пару раз глубоко затянувшись сигаретой, Марат сказал:

– Ты не огорчайся, но Марк не придет. Он мне сам сегодня днем позвонил и сказал.

– Он же обещал...

– Ну, по-моему, он заболел, – как-то неуверенно промямлил Марат, потом втоптал недокуренную сигарету в снег и решительно произнес. – Не хотел тебе день рождения портить, но сейчас решил, что ты должен знать правду. Иначе какой ты мужчина? Вчера вечером у Рубена Акоповича было небольшое совещание. Мы с Марком тоже присутствовали. После совещания Кошеватский сказал, что ему надо поговорить о работе своего отдела. В общем, он высказал мнение, что тебя надо уволить. И чем быстрее, тем лучше.

– Что значит, чем быстрее, тем лучше? – опешил я.

– Марк считает, что из тебя никогда не получится журналиста и нечего тебе жизнь портить, тратя время на специальность, которую ты выбрал неверно. Он сказал, что тебе надо возвращаться в Ташкент, закончить нормально университет и выбрать себе другую профессию.

– И все с ним согласились?

– Не все, – уклончиво ответил Марат. – Рубен Акопович сказал, что прежде, чем увольнять, хочет сам с тобой побеседовать, так что завтра жди вызова на ковер. А теперь пойдём в дом и постарайся не раскисать.

Легко сказать «не раскисать». Я едва дождался, когда гости уйдут и, естественно, провел бессонную ночь. Мне-то навивно казалось, что в редакции я уже свой человек, что работаю, как говорится, на уровне, а тут вон оно как все повернулось. Утром меня вызвал редактор.

О моей профнепригодности он не сказал ни слова. Деловито перебрал в папке бумаги, вытянул оттуда тетрадный листок, густо исписанный синими чернилами, протянул его мне.

– Это письмо пришло из колхоза. Некто обвиняет бухгалтера одного из колхозных отделений в том, что деньги, положенные старшеклассникам за сбор хлопка, бухгалтер попросту присваивает себе. Письмо анонимное, мы имеем право его не проверять. Но ситуация, к сожалению, типичная, думаю, что все здесь – правда. Так что я решил проверку письма поручить тебе. Если факты подтвердятся, напишешь материал. Отнесись к этому заданию со всей серьезностью. Не скрою, от того, как ты справишься, многое для тебя в дальнейшем будет зависеть. Я тебя торопить не стану, да ты и сам не спеши, разберись во всем обстоятельно. Да, вот еще что. Своему заву, Марку Михайловичу, об этом задании можешь не докладывать. Я сам его предупрежу. Отправляйся

хоть завтра.

– А сегодня можно?

– Нет, сегодня нельзя. Я же тебе сказал, не торопись. Иди к себе, как следует подумай, наметь план проверки, и только потом поезжай. Ты уж постарайся, Олег, – добавил Рубен Акопович, заметно смягчив тон.

ПРЕВЫСИВ ПОЛНОМОЧИЯ

Колхоз находился у черта на куличках. Даже в редакционном отделе сельского хозяйства, мне не смогли точно объяснить, как туда добираться. Сначала я доехал до райцентра, потом до правления колхоза, оттуда на попутном грузовике до отделения, где еще долго месил непролазную грязь, в которую превратился растаявший за ночь снег. В письме неведомого мне правдолюбца назывались фамилии детей, чьи деньги присваивала бухгалтер. Я стал разыскивать родителей этих детей. Разговаривали со мной хмуро, явно неохотно. Родители детей, все как один, твердили, что деньги за работу старшеклассников, колхоз начислил и выплатил исправно. Большого мне от них добиться не удалось. Короткий зимний день стремительно переходил в сумрачный вечер, а в моем блокноте, кроме фамилий, ничего не было. И тогда я, узнав адрес, отправился домой к «воровке-бухгалтеру», как она была поименована в письме. «Воровкой» оказалась еще довольно молодая полная женщина, хлопотавшая у плиты и слушавшая меня, как мне поначалу показалось, довольно

рассеянно. Она не возмущалась, не всплескивала руками и вообще не проявляла никаких бурных эмоций. Потом присела к столу и спокойным, даже каким-то равнодушным голосом устало произнесла: «Это Вильков».

– Что – Вильков? – не понял я.

– Это Вильков написал. У нас в колхозе только он пишет.

– Так может, он за правду борется? – уточнил я.

– Да ну за какую правду? всю жизнь лодырем был, потом, бугай здоровый, выхлопотал себе инвалидность. Пенсию получает, из дома носа не кажет, неизвестно за что обижен на весь белый свет. Он на кого только не писал. От проверок и комиссий отбоя нет. Теперь вот до меня добрался.

– А вас с ним что, конфликты какие были?

– Ага, были, – охотно подтвердила она. – Я на собрании при всех ему сказала, что нормальным людям от него житья нет.

– А откуда вы знаете, что это именно он пишет жалобы? Разве другие письма он подписывает совей фамилией?

– Нет, письма все анонимные. Но у нас же здесь не как в городе, все на виду. Да он и не скрывает особо. Как напишет очередную кляузу, так ходит гоголем и грозит: «Вот, скоро придет комиссия, разберутся с вами. А чего с нами разбираться, мы что, преступники какие? Ладно, пойдемте в бухгалтерию, посмотрите сами ведомости, Слова-то к делу не пришьешь, вам же факты нужны».

Бухгалтерия оказалась неподалеку. Из ящика стола жен-

щина достала ведомости, показала их мне. Напротив каждой фамилии стояла роспись. Почерк везде был разный, но уж больно корявы были росписи.

– Что-то детишки как курица лапой карябают, – усомнился я.

– А это и не детишки вовсе, – спокойно ответила бухгалтер. – Школьникам деньги на руки не имеем права давать. Так что и деньги получают, и расписываются – родители. А уж они, поверьте, каждую копейку считают.

Мне ни разу до этого не доводилось изобличать расхитителей, так что опыта у меня не было вовсе. Но этой женщине я почему-то поверил сразу и безоговорочно. Выяснив, что остановка автобуса находится возле почты, я уж было собрался в обратный путь. Но тут вывеска «Почта» навела меня на одну крамольную мысль. Прекрасно понимая, что явно превышаю свои служебные полномочия, я уже не мог остановиться. Предъявив заведующей свое редакционное удостоверение, я попросил ее показать мне бланки телеграмм, отправленных за последний месяц. Расчет мой оказался верным, на сельской почте заведующей и в голову не пришла мысль поинтересоваться, имею ли я право на такую проверку. Красная книжица возымела свое действие и она протянула мне стопку телеграфных бланков. Всего две недели назад наступил новый год, так что бланков оказалось изрядно. Сверяя каждый рукописный текст с письмом анонима, я отобрал четыре бланка, почерки в которых показались мне

схожими с письмом. На мою просьбу отдать мне эти бланки на пару дней, заведующая все также равнодушно покладисто согласилась. Она даже расписки с меня не потребовала, а только глянула в окно и сказала: «Если вам в район, то вон автобус идет».

Всю дорогу до Андижана я ломал голову над тем, что мне теперь делать с этими телеграммами, как сравнивать почерк. К тому же я понимал, узнай кто о моих явно незаконных действиях, по головке меня не поглядят, и тогда я уж точно, да еще и с «волчьим билетом», вылечу из редакции. Утешив себя известным «начал драку не бойся, боишься – не дерись», я уснул крепким сном и кошмары меня не преследовали.

Во дворе нашей редакции находился научно-технический отдел (НТО) областного управления внутренних дел. С одним из экспертов я уже был неплохо знаком, к нему первым делом утром и отправился. Всю историю изложил не лукавя.

– Точно дура-почтальонша сама тебе телеграммы дала, не спер?

– Честное слово, не спер. Сама дала и даже никакой расписки не потребовала.

– Ну, это тебе повезло, – сделал вывод эксперт. – Значит, так. Я тебя кончено выручу, так и быть. Но, сам понимаешь, никакого официального ответа дать тебе не могу. Если найду схожий почерк, ткну пальцем и все. А дальше сам крутись, как хочешь.

– Когда скажешь?

– Забеги вечером. Я сегодня дежурю, так часикам к десяти подгребай, не раньше.

В одиннадцать часов вечера он зашел в редакцию, устроился возле моего стола и выложил на стекло два листка – письмо и бланк телеграммы. «Одной рукой написаны», твердо заявил эксперт.

– Ошибки быть не может?

– Задача для криминалиста первого месяца работы, – ухмыльнулся мой спаситель. – Уж больно характерный почерк, ну и еще кое-какие детальки, в которые я тебя посвящать не имею права.

Оставшись один, я еще раз перечитал текст телеграммы. Поздравительный текст был подписан разборчивой фамилией «Вильков».

С утра пораньше я снова отправился в колхоз и напрямик зашагал к дому Вилькова, который указал мне первый же встречный. Хозяин оказался дома. Крепкий, в меховой безрукавке, в коротко подрезанных валенках, с цепким колючим взглядом, он внимательно выслушал меня и спросил: «А почему, собственно, вы ко мне пришли?»

– А разве не вы письмо в редакцию написали?

– Нет, я письма не писал, хотя изложенные вами недостатки, безусловно имеют место быть, – витиевато высказался Вильков. – И уж коли вы обратились ко мне, могу дать пояснения.

После этого он, практически дословно, пересказал ано-

нимное письмо.

Неразумное желание тут же уличить его, взяло верх над благоразумием и я запальчиво воскликнул:

– Хотя вы утверждаете, что письма в редакцию не писали, я думаю, что автор именно вы. Уж слишком содержание письма вам хорошо и подробно известно, что вы, собственно, мне только что и продемонстрировали.

– Ну, это еще доказать надо, – спокойно парировал Вильков. – Кстати, позвольте еще раз на ваше удостоверение взглянуть, а то я что-то фамилию вашу запомнил.

Он взял протянутое ему удостоверение, переписал на листок бумаги все данные и удовлетворенно заметил:

– Ну что ж, буду сигнализировать вышестоящим инстанциям. Обвинять права не имеете. Так что – до свиданья. А я в амбулаторию пойду, кажись, от вашего визита давление подскочило.

В свой курятник я приехал поздним вечером. Едва попив чаю и, проглотив какой-то наспех сооруженный бутерброд, я, пренебрегая советом многомудрого своего редактора не торопиться, поспешил к пишущей машинке. Злость на этого самоуверенного кляузника клокотала во мне. И все же я понимал, что напрямую обвинять Вилькова во лжи, у меня права нет. Частной моей экспертизе не то что грош цена, она скорее против меня и обернется. Разве что полученные за эти дни данные давали мне моральное право считать негодяя негодяем.

Свой материал я построил в виде открытого письма анониму. Вилькова обозначил лишь инициалом, приписав, что односельчанам и сам он и его укусы исподтишка хорошо известны. Злым и яростным, как потом говорили, получилось то первое в моей жизни журналистское расследование.

– Факты анонимного письма не подтвердились, – докладывал я следующим утром редактору.

Сафаров удивленно поднял брови и с явным сожалением констатировал: «Факты не подтвердились, значит, и материала нет».

– Как раз наоборот, – возразил я ему. – Факты не подтвердились, именно поэтому я написал материал.

– Когда ты успел, торопыга? – в голосе шефа прозвучали нотки явного недовольства. – Ладно, оставь, я посмотрю.

– Вечером, Николай Коркин, ответсекретарь редакции, встретив меня в коридоре, ворчливо упрекнул. Из-за тебя четвертую полосу переверстываю.

– Почему из-за меня?

– Шеф только что велел твоего анонима в номер поставить. Готовь бутылку – Рубен аж сияет весь. Говорит, вот так надо работать.

Х Х

Х

...Не могу сказать, что после «открытого письма анони-

му» почувствовал я себя настоящим журналистом. Скорее наоборот. История с увольнением напугала меня изрядно, а скорее всего, вселила серьезные сомнения в собственных силах и способностях. Я шарахался от темы к теме, но все у меня из рук валилось. Информации и репортажи выходили из-под моего пера, а вернее из пишущей машинки, вялые, невыразительные – так, во всяком случае, мне самому казалось. И тут, видя мои метания, взялся за меня основательно Марат Садвакасов. Был он на двенадцать лет старше меня, в газете работал давно, так что ему-то самому опыта было не занимать.

– А ну-ка, ответь мне, книжный мальчик, что изрек Юрий Олеша в напутствие всем пишущим? – спросил меня однажды Марат.

– «Ни дня без строчки», – тоном прилежного ученика тотчас отрапортовал я без запинки.

– Ага, значит, помнишь, – удовлетворенно констатировал Марат. – Так вот, по отношению к себе переиначь это высказывание так – ни дня без информации.

– Да где ж ее взять, информацию эту проклятую. Я и так над этим голову себе сломал!

– Твоя беда в том, что в этом городе ты до сих пор не стал своим человеком. Ты не знаешь Андижана, не любишь его, и потому тебе все здесь кажется скучным, унылым, провинциальным.

– Ну, зачем ты так?..

– Не перебивай меня, и не возражай, Ты думаешь этого не видно? Видно, да еще как. Особенно мне. Я сам когда-то приехал сюда из Алма-Аты. Влюбился в свою Аську и приехал. Мне поначалу Андижан диким кишлаком казался, я спал и во сне видел, как в Алма-Ату возвращаюсь, а когда понял этот город, сразу открылся он мне иным. А вот каким, не скажу. Ты его для себя сам открыть должен. И тогда еще неизвестно, захочешь ли в свой родной Ташкент возвращаться. Вот что ты по вечерам делаешь, когда не дежуришь? – неожиданно поменял он тему разговора.

– Пишу, или читаю.

– Вот-вот. У тебя и друзей-то здесь нет, девушки знакомой и то нет. Короче, вот тебе план на ближайшее будущее. Утром зашел в редакцию, посидел на пятиминутке и – марш в город. Читай вывески организаций и учреждений и в первую попавшуюся заходи. Заходи и не смей уходить, сам себе запрети, пока у тебя в блокноте не будет хотя бы тридцатистрочной информашки.

– А если там писать не о чем?

– Так не бывает. Значит, ты не сумел найти ничего интересного. И грош цена тебе в таком случае, как репортеру.

И я «отправился в город». Следуя мудрому совету своего старшего друга, стучался, как говорится, во все двери. Поначалу мямлил, не умея точно сформулировать вопросы, но уже через месяц-другой всепоглощающий репортерский азарт захватил меня так, что удержу я уже не знал.

Марат оказался прав на все сто процентов. Город, совершенно иной Андижан, открылся вдруг мне. Здесь были великолепные спортсмены и студенческие команды КВН, ученые совершали открытия, а в колхозах не только выращивали хлопок, но строили жилье и разбивали прекрасные парки. С удивлением вдруг заметил, что на улицах со мной стали здороваться. Коллеги, занимавшие соседний кабинет, ворчали, что телефон на моем письменном столе теперь трезвонит беспрестанно, житья от него нет.

В центральных газетах, где количество творческих сотрудников исчислялось порой сотнями, журналисты боролись за место на полосе. В областной же редакции, при шести-то перьях, пиши – не хочу. В каждом номере у меня теперь появлялись репортаж и, как минимум, четыре-пять информации.

«Освоив» город, стал много ездить по районам области. Поражался филигранному мастерству народных умельцев, мотался со змееловами за коброй (из яда этой змеи добывали уникальное лекарство), летал по вызовам с врачами санитарной авиации, в поисках «изюминки» мотался в самые отдаленные предгорные кишлаки. Добрался даже до высокогорных пастбищ Памиро-Алая. Ту памирскую командировку не забыть мне никогда. И вспоминаю я ее во всяких экстремальных для себя ситуациях...

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Несколько лет назад к бизнесмену и меценату Сергею Михайлову обратились представители российской ассоциации полярников. Северный полюс в опасности. Вернее, в опасности не полюс, а полное отсутствие на нем России. После развала Советского Союза не разу не могли организовать работу дрейфующей станции. А вот канадцы, американцы, французы, норвежцы и даже далекие от тех широт японцы проявляют к исследованиям Северного ледовитого океана все большее и больше внимание.

В общем, пылкие доводы полярников сводились вот к чему: уж коли государство не уделяет этой проблеме необходимого внимания, то должен же найтись истинный патриот России, который все хлопоты (главным образом финансовые!) возьмет на себя.

Михайлов доводам внял, сумел убедить и организовать еще несколько видных предпринимателей. Сергею Анатольевичу удалось консолидировать значительные средства, подготовка и работа первой российской дрейфующей полярной станции была проведена полностью на частные средства.

Подготовительный период длился почти год. Закупались домики для полярников и трактора, иные механизмы и научно-исследовательское оборудование, готовились к дрейфу полярники.

И вот наконец торжественный день настал. Из московского аэропорта Внуково чартерными рейсами вылетело сразу два самолета – как только открытие станции стало ре-

альностью нашлось множество желающих принять участие в ее торжественном открытии. После многочасового перелета самолеты ненадолго приземлились в аэропорту Лонгьер – административном центре архипелага Шпицберген, а затем вылетели непосредственно на льдину.

По дороге бывший штурман полярной авиации Александр Валентинович Орлов, а ныне один из руководителей ассоциации полярников России, со знанием дела делился техническими подробностями. Он рассказал, что для подготовки взлетно-посадочной полосы нужно было найти определенных параметров кусок льдины длиной в 1100 метров. Удалось, правда, найти всего девятисотметровую полосу, но Саша считал, что самолеты и сядут и взлетят, так как пилоты у нас ну просто замечательные и с огромным опытом работы на Северном полюсе. Правда, один из самолетов, который доставил технику, уже на этой чертовой льдине шасси сломал, но на этот раз, глядишь, все обойдется. Он поведал мне также, что в том самом месте, где мы будем садиться, глубина Северного ледовитого океана четыре с лишним тысячи метров, но льдина, утверждал Орлов, хорошо застывшая, достаточно прочная и ничего нам не грозит. Честно признаюсь, его рассказы оптимизма мне лично не добавляли. Конечно, напросившись в экспедицию, трусом выглядеть не хотелось, поэтому я и помалкивал, вспоминая невольно свой небогатый, но достаточно плачевный опыт общения со снежной стихией.

Я родился и вырос в Узбекистане. Снег для тех краев редкость, но я умудрился нахлебаться именно от снега. Причем, что называется, на ровном месте.

Еще только начиная работу в журналистике, оказался я предгорьях Тянь-Шаня на чемпионате СССР по дельтапланизму. И дернула меня нелегкая самому попробовать на этом крыле полетать. После инструктажа и долгих наставлений, слетел я с какого-то пустычного пригорка, ног умудрился не переломать, живой-невредимый коснулся земли и страшно собой гордый стал складывать дельтаплан. А вся группа спортсменов к тому времени уже полеты закончила собралась вместе и по тропке отправилась вниз, к маленькой гостиничке, где поселились участники чемпионата.

Закрепив понадежнее дельтаплан, я тоже стал спускаться. В этот момент резко, как это бывает только в горах, стемнело, я, видно, пошел не по той тропе, да еще и оступился. А оступившись, оказался в какой-то яме, которая немедленно наполнилась осыпавшимся снегом и накрыла меня с макушкой. Кое-как снег разворошив, отдышался и сделал первую попытку выбраться на поверхность. Но не тут-то было. Снег осыпался, становился рыхлым и я лишь оскальзывал, проваливаясь все глубже. Где-то, совсем рядом, шумело шоссе, явственно слышалось беспрестанное шуршание шин по асфальту, посверкивали всполохи автомобильных фар, а я торчал в этой снежной яме и не мог выбраться. Успокоившись и пытаясь рассуждать логично, я стал прикидывать, ко-

гда бесшабашная спортивная братия обратить внимание на мое отсутствие и отправится на поиски. Но та же логика подсказывала, что в темноте поисковики могут искать меня совсем на другом склоне и шансы быть найденным ничтожно малы. Придя к такому невеселому выводу, я занялся делом. Несколько часов, с небольшими передышками, уплотнял снег, вырубая потом ступеньки. И вот, наконец, оказался на тропе. Стыдно признаваться, но страху я тогда натерпелся изрядно.

Спустя буквально пару лет, работая в Андижанской газете, был я откомандирован на Памиро-Алай, готовить очерк о чабане, получившем звание Героя Социалистического Труда. Закинули меня туда вертолетом, сообщив, что через десять дней вертолет за мной вернется на штабную площадку, расположенную километрах в пятнадцати от пастбища. Чабан по фамилии Чуджиев оказался молчуном. Десяти дней едва хватило, чтобы выведать детали его биографии и трудового подвига. Озверев от этого тягостного общения, я на десятый день бодренько сообщил чабану, что моя командировка заканчивается, сегодня за мной должен прилететь вертолет и надо бы меня отправить к штабу. В мотоцикле у Чуджиева, как на зло, не оказалось бензина, он кинул на круп лошаденки драное покрывало и сказал, что беспокоиться не о чем – лошадь сама дорогу к штабу знает и с тропы не сойдет. За лошадь я и не беспокоился, я беспокоился за себя, так как на коне сидел впервые в жизни. В памяти всплыва-

ли какие-то нелепые подробности о стременах, поводьях и прочем, хотя из всей этой атрибутики на шее у лошаденки болталась лишь измочаленная веревка, очевидно, и служившая поводом.

– Как зовут хоть лошадь? – задал я идиотский вопрос, на который такой же ответ и получил:

– Зовут от(«от» с узбекского языка переводится «лошадь»), – флегматично ответил чабан.

Мы тронулись в путь. Лошадь трусила неспешно, мне оставалось только верить, что она и впрямь безошибочно знает дорогу к штабу. Но через час пути повалил густой снег. Горный снегопад, это вам, братцы, не городской снежок, который веселит душу и радует ребятню. Это была разбушевавшаяся стихия. В сантиметре не видно было ни зги, к тому же жутко похолодало. «От, миленький, умолял я, бормоча, животное, которое одно только и могло теперь меня выручить. – Не сбейся ты ради всего святого с дороги». Сколько прошло времени, не знаю, на часы не смотрел. Закончилось это многочасовое путешествие грозным окриком: «Стой! Кто идет?» Сильные руки стащили меня с лошади, глаза ослепил яркий свет мощного фонаря. Уже через несколько минут я понял, что оказался на советско-китайской границе. Лошадь, моя спасительница, ко всему прочему оказалась истинной патриоткой и вышла, к счастью, на границу с советской стороны, а не с китайской. Благо перед командировкой меня снабдили всеми необходимыми разрешительными до-

кументами на право въезда в погранзону. У гостеприимных пограничников я провел три дня, потом отправили меня во-свояси...

И вот недавно, подлетая к Северному полюсу, вспоминал я свои снежные эпопеи и думал, чем для меня эта закончится. Но все обошлось как нельзя лучше. Погода была прекрасной. Мороз в мину сорок четыре градуса при безветренной погоде оказался совсем не страшным, к тому же специально пошитые костюмы хорошо хранили тепло. Чиновники произносили пламенные речи по поводу того, что открытием СП-32 Россия возвращается на полюс. Организатор всего этого проекта Сергей Михайлов скромно стоял в сторонке – чиновникам было не до организаторов, они упивались сознанием собственной значимости. Потом был поднят флаг и в небо выпущена ракета. Известный полярник и по совместительству вице-спикер Госдумы Артур Николаевич Чилингаров достал спутниковый телефон и стал набирать номер президента. Путин в этот момент, как выяснилось, плавал в бассейне, но известие Чилингарова об открытии первой российской дрейфующей станции президента порадовало и он поздравил с этим выдающимся событием всех участников.

Потом была долгая дорога в Москву и вот мы снова в аэропорту Внуково. Вся группа, состоящая из россиян, без каких-либо препятствий направилась в здание аэровокзала, а меня, с моим израильским паспортом, хмурая неприветли-

вая пограничница задержала.

– Вы где были? – спросила она.

– На Северном полюсе.

– Понимаю, что на полюсе. Через какую страну летели.

– Географически через Норвегию.

– Вот-вот, были в Норвегии, а где отметка о пересечении норвежской границы?

– Понимаете, – стал ей объяснять. – Мы летели через архипелаг Шпицберген. – Это признанная международным сообществом и Россией, в том числе, нейтральная территория. Там нет границы, там даже нет пограничного поста.

– Такого не может быть, – перебила пограничница.

– Да проверьте по любому справочнику. Аэропорт Лонггера единственное место на земле, где нет погранпоста.

– Ну а это меня не касается, – ответствовала суровая дама. Вы, как иностранец из России вылетели, Где-то были и без всяких отметок хотите снова вернуться в Россию. Я вас пустить не могу.

– Так что ж мне делать? Обратно, что ли, лететь?

– А я вас и выпустить не могу.

– В таком случае, – придумал я отговорку. – вынужден перед вами извиниться. – Я пошутил, а на самом деле никуда не летал.

– Как это «не летал»?

– А вот так – не летал. Проводил друзей до самолета, по-

сидел на лавочке два дня, подождал их возвращения и вместе с ними вернулся обратно. А территорию России не покидал.

На ее лице отразилась тяжелая работа мысли. Она покинула свою будку, отсутствовала минут двадцать, не меньше, потом вернулась и сказала всего два слова:

– Проходи, умник.

Х Х

Х

...Конечно, в годы работы в андижанской областной газете ни о каких полетах на Северный полюс я и мечтать не смел. Для меня командировки-то в республиканскую столицу, то бишь родной город Ташкент, были редкостью и радостью, так как и с родителями, и давними друзьями можно было повидаться. Но вот одна из таких командировок серьезной бедой могла обернуться.

Заканчивался очередной съезд «родной коммунистической партии». Материалы съезда поступали во все редакции Советского Союза централизованно. Из Москвы – по фото-телеграфу в республиканские столицы, а оттуда спецкурьеры везли матрицы в областные центры. Вот в качестве такого спецкурьера и отправил меня в Ташкент Сафаров, пожелав не слишком увлекаться встречей с друзьями, а, прежде всего, о деле помнить. Положив во внутренний карман пиджака цинковое клише заголовка «Андижанской правды», я с тем и отбыл.

Утром всех посланцев областей собрали в издательстве, проинструктировали, велели приехать часам к трем ночи, когда матрицы всех полос, за исключением первой, уже будут готовы. На первые полосы предстояло каждому оттиснуть заголовок газеты своей области. К трем ночи я явился, протянул мастеру клише заголовка и уселся в курилке. Через минут пятнадцать приходит мастер и спрашивает: «Кто здесь из Андижана». А когда я откликнулся, он протянул мне клише со словами, повергшими меня в шок: «Забери свой заголовок, размер не подходит».

– К-к-ак э-э-то не п-поо-дходит? – я даже заикаться стал от изумления и охватившего меня страха.

– Да очень просто, вы берете матрицы с газет, у которых заголовки без орденов. А у вашей газеты – орден, так что ваш заголовок на несколько сантиметров шире..

– Так что же мне делать?

– А я почему знаю? – равнодушно ответил мастер. – Если хочешь, можем орден срубить, тогда и заголовок влезет.

– Ага, сначала в заголовке срубите орден, а потом мне в редакции срубят голову, – мигом сообразил я.

– Ну не хочешь, как хочешь, – и мастер, неспешно загасив в консервной банке сигарету, удалился.

Я бросился к телефону, дрожащими пальцами набрал домашний номер Рубена Акоповича. Спросонья он поначалу не понял, что за вопли раздаются в трубке, потом до него дошла суть. Спокойный рассудительный голос шефа меня

несколько привел в чувство.

– Послушай меня внимательно. Не перебивай. Ты там сейчас один. И никто кроме тебя, ничего сделать не сможет. Выход из положения существует. Но найти его можешь только ты. Ты один, и никто другой, – увещевал меня Сафаров.

Вертя в руках казавшееся мне теперь многопудовым клише, брел я по типографскому цеху, не понимая, где искать этот пресловутый выход.

«Нет, ты просто баран какой-то. Целый месяц учу тебя отливать заголовки, а буквы все равно кривые», услышал я совсем рядом чей-то разгневанный голос. Огляделся и увидел, что прохожу мимо участка отливки заголовков.

«Какой же я дурак! – обругал сам себя. – Ведь я же эту технологию как от и до знаю». Вспомнив свой недавний опыт работы в геологической газете и типографских дежурств, я бегом направился к деревянным шкафам, где в специальных ячейках были разложены заголовочные шрифты. Измерить специальным устройством клише было минутным делом. Укрепив заголовок на специальной подставке с остро заточенным резакон, я решительно отрубил орден. Затем на плашке выложил буквы, составлявшие название «Андижанская правда», меньшим, естественно, размером, всю эту, наспех сооруженную конструкцию, вместе с орденон укрепил в отливочной машине и через десять минут «свежеиспеченный» заголовок нужного формата с видом невинным и равнодушным протягивал мастеру.

– Где ты это взял? – только и спросил тот.

– Тебе дело? Размер-то – тютелька в тютельку. Неси давай матрицировщикам, нечего тут вопросы задавать. Где взял, где взял? Купил. – Закончил я фразой известного анекдота.

Матрицы с материалами съезда доставлены были в Андижан вовремя. Оставив их в местной типографии, отправился спать, а в редакцию появился только вечером. Героя чествовали по заслугам. Редактор прилюдно вручил мне премию, после чего неформальная часть торжества органично перетекла в ближайшую чайхану. Много дивного из тостов друзей-коллег узнал я о себе в тот вечер, возгордился безмерно и чувство собственного достоинства переполняло меня еще пару дней.

А потом Николай Степанович Коркин, ставший к тому времени заместителем редактора, зазвал меня к себе в кабинет, таинственно повернул дверной ключ на два оборота, молча извлек из ящика стола съездовский номер газеты и повелел: «Посмотри внимательно».

Я глянул и впервые ощутил на себе суть поговорки «сердце в пятки ушло». Над заголовком не было фразы «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», без которой не выходила тогда ни одна, даже самая захудалая, газета Советского Союза. Ноги у меня подкосились и я не сел, а, можно сказать, рухнул на стул произнеся убитым голосом; «Коля, что же теперь будет».

– Да скорее всего, ничего не будет. Если не заметили сра-

зу, то кому в голову придет сейчас разглядывать. Я специально выждал несколько дней, даже тебе ничего не сказал. А теперь, думаю, уже все позади. Так что успокойся. На концерт вот сходи, к нам звезда эстрадная приехала, развеешься, да и интервью заодно возьмешь. Иди, иди, не имей привычки горевать по поводу того, что еще не произошло.

У НОГ СОФИИ РОТАРУ

Каким-то чудом Софию Ротару занесло в маленький провинциальный Андижан. Помнится, что в Ташкенте по какой-то технической причине закрыли концертный зал, вот певицу и попросили выступить в другом городе республики. Не ведая, куда едет, Ротару согласилась. Собственно, Андижан ничуть не хуже иных узбекских городов, а многих даже и получше, но в те годы там была одна единственная сцена – в клубе железнодорожников близ вокзала. Собственно, и сценой назвать этот пятачок, застеленный прогнившими досками, было нельзя. Но, как говорится, чем богаты, тем и рады. И уж, конечно, аншлаг знаменитой певице был обеспечен. Андижанцы и так гастролями заезжих знаменитостей избалованы не были, а тут еще настоящая звезда эстрады пожаловала. Понятно, в зале негде было яблоку упасть, люди заняли все проходы, многие даже стояли. Обвешанный, как елка игрушками, аппаратурой явился на концерт и фотокорреспондент газеты «Андижанская правда» Борис Юсупов. В те годы еще молодой репортер, Боря был выдумщиком и фанта-

зером, каких свет не видывал. Простой фотосюжет был чужд и противен его буйной фантазии. Он стремился запечатлеть лишь необычные кадры. Вот и теперь, явившись на концерт, Юсупов недовольно хмыкнул:

– От фронтального снимка эффекта никакого не будет, – заявил он и резюмировал. – Надо снимать сверху.

Сначала он раздобыл где-то стул – в тот вечер стулья в клубе были дефицитом номер один. Но высота стула оказалась ему недостаточной и он притащил откуда-то табуретку. Примерился – снова плохо. В итоге Боря появился у боковой кулисы с жутким, нестроганным деревянным ящиком. Возведенная им конструкция была настолько хлипкой, что я попытался урезонить друга и коллегу, – грохнешься, Боря.

– Не каркай, – сурово оборвал он меня.

Юсупов взгромоздился на возведенную им конструкцию, долго балансировал там, наверху. Потом пару раз вспыхнул блиц фотовспышки и вдруг на весь зал раздался истошный Борин вопль:

– Держи меня!!!

Конструкция таки обрушилась и вместе со всем своим фотометаллоломом корреспондент рухнул прямо у ног отпрянувшей от страха певицы. Знаменитая финальная сцена из комедии Гоголя «Ревизор» показалась бы в тот момент шумным балаганом – зал просто замер от ужаса. Первой опомнилась София Ротару. Она подошла к незадачливому фотографу, помогла ему подняться и участливо спросила:

– Вы не ушиблись?..

X X

X

.... Совершенно неожиданно для себя стал я обладателем поистине «царских хором» – трехкомнатной квартиры в новом андижанском микрорайоне. Произошло сие знаменательно событие внешне весьма буднично. Утром меня вызвал Сафаров и велел немедленно отправляться в горсовет на заседание жилищной комиссии.

– Ты же знаешь, у нас завотделом пропаганды уволился. Он освободил трехкомнатную квартиру, закрепленную за редакцией. Кроме тебя, квартирами у нас все обеспечены. Конечно, трехкомнатную тебе давать еще рано, но редакция квартиру терять не должна. Так что ступай.

На жилищной комиссии общественники, или как их называли «народные мстители», тут же завопили, что нечего, мол, этому юнцу предоставлять такое роскошное жилье, но зампред горисполкома по-восточному мудро тут же отрегулировал ситуацию:

– А скажите-ка мне, товарищ Якубов, невеста у вас уже есть? – И сам тут же ответил. – Есть. Значит, дети будут? Будут. Так вот, товарищи, – он обращался теперь уже к членам комиссии. Мы не должны жить только сегодняшним днем, мы должны видеть перспективу. А в перспективе товарищу

Якубову понадобится жилье. Так давайте сразу дадим ему три комнаты, чтобы он потом не переселялся из квартиры в квартиру, улучшая свои жилищные условия.

В своем новом доме из соседей я мало кого знал, а вот с пожилой женщиной, возвращавшейся домой так же поздно, как и я, несколько раз у подъезда сталкивался. Познакомились. Выяснилось, что Галина Петровна Голдаевич работает директором детского дома, работает давно, еще с военных лет.

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Вызов к заведующему городским отделом народного образования Галю удивил. Ей, воспитательнице детского сада, у столь высокого начальства бывать еще не приходилось.

– Галина Петровна, вы назначены директором дошкольного детского дома, – сразу заявил заведующий. И, не давая опомниться, добавил. – Через несколько недель начнут поступать эвакуированные дети. Готовьтесь.

Шел сентябрь 1941 года. Первый эшелон с детишками, прибывшими из Ленинграда, она встречала на вокзале через восемь дней. По дороге поезд несколько раз попадал под бомбежки, дети были истощены, напуганы, у многих отсутствовали документы, а они, малые. даже имена свои не все знали, не то что фамилии. Уже на следующий день к заведующей подошла медсестра детского дома:

– Галина Петровна, боюсь, что не все из них выживут.

Срочно нужны лекарства, витамины, усиленное питание.

Голдаевич отправилась по инстанциям. Ей говорили о нуждах фронта, продовольственных карточках, раненых в госпиталях, а она твердила свое: «Дети могут умереть».

– Честно говоря, до сих пор не понимаю, как мне удалось раздобыть все, что нужно было – лекарства, витамины, жиры, крупы, даже немного шоколаду, – рассказывала мне Галина Петровна. – Но за все годы войны, да и за последующие тоже, в детском доме не было ни одного смертного случая.

Каждый день она писала письма-запросы. Пачками отправляла конверты, пытаясь разыскать родителей или родственников своих питомцев. Иногда это удавалось. Не часто. Заканчивалась война, некоторым ребятишкам надо было идти в школу, а следовательно их предстояло перевести в другой детский дом. Но как разлучить братьев с сестрами, как вообще можно было отдать этих крох, большинство из которых называли ее мамой. И снова ходила она по инстанциям, снова писала письма, заявления. И добила своего – детям-родственникам разрешили жить в одном детском доме.

Закончилась война. За ребятишками стали приезжать родители, родственники. Она не знала, радоваться ей этому, или огорчаться. Ну, конечно же, она счастлива была за тех, у кого нашлись мать, отец. Но на следующий день после этих посещений, остальные ходили заплаканными, с надеждой заглядывали ей в глаза и спрашивали? «А за мной когда мама приедет?» Ну как было объяснять ей семилетнему Сере-

же, что отец его погиб на фронте, а мама – под бомбежкой еще тогда, когда они, эвакуированные, пробирались в Узбекистан.

Небольшая андижанская квартирка Галины Петровны сплошь завешана фотографиями. Дети и вполне уже взрослые люди – бывшие воспитанники детдома смотрят на нее с фотографий круглосуточно.

– А ваши здесь есть? – задал Галине Петровне не совсем тактичный вопрос.

Она не обиделась:

– А здесь все мои. Своей-то семьи я так и не создала, – сказала без всякой горечи. – Молодая была, вообще жила практически в детском доме... Да и о чем жалеть, когда у меня такое счастье есть.

Как бы в подтверждение своих слов, достала целые кипы писем со штемпелями, наверное, всех городов Союза. Большинство из писем начинались одинаково: «Здравствуй, мама».

О Галине Петровне Голдаевич, ее воспитанниках написал я материал. Сдал его в секретариат, а когда через несколько дней развернул газету, увидел свой очерк безжалостно сокращенным. Секретарь редакции что-то лепетал по поводу срочных правительственных документов, что пришлось, мол, по живому «резать».

– Так какого лешего ты этот материал не перенес в другой номер? – рявкнул я на секретаря и хлопнул дверью.

Вечером ко мне заглянул собственный корреспондент газеты главной партийной газеты Узбекистана «Правды Востока» по Андижанской области Иван Новоженин. Для нас, областных газетчиков, был он представителем высшей журналистской элиты. Однако, хотя цену себе Иван знал, носа перед нами не задирает, к тому же и мы снабжали его порой информацией, за которой ой как побегать бы надо было. Заглянул он ко мне по-соседски, жил в доме поблизости, просто поболтать.

– Чего не духе-то? – поинтересовался коллега.

– Материал зарезали.

– Эка беда. Другой напишешь. Нашел на что обижаться.

– Да не за себя, Ваня, обидно. Дивную тетку встретил, всю войну в детдоме проработала, ее чуть не пятьсот человек с тех пор своей мамой называют, а тут...

– Оригинал сохранился? – деловито поинтересовался Иван. – Меня как раз эта тема интересует.

Новоженин забрал очерк, а через три дня развернул передо мной утром газету «Правда Востока». Половину одной из страниц занимал материал «Сердце матери» о Галине Петровне Голдаевич. Под очерком стояла моя фамилия, и не изменено в нем не было ни слова.

– К семи вечера сможешь ко мне домой подъехать? – спросил собкор.

– Думаю, смогу, а в чем дело-то?

– Приезжай, узнаешь, – туманно ответил Иван. – Только

смотри, не опаздывай, где-то без десяти семь, договорились?

Заинтригованный, приехал в назначенное время к Новоженину.

– С тобой хочет поговорить главный редактор «Правды востока» Николай Федорович Тимофеев. Ровно всем часов он ждет телефонного звонка.

– О чем поговорить?

– Ну, об этом мне шеф не доложил. Ты уж извини. Ладно, пора. Запомни, его зовут Николай Федорович.

Новоженин по обкомовской прямой линии мгновенно соединился с ташкентской редакцией: «Николай Федорович, добрый вечер. Передаю трубку Якубову.

– Здравствуйте, Николай Федорович, – пролепетал я.

– Здравствуйте, – услышал густой голос. – Поздравляю вас с хорошим материалом. Он отмечен у нас как лучшая статья номера и выдвинут на квартальную премию.

– Спасибо.

– Я слышал от Ивана Петровича, что вы сами родом из Ташкента. Хотели бы вернуться?

– Да как-то не думал об этом в последнее время.

– А вы подумайте. Работать в «Правде Востока» – высокая честь для любого журналиста. Так что скажете?

Мои бессвязные «да я, да мне, спасибо, не ожидал», Тимофеев прервал деловито:

– Ну, вот и договорились. В субботу прилетайте в Ташкент, в шестнадцать часов прошу ко мне. Познакомимся и

все конкретно обсудим. Если захватите несколько вырезок со своими статьями, это будет совсем не лишне.

В субботу, точно в назначенное время я зашел в кабинет главного редактора «Правды Востока». Волновался так, что почти не помню нашего разговора. Помню только, что Тимофеев удивился, увидев, что я заявился к нему с большим дорожным портфелем. «Вы что, с вещами прямо с аэропорта?», поинтересовался он.

– Да нет, я вырезки привез, вы же сами сказали, – и извлек из портфеля десяток пухлых папок.

– Ого, когда это вы успели?

Он что-то говорил о газете, ее традициях, какие-то вопросы мне задавал – смутно помню. Потом попросил меня зайти к нему еще раз часа через два.

– Посмотрел тут ваши творения, – сказал редактор, когда я вернулся. Ну что ж, неплохо. Наша газета – ведущая в республике и штат ее укомплектован плотно. Но вот недавно у нас освободилась вакансия младшего литературного сотрудника отдела писем и жалоб трудящихся, – сказал Тимофеев. – В центральном комитете партии не против, если мы пригласим на эту должность периферийного журналиста, прошедшего школу областной газеты. Конечно, должность невысокая, да и зарплата...

– Я согласен, – невежливо перебил Тимофеева.

– Ну вот и отлично. Возвращайтесь в Андижан, постарайтесь все объяснить Рубену Акоповичу, которого я очень ува-

жаю. Надеюсь, он вас поймет и одобрит, что его воспитанник идет на повышение. Во всяком случае, из «Андижанской правды» вы должны уйти без скандала. Только по-доброму, – твердо заключил Тимофеев и, поднявшись, пожал мне руку, два понять, что аудиенция закончена.

Вернувшись в Андижан, первым делом зашел к редактору и молча положил перед ним заявление с просьбой уволить по собственному желанию. Так же в молчании Сафаров его прочитал, разорвал на четыре части, обрывки швырнул в мусорную корзину и, царственным жестом указав на дверь, произнес: «Я занят». На следующий день я принес новое заявление, его постигла та же участь. Порвав семнадцатое по счету заявление, Рубен Акопович пригласил меня к себе домой на обед.

До этого в присутствии шефа я осмелился выпить единожды лишь махонькую рюмочку коньяка. Произошло это 7 ноября. Я дежурил по номеру, когда редактор вызвал меня к себе в кабинет. За столом рядом с ним сидел солидный мужчина в темном костюме со значком депутата Верховного Совета на лацкане. Шеф представил меня гостю, который оказался секретарем Андижанского обкома партии. В этот момент в кабинет занесли блюдо с пловом. На столе появилась бутылка армянского коньяка. Сафаров сказал, что посещение редакции секретарем обкома в праздничный день – для нас большая честь, секретарь протокольно поздравил нас с очередной годовщиной великой октябрьской революции, мы

подняли рюмки. Сославшись на дежурство, я с облегчением покинул кабинет.

Теперь, дома у Сафарова, на столе снова стоял армянский коньяк, полно было всяких закусок и грозный шеф выглядел совсем иначе в домашнем интерьере. Он приступил к разговору, ради которого меня пригласил, лишь после обеда. Сказал, что уже разговаривал с Тимофеевым, что приглашение в «Правду Востока» – это честь не только для меня, но и для всей редакции и для него лично тоже. И хотя расставаться с ценным кадром (это я-то?!) ему, Сафарову не хочется, но он все же и мешать моему росту тоже не собирается. Одним словом, я получил вольную.

Потом были лихорадочные сборы, словно я куда-то опаздывал, прощание с ребятами в нашей традиционной чайхане близ вокзала. И оставившая долгий осадок в душе реплика одного из коллег. Обычно сдержанный, этот человек поднял наполненный стакан, звонко постучал по стеклу ножом, требуя внимания, и воскликнул: «Олег, опомнись. Что ты делаешь? До твоего поезда, – он взглянул на часы, – остается сорок пять минут. Есть еще время одуматься, все изменить. В народе не зря говорят, что лучше быть первым в деревне, чем последним в городе. Здесь тебя уже все знают. Твоя фамилия каждый день на полосе. А там будешь печататься раз в год и никто тебя знать не будет.

Все наперебой загалдели и мы отправились на перрон. Поезд, рассекая ночь яркими огнями тепловоза, несся к Таш-

кенту. А я под стук колес подсчитывал, сколько времени прожил в Андижане. Мне казалось, что здесь прошла огромная часть моей жизни, но подсчеты свидетельствовали, что в «Андижанской правде» я проработал один год и пять месяцев. Тринадцатого числа впервые пришел на свое рабочее место в редакции и тринадцатого же числа, редакцию покинув, уезжаю обратно. Что там говорят англичане про «чертову дюжину»?..

ГЛАВА 3

... «Листок по учету кадров» оказался многостраничной анкетой. Таких мне еще заполнять не приходилось и я корпел над этим вопросником добрых полдня. Завершив сей танталов труд, отволок «листок» в приемную главного редактора и, с чувством исполненного долга, отправился обедать в редакционный буфет. Но оценить по достоинству мастерство местных поваров мне не довелось. Минут через пятнадцать в буфет ворвалась разгневанная секретарша и накинулась на меня с упреками: «Вас уже час ищут, а вы тут спокойно чай распиваете».

– Пил я не чай, а компот, и целый час меня искать никто не мог, я всего-то минут пятнадцать назад у вас в приемной был, – решил сразу поставить ее на место, чем впоследствии жизнь свою осложнил немало.

– Не возражайте! – отрезала она. – Идите за мной, вас

Николай Федорович вызывает.

В кабинете у главного сидел аскетичного вида пожилой человек – точная копия главного идеолога КПСС и «серого кардинала» многих партийных вождей Михаила Андреевича Сулова.

– Вот, Иван Капитонович, это тот самый Якубов из Андижана. – А это, товарищ Якубов, мой первый заместитель – Иван Капитонович Костиков.

– Очень приятно, – промямлил я традиционное.

– Да уж вижу, что приятно – сухо процедил Костиков, и тут же задал вопрос. – Скажите, вы анкету аккуратно заполняли, ничего не напутали?

– Да вроде ничего не напутал.

– Вот здесь в графе о дате рождения вы пишете – 12 января 1950 года. Это верно, вы не ошиблись?

– Все верно, ошибки нет.

– Стало быть, – подытожил первый зам, – два месяца назад вам исполнился 21 год.

– Да, признаться, неувязочка вышла, – с досадой признался Тимофеев. – Честно говоря, мне и в голову не пришло вашим возрастом интересоваться. В многотиражке работали, в областной газете, публикаций вон – полтонны, и на тебе – двадцать один год от роду.

– Это пройдет, – пискнул я, но Иван Капитонович, прожигая меня насквозь суровым взглядом, дал понять, насколько неуместна моя шутка в данных обстоятельствах.

– Ладно, – прихлопнул по столу ладонью Тимофеев. – Через час соберем редколлегию, там все и решим. Иван Капитонович, попрошу вас оповестить всех членов коллегии, а вы, товарищ Якубов, задержитесь.

Когда мы остались в кабинете вдвоем, он вышел из-за своего стола, присел напротив меня к приставному столику, с силой помассировал затылок и заговорил:

– Иван Капитонович утверждает, что за всю историю «Правды востока» у нас не было таких молодых сотрудников. Он работает давно, видимо, так оно и есть. Но я пригласил вас на работу, а я привык держать свое слово. К тому же, не хотел, правда, говорить, но все же скажу... Я беседовал с Рубеном Акоповичем и ваш редактор дал вам такую характеристику, что если вы оправдаете ее хотя бы наполовину, я буду рад такому сотруднику. Идите, и не забудьте, что заседание редколлегии через час. У нас не принято опаздывать.

Я готовился отвечать на самые каверзные вопросы неведомых мне членов редакционной коллегии, но, как ни странно, меня почти ни о чем не спрашивали. Явно для проформы поинтересовались какой-то пустяковиной. После чего главный объявил, что желает мне «как можно быстрее влиться в дружный монолитный коллектив ведущей газеты республики, являющейся органом центрального комитета партии». Вслед за этим напутствием Костиков скрипучим своим голосом предложил с мнением редактора согласиться, но, учитывая мою безобразную молодость, определить испытатель-

ный срок.

«Елки-палки, все сначала. В Андижане с грехом пополам испытательный срок одолел, а тут все по новой начинай», с досадой подумалось мне.

После редколлегии шеф представил меня Ляле Санджаровне Исамухамедовой, заведующей отделом писем, в котором мне отныне предстояло трудиться. «Можно просто «Ляля», сказала она, когда мы зашли в ее кабинет. Она рассказала, что редакция получает ежедневно до тысячи писем, каждое письмо нужно внимательно прочитать, отправить либо в отраслевой отдел, либо переправить для принятия мер в соответствующую инстанцию, но непременно с редакционной сопроводилкой. «Остальное тебе девочки подробнее в процессе работы расскажут». В огромной комнате, сплошь заставленной канцелярскими шкафами с объемистыми папками (в них содержалась вся редакционная переписка за много лет) мне были представлены «девочки» – три немолодые уже дамы и какое-то юное создание – учетчица Марина, зарабатывающая двухлетний производственный стаж для поступления на факультет журналистики.

После нашей андижанской редакции новая обстановка меня просто потрясла. Кругом, даже на широких мраморных лестницах, ковры, у входа – милиционер, строго проверяющий пропуска даже у сотрудников газеты. Редакция в те годы размещалась в солидном, с колоннами, четырехэтажном здании, где занимала два этажа. Само здание находилось в

центре Ташкента, на улице, носящей название газеты – улице «Правды Востока». Рядом – площадь Ленина (ташкентцы ее называли Красной площадью), театр оперы и балета, гостиница, ЦУМ, концертный зал.

В редакционных коридорах царил тишина, здесь не принято было говорить громко, не слышно было ни смеха, ни шуток. Народ все больше возраста солидного, хотя изредка попадались и сорокалетние «юнцы».

Иван Капитонович Костиков (первое впечатление не обмануло меня) был действительно грозой всей редакции. Он курировал кадры, финансы и звали его за глаза Иваном Скопидомычем. Возраста Костикова никто не знал. Кто-то утверждал, что ему под восемьдесят, кто-то азартно спорил, что почти девяносто. К тому же Иван Капитонович родился 29 апреля, так что дни своего рождения отмечал лишь раз в четыре года. Впрочем, «отмечал» это явно не про него. Когда Скопидомыч распекал кого-нибудь за пьянку, то всякий раз подчеркивал: «Вот я не выкурил в жизни ни единой сигареты, выпиваю в год всего один бокал шампанского – 31 декабря и, как видите, прекрасно себя чувствую. Он даже редакционной машиной почти не пользовался, предпочитал ходить пешком. Дверь в кабинет Костикова всегда была раскрыта настежь, но вовсе не приглашая заглянуть на огонек всяк желающего, а для того, чтобы никто не прошмыгнул незамеченным.

У нас в редакции Костикова, по-моему, не боялся только

один человек – разъездной корреспондент отдела сельского хозяйства Игорь Лопатин. Огромный мужик, в годы Отечественной войны – юнга Северного флота, впоследствии военный моряк, а уж позже – журналист, он однажды вечером шествовал по коридору с кем-то из коллег, когда их остановил Костиков. «По-моему, сказал он, потягивая носом, от кого-то из вас, товарищи, пивом пахнет».

– Если пивом, то это точно не от меня, Иван Капитоныч, – невозмутимо откликнулся Лопатин. – Я-то лично водку пил. Так что пойду, дел еще навалом.

Меня, например, его всевидящее око ухватило через неделю после того, как я начал работать в редакции. Мне предстояло ехать на проверку жалобы в какой-то ближайший колхоз и утром я пришел в редакцию в джинсах. Проходя мимо кабинета Ивана Капитоновича, услышал оклик и, повинувшись, вошел.

– Что это вы на себя, с позволения сказать, надели? – строго осведомился зам главного.

– Джинсы, Иван Капитонович. Мне сегодня в колхоз ехать, вот и надел джинсы.

– Вы что, не понимаете – вы являетесь представителем партийной газеты, органа ЦК. Ваш внешний вид должен всегда соответствовать этому положению. Вы в колхоз на дежурной машине едете? – и, получив подтверждение, приказал. – По дороге, в порядке единственного исключения, заедете домой и переоденетесь. И больше никогда не смейте в

редакцию являться в таком виде. Даже в выходные дни, когда вы выходите из дома, советую вам не забывать, где вы работаете...

ВЫГОВОР ПО ПАРТИЙНОЙ ЛИНИИ

Мэтры, работающие в партийных газетах, репортерской работы, как правило, чурались. Не царское, мол, дело по городам и весям шнырять в поисках репортажа или интервью. Мэтры ваяли нетленки, месяцами корпели над партийными, экономическими и иными обзорами, вели бесконечные битвы за урожай, сплачивали еще больше и без того нерушимый блок коммунистов и беспартийных, одним словом, сидели безвылазно в редакциях и непременным атрибутом их кабинетных интерьеров становились в итоге заботливо уложенные на канцелярские стулья подушечки, превращавшиеся с годами в этакий ватный блин. Нас же, репортеров, гоняли на интервью и мы общались, в том числе, со всеми лидерами братских компартий, которые, по-моему, большую часть своей жизни проводили в Советском Союзе, который их, как известно, бережно поддерживал и тщательно лелеял.

Однажды проходила у нас в республике какая-то очередная международная партийная конференция. Самым высокопоставленным ее участником был генеральный секретарь ЦК Компартии Уругвая Родней Арисменди. Апартаменты ему в соответствии со значимостью были выделены в пар-

тийной, естественно, закрытой резиденции, охраняли лидера братской компартии так, будто ему грозила реальная опасность.

Когда я явился для беседы, охрана меня проверяла чуть не полчаса и по виду церберов было понятно, что вот и явился не запылится, тот самый террорист, который сейчас нашего дорого Арисменди и взорвет. Но поскольку из вооружения была у меня только шариковая ручка, а удостоверение журналиста оказалось с соответствующей фотографией и не просрочено к тому же, то пришлось пропустить меня негодного пред светлы очи выдающегося борца международного коммунистического движения.

Арисменди пил какой-то фруктовый сок в тенистой беседочке из виноградных лоз, лениво покусывал шоколад и, когда я задал свой первый вопрос, пробурчал невнятно буквально несколько отрывистых слов. Впрочем, его переводчику этого оказалось более чем достаточно, он лихо затараторил, видимо, давно уже заученное и отработанное. Из бойкой речи переводчика я узнал всю биографию аргентинского партийного лидера, о том, как важна в развитии мирового сообщества роль СССР, его коммунистической партии и идущего в авангарде Центрального комитета. Было сказано несколько фраз, без особой, правда, злости, о проклятых империалистах, агрессорах и прочих западных акулах. Переводчик еще продолжал свою пламенную речь, когда Арисменди поднялся и, не удостоив меня даже прощальным кив-

ком, покинул беседку.

Раздосадованный таким поворотом дела, я вернулся в редакцию, отстучал на пишущей машинке произнесенную переводчиком речь, поставил над текстом фамилию Роднея Арисменди и отправился за благословением в партийный отдел. «Молодец, старик, блестящая работа, растешь на глазах – похвалил наш главный идеолог эту галиматью и размашисто поставил свой автограф.

«Ну и черт с ним, с этим интервью и с Арисменди тоже», озлобленно думая я, возвращаясь домой и, прикидывая, сколько же мне за этот «труд» отслушивают в секретариате – рублей пять-семь, или учитывая важность моего несостоявшегося собеседника расщедрятся на целый «червонец». Меня и впрямь ожидал денежный сюрприз, но такого поворота событий я предположить не мог. С порогу мне заявили, чтобы я немедленно зашел в кабинет к главному редактору. Шеф был хмур и явно раздражен. Без всяких предисловий заявил:

– Звонили из МИДа, устроили скандал. Оказывается, по законам Уругвая деньги платят тому, кто дает интервью. Так что мы этому Арисменди обязаны были сначала заплатить, а уже потом у него интервью брать. Эти мидовские протоколы уже все сообщили в международный отдел ЦК партии, так что требуют тебя строго наказать по партийной линии.

– А меня-то за что? – изумился я. – Могли бы нас заранее предупредить, что так, мол, и так. Откуда я-то знал, что ему платить надо. Да и вообще, я же не коммунист, по какой еще

партийной линии они меня наказать могут.

– Ладно, ты не умничай, – проворчал шеф. – Мы тут вот что решили. Сейчас зайдешь в бухгалтерию. Там тебе дадут ведомость с фамилией Арисменди и выдадут пятьдесят рублей. Да, чуть не забыл. В МИДе предупредили, чтобы купюры были крупными, но не одной, так что проследи, пусть тебе дадут две двадцатипятирублевки.

– За сто строк паршивых полтинник платить? – не сдержал я возмущения. Вот это да! Может, мне тоже в генсеки податься, хоть зарабатывать начну на гонорарах.

– А ты же сам только что сказал, что беспартийный, какой же из тебя генсек! – беззлобно поддел меня главный и тут же снова посуровел. – Кстати, о твоём наказании. Чего-то мы все равно сообщать должны, что меры, дескать, приняты. Так что решили тебя гонорара за это интервью лишить. И не возражай! – прикрикнул он. – Не могу же я за одно интервью дважды платить, не положено.

– Ну, так, может, кто другой ему деньги отнесет, а то уж больно обидно.

– Обидно, не обидно, а идти надо тебе. Раз ты у него интервью брал, тебе и гонорар выплачивать. Порядок такой.

Когда я снова явился в резиденцию, Арисменди плавал в бассейне. Не вылезая из воды, он чиркнул свою подпись в ведомости, небрежно положил на бортик конверт с деньгами и поплыл в противоположную сторону.

Вот так я схлопотал свой первый выговор «по партийной

линии». Подобными впоследствии, за долгие годы работы в газете, был я обвешан, как собака репьями – партия была строга со своими оступившимися попутчиками. Но был, кстати, и один, можно сказать, правительственный выговор, которым не могу не «похвастать».

В правительственный аэропорт «Ташкент-2» я отправился брать интервью у премьер-министра Японии. Что-то там произошло со сдвижкой во времени, премьер торопился, на вопросы отвечать не захотел, я убеждал, что представляю самую крупную на всем советском Востоке газету и посему отказывать в интервью мне, то бишь этой газете, никак невозможно. В итоге высокий гость предложил альтернативу: он разрешает мне ехать с ним в одной машине, по дороге я задаю свои вопросы. Поняв, что мне предоставляют единственный шанс, я, как мне показалось, очень ловко юркнул в раскрытую дверцу правительственного лимузина. Когда вернулся в редакцию, меня уже поджидал шеф с «радостным» известием об очередном взыскании. На сей раз выговор был вынесен за грубейшее нарушение японского этикета – я не имел права, садясь в машину, поворачиваться к главе правительства Страны восходящего солнца спиной, а уж, тем более, невольно согнувшись, продемонстрировать ему то место, где спина свое благородное название теряет.

БЕНДЕР СОБСТВЕННОЙ ПЕРСОНОЙ

Ленинградский Большой драматический театр (БДТ) гастролитировал в Ташкенте больше месяца. Билеты на все спектакли раскупили заранее, на людей, подходящих к театральному подъезду с заветными билетиками, смотрели как на небожителей. В нашей редакции была создана специальная группа по освещению в газете спектаклей. Мне поручили написать рецензию на спектакль «Энергичные люди», где в главной роли был занят блистательный Евгений Лебедев, народный артист СССР. Спектакль обличал жуликов, стяжателей и иного рода проходимцев, высвечивал, как тогда принято было говорить, социально острые проблемы, обнажал изъяны тех, кто не желал жить в строгом соответствии с моральным кодексом строителя коммунизма. Впрочем, забегая вперед, скажу, что все мудреные и холодные как камни слова я узнал только тогда, когда меня за подготовленную рецензию чехвостили на редакционной летучке.

Мне, как журналисту, была выдана контрамарка, сидел я в проходе на каком-то приставном колченогом стульчике, но счастлив и этому был безмерно. Блистательная игра актеров, особенно Евгения Лебедева, исполнявшего главную роль, захватила меня настолько, что свой репортерский блокнот я даже из кармана достать забыл. Короче, спектакль закончился, а в блокноте у меня не было ни единой записи. Вот тогда-то мне и пришла в голову мысль составить рецензию на спектакль из общественного мнения тех зрителей, которые его посмотрели. Так впоследствии рецензию и озагла-

вил: «Общественное мнение».

Я устремился в театральное фойе, открыл наконец блокнот и стал приставать к зрителям, хлынувшим из зала, с вопросами. Надо сказать, что отвечали мне охотно и обстоятельно – спектакль, судя по реакции, понравился всем. Ничего предосудительного в таком необычном подходе к заданию не обнаружив, мой тогдашний заведующий отделом подмахнул рукопись и материал, как говорится, пошел в набор. Но на ближайшей редакционной летучке, слово взял заведомом партийной жизни, один из старейшин нашей редакции, и скрипучим голосом возвестил о том, что у нас-де произошло ЧП – на страницах крупнейшей в республике газеты, являющей собой рупор Центрального комитета партии, появился материал авторитет той самой газеты дискредитирующий. Дальше я как раз и услышал слова о моральном кодексе строителя коммунизма, ну и все иные термины, которые в моей рецензии как раз-таки и отсутствовали. В результате я получил «выговор без занесения», от театра, а вернее написания рецензий меня тут же отлучили, а вот контрамарку в бреду праведного гнева изъять забыли. И тогда я решил, что раз из меня не вышел театральный критик, вернусь-ка я к привычному своему репортерскому ремеслу и займусь интервью. Свой выбор я остановил на Сергее Юрском, в которого просто влюблен был после экранизации «Золотого теленка», полагая, что лучшего Остапа Бендера на экране не было, нет, и не будет. Я отправился на спектакль, в кото-

ром был занят Юрский, после окончания зашел за кулисы и договорился с актером о встрече на следующий день. Мы встретились в гостинице, у Юрского был выходной, он никуда не торопился, во времени меня не ограничивал, а напротив, сам задавал много вопросов, интересовался жизнью в Узбекистане. В конце разговора я осмелел и сказал, что хотел бы пригласить актера к себе домой на плов. Юрский долго и пристально на меня смотрел, выдерживая, видимо, классическую театральную паузу, потом с расстановкой произнес: «Если только на плов, то – согласен».

– Конечно, на плов, чем же еще угощают в Узбекистане, – поспешил я его заверить.

– Ну, угощать здесь умеют, – усмехнулся Юрский. Дело вот в чем. Я в Ташкенте уже три недели. Периодически меня после спектакля отлавливает какой-нибудь старый еврей и приглашает на плов. Я соглашаюсь, прихожу и тогда мне говорят: «Знаете что, Сергей, плов в Ташкенте продают на каждом углу и удивить пловом не возможно, а вот мы приготовили специально для вас фаршированную рыбу». Я в гогстях, мне возражать неловко, я ем действительно вкусную рыбу, благодарю и ухожу. Потом меня снова куда-нибудь приглашают на плов, потчуют каким-нибудь очередным, специально для меня приготовленным, блюдом, ну и дальше все как обычно. В общем, плова я до сих пор так и не попробовал.

– Будет плов, можете не сомневаться, – твердо пообещал

я.

Жил я тогда на окраине города, в крохотной комнатухе и решил, что такого именитого гостя в моих условиях принимать неловко. А потому отправился к отцу, у которого была вполне пристойная квартира, к тому же в нормальном районе. Когда мой папа услышал, что завтра к нему в гости пожалует сам Юрский, он не сразу даже мне поверил. Это был и его любимый артист и отцу, простому рабочему человеку, не верилось, что он может принимать в своем доме такого человека. Впрочем, папа тут же оправился от шока и подозрительно поинтересовался: «А чем ты гостя угощать собираешься. Я ответил, что ничего кроме плова не нужно, поэтому и хлопот особых не предвидится.

– Мальчишка, – резко одернул меня отец. Нужна ему твоя рисовая каша. Он знаменитость, его и угощать надо как знаменитость. Тебе самому-то не стыдно – такое предложить? Плов. Вот еще... Ладно, обо всем позабочусь сам. Завтра возьму выходной, поеду на базар, так что стол будет достойным, в грязь лицом не ударим. Как я не увещевал родителя, что Юрский едет именно на плов, резоны мои во внимание не были приняты,

Когда на следующий день я приехал в отчий дом с продуктами для плова, то увидел, что стол воистину ломится. Папа к тому времени вдовел, ни о какой кухонной готовке речи не могло и быть, поэтому он отдал предпочтение деликатесам. На столе было несколько видов копченой рыбы, приобретен-

ные на рынке домашние колбасы, сыры, соленья.

Через пару часов один из моих друзей приехал с Сергеем Юрским и еще двумя-тремя артистами БДТ. Когда Юрский зашел в комнату и увидел накрытый стол, по лицу его пробежала невольная тень. Но я был наготове и поспешил его успокоить: «Плов уже почти готов, сейчас чуть-чуть закусим и приступим к основному».

– А можно по-другому? – вежливо поинтересовался гость. – Сначала – плов, а уж потом чуть-чуть перекусим.

Плов ели с большим аппетитом, а отец огорчился, что его старания прошли даром. Впрочем, они легко и непринужденно нашли с Юрским общий язык и мой «старик», которому тогда было лет поменьше, чем мне теперь, находился в состоянии абсолютного блаженства от такого интересного общения.

Расходились мы под утро, весьма довольные проведенным временем. У подъезда на лавочке встретили соседа. Но здесь требуется необходимое отступление. Наш сосед, дядя Жора, жил на первом этаже и работал шофером-дальнобойщиком. Дома он отсутствовал по две-три недели, потом дней десять наслаждался отдыхом. Был он огромного роста человеком, обликом напоминающим былинного русского богатыря. Но в отличие от богатырей былинных пил не мед, а напитки покрепче. Любил повторять, что всяк пьющий непременно должен знать меру и наставительно при этом добавлял, что меру необходимо знать, дабы не выпить меньше. В те дни,

когда он приходил домой, не нарушая меры, жена его в квартиру не пускала. Уж как она узнавала, что благоверный перебрал, никому не ведомо, но определяла это безошибочно, каким-то чутьем и дверь ему не открывала. «Сядь, проветришь, сурово командовала добрейшая в мирной жизни тетя Лида из-за закрытой двери. Когда очухаешься, пущу». Дядя Жора скандалов по этому поводу не устраивал, он усаживался поплотнее на лавочке возле подъезда, курил одну за другой крепкие сигареты и только время от времени монотонно басил: «Лид, а Лид, ну пусти, а, Лид». Видно, по голосу строгая супруга определяла степень выветривания хмеля, ибо на лавочке дядя Жора проводил иногда не один час.

Вот как раз тогда, когда мы, провожая гостей-артистов, спустились к подъезду, нас и поприветствовал почти протрезвевший сосед. Он буркнул что-то вроде «здрасьте», поднял голову и слова у него застряли. Дядя Жора сначала долго мотал кудлатой головой, потом для вящей убедительности крепко потер кулаками глаза и хрипло воскликнул, глядя на Сергея Юрского: «... твою мать! Бендер! Как есть Бендер!» Мы хохотали от души, особенно приятно было Бендеру-Юрскому.

Когда вернулись в дом, дядя Жора без излишних церемоний увязался за нами. От предложенной «на опохмел души» рюмочки отказался, гордо заявив, что не за тем пожаловал. Он деловито подпоясался полотенцем, провозгласил, что сейчас перемывает всю посуду, а мы должны, непременно в

подробностях, рассказать ему, как Бендер вообще оказался в нашем доме и очень говорил, что рассказывал. Иначе он не согласен.

ВАЛЮТНОЕ НАКАЗАНИЕ

Что такое «валютный бар» большинство из жителей Советского Союза знали лишь понаслышке. Валютные бары работали в гостиницах Интуриста, куда простых смертных и на пушечный выстрел не подпускали. Впервые преступил я порог этого заведения во время 1-го Ташкентского международного кинофестиваля стран Азии, Африки и Латинской Америки. Тогда в Узбекистан приехал замечательный Радж Капур, известный советской публике по индийским фильмам, в большинстве из которых он играл главные роли. У нас в стране звали его либо «Господин 420», но чаще всего «Бродяга» – по самым знаменитым фильмам актера. Радж Капур приехал в Ташкент вместе с сыном Риши, в те годы начинающим актером и режиссером. Когда несколько журналистов разом попросили Раджа дать интервью, он ответил на пару вопросов, а потом сказал, что Риши в этой поездке выполняет миссию пресс-секретаря и с удовольствием ответить на все остальные вопросы. Риши, как послушный сын, выказал немедленную готовность выполнить волю отца и любезно всех нас пригласил в валютный бар гостиницы. Трое журналистов, я в их числе, предложение охотно приняли.

Но в баре, когда папы рядом не было, сынок – пресс-секретарь, мгновенно преобразился. Он заявил, что интервью никуда не убежит, а он, Риши, первым делом хочет отведать «раши водка», о которой слышал так много лестного, но до сих пор не имел удовольствия попробовать. Переводчик с хинди, услышав это, сказал, что у него много своих дел, вы, мол, пока, ребята, водочки попейте, а я попозже подойду.

«Раши водка» появилась на столе мгновенно и тут уж мы постарались проявить себя истинными знатоками родного тонизирующего напитка. С живостью людей, не понимающих языка друг друга, на пальцах объяснили гостю, что разбавлять водку водой или добавлять в нее лед – сущее кощунство и порча благородного продукта. Риши понял нас прекрасно, заглотнул без передыху рюмки три и глаза его цвета маслин собрались в кучку. Когда у нашего стола снова возник переводчик, он оценил ситуацию с первого взгляда.

– Если вы сейчас, немедленно, не зададите ему своих вопросов, то потом уже разговаривать будет не с кем, – твердо заявил переводчик.

Вняв голосу разума, мы стали расспрашивать Капура-младшего. Он отвечал достаточно подробно, но скороговоркой, явно стремясь как можно быстрее покончить с необходимой процедурой и вернуться к столь приятному занятию.

Описывать последующее застолье столь же скучно, как трезвеннику присутствовать за одним столом с пьющими.

Была уже поздняя ночь, когда мы решили, что надо как-то транспортировать тело нашего гостя в номер. К тому времени один из братьев по перу сошел с дистанции, исчезнув незаметно, за столом нас оставалось трое. Выяснив у администратора гостиницы, в каком номере остановился Риши Капур, мы, сообщив бармену, что скоро вернемся, подхватили восходящую звезду индийского кино под руки и поволокли к лифту.

Вернувшись в бар, узнали, что платить не надо, за все уже уплачено заранее, мы уж совсем было собрались уходить, когда увидели под столом какой-то предмет. Наклонившись, я поднял с полу увесистый бумажник. Задав коллеге идиотский вопрос: «Твой?», я сам же на него и ответил: «Конечно, не твой». Вполне очевидно было, что бумажник обронил Капур.

– А если не обронил? – высказал осторожное предположение коллега.

– А что же, оставил для того, чтобы мы за него расплатились? – съязвил я.

– Ты на самом деле такой дурной или только прикидываешься? – строго поинтересовался коллега и, округлив для вящей убедительности глаза, отчеканил по слогам. – Провокация! Вот, что это может быть.

Должно быть, демонстрация иностранцу методов потребления русской водки сказала на наших голосовых связках, говорили мы, во всяком случае, довольно громко, чем и при-

влекли к себе внимание. К нашему столику подошел молодой человек с серьезным взглядом и поинтересовался, о какой это провокации мы здесь толкуем. Известная фраза Паниковского «А ты кто такой?» застряла, так и не вырвавшись – молодой человек праздно любопытствующим ну никак не выглядел. Мы объяснили, что проводили гостя в номер, а, вернувшись, обнаружили под столом чужой бумажник. Без слов забрав у нас находку, молодой человек открыл бумажник, извлек оттуда какую-то пластиковую карточку с фотографией и подтвердил мое предположение: «Его, Риши Капура, вещь».

– Замечательно, – попытался ускорить события мой коллега. – Значит, вы ему сами передадите?

– Ага, – язвительно подтвердил незнакомец. – Всю жизнь только о том и мечтал, чтобы с чужой валютой валандаться. Так, кто, собственно, нашел этот проклятый бумажник. Вы? Вот вы со мной и останьтесь, остальные свободны.

Обличенный определенными полномочиями молодой человек принял поистине «соломоново решение». Вызвав дежурного милиционера, он открыл дверь в номер Риши Капура, уложил на прикроватную тумбочку бумажник, а нам с милиционером велел остаток ночи сидеть возле дежурной по этажу и ждать пробуждения иностранца.

– Когда подтвердит, что из бумажника ничего не пропало, тогда и отдыхать пойдете, – заявил «товарищ из компетентных органов».

Утром, разбуженный специально пораньше вызванным переводчиком, Капур заявил, что он и знать не знает, сколько у него было денег. Удостоверившись, что кредитные карточки и водительская лицензия на месте, он быстренько состряпал заявление, в котором благодарил за находку и возвращение бумажника.

И тут Риши Капур обнаружил невероятное, учитывая его первое посещение нашей страны, знание.

– Я слышал, – сказал он, – что у русских есть замечательный обычай – утром выпить рюмку водки, чтобы не болела голова. Хотелось бы узнать, так ли это.

Сославшись на неотложные дела в редакции, я позорно бежал.

Х Х

Х

... Между тем, непосредственные мои обязанности в отделе писем и жалоб трудящихся, как он официально назывался, были поначалу скучны невероятно. Утром из экспедиции нам приносили мешок с письмами, мы раскладывали их по стопкам и начинали читать. У каждого сотрудника отдела на столе лежал тематический перечень – все письма были распределены на 42 тематики. В графе под номером 42 значилось: «письма умалишенных». Это была единственная категория посланий, на которые мы имели право

не отвечать. Во всех остальных случаях трудящиеся имели право получить ответ в течение тридцати календарных дней. Задержка ответа приравнивалась к смертному греху и каралась безжалостно, дабы другим неповадно было. Ежедневно, с двух часов дня и до семи вечера в специальной приемной отдела писем на первом этаже происходил прием жалоб от населения. Если на «письма умалишенных» можно было не отвечать, то принимать всяких чокнутых в редакции мы были обязаны. Когда псих начинал буянить, следовало нажать тревожную кнопку и вызвать дежурного милиционера. Один раз то ли кнопка не сработала, то ли дежурный отлучился, но пришлось мне какого-то буяна выставять самостоятельно. Наша заведующая Ляля Исамухамедова, всячески прикрывающая нас от начальства, заметила мне сварливо, что прощает меня только на первый раз.

Впрочем, буянили нечасто. И «своих», так сказать, штатных сумасшедших мы знали наперечет. Приходил почти ежедневно тихий дедушка с всклокоченными седыми волосами и безумным взглядом. Из авоськи он вынимал толстую общую тетрадь и начинал зачитывать: «На улице Каракумской кран водопроводный не закрыт, вода течет», «на улице Есенина мальчишки арык запрудили», «на Алайском базаре от общественного, пардон, туалета, скверно пахнет». Закончив отчет, интересовался: «Накажете?» Мы отвечали, что непременно накажем и дед, злорадно хихикая, удалялся. Еще приходил безумный изобретатель. Зимой и летом он

вешал на себя самодельный вентилятор. Работающий на батарейках, с лопастями, вырезанными из консервной банки, вентилятор издавал противные скрежещущие звуки. Этот тип уже давно изобрел вечный двигатель, но все чертежи у него украл Лаврентий Берия и потому он никак патент на свое изобретение не может получить. Тот неприятный факт, что Берия был расстрелян в том самом году, когда изобретатель родился, его раздражал. Он утверждал, что нас всех обманывают, Берия до сих пор жив, вредит нам всем из кремлевского подвала, где у него тайный кабинет. Обычно встреча с ним заканчивалась одинаково: изобретатель обещал завтра же принести копии чертежей вечного двигателя, просил пять копеек на автобус, спрашивал разрешения «испить водички» из бесплатного автомата газ-воды в нашем вестибюле и, учтиво попрощавшись, уходил.

Запомнил я и «учителя Сергея Королева», кем себя мнил этот средних лет господин. Тот, по его заверениям, до сих пор осуществлял космические полеты, но предпочитал отправлять на орбиту не людей, а котов. Коты, все как один, слали ему из космоса сообщения о успешном выполнении программы полетов, о своем самочувствии и утверждали, что околоземное облучение на их, то бишь котов, потенцию не влияет. Немало хлопот доставляла нам некая любвеобильная дамочка. По дороге в редакцию она непременно заходила на почту, я сам ее там не раз потом встречал, брала у стойки с десятков телеграфных бланков и на обороте пи-

сала письма своим многочисленным мужьям. Все до единого письма начинались одной и той же стереотипной фразой: «Ты болтаешься по жизни, как говно в проруби». Сразу после этой фразы шли объяснения в неземной любви. Дамочка требовала, чтобы редакция мужей немедленно разыскала и вернула их в ее любвеобильное ложе.

Вскоре я сообразил, что некоторые письма – это просто кладезь народного юмора, стал выписывать наиболее нелепые и оттого смешные, на мой взгляд, фразы, которые охотно публиковались впоследствии на 16-й, юмористической, странице «Литературной газеты». Кое-что из тех фраз, неопубликованных, по понятным для того времени причинам, запомнил. Вот, например: «Украшенный плакатом «Слава КПСС!», стоял забор, близкий к падению», «Они били меня по зубам, а от них щепки летели», «Гады из «скорой помощи» дали мне таблетки, а я от них рвал и метался», «Для блядства я уже стара – не могу поднять ни руки, ни ноги, ни зада»... А еще запомнил, обращенное лично мне письмо, в котором мою должность обозвали так: «литросотруднику отдела писем»... Хотя доля истины в таком обращении, признаться, была.

Наши дамы из отдела быстро смекнули, что чтение писем я воспринимаю, как наказание судьбы и быстренько приспособили меня к делу. Была категория писем, которые следовало проверить на месте. Им самим эти проверки были как нож острый, вот они меня и мобилизовали, чему я был несказан-

но рад – хоть какая-то живая работа, а не протирание штанов в кабинете. К тому же, постоянно обращаясь в различные официальные организации, я довольно быстро приобрел множество полезных для газетчика знакомств, так что тематического голода не испытывал. Так, благодаря своим новым знакомствам, удалось мне попасть на Ташкентский авиастроительный завод в тот день, когда туда приехал лично «наш дорогой Леонид Ильич». Завод выпускал в то время могучие ИЛы, возглавлял это самое крупное в республике предприятие крутого нрава директор по фамилии Сивец, про которого работяги говорили, что у них на заводе не советская власть, а сивецкая власть. К приезду генсека на заводе готовились тщательно, но вдруг поступило сообщение, что Брежнев приехать не может. Все разошлись по цехам.

Уже позже выяснилось следующее. Утром Леонид Ильич почувствовал недомогание, но через пару часов, после врачебных манипуляций, взбодрился и спросил, что намечено в этот день по программе. Ответили, что планировалась встреча на авиазаводе, но она отменена. Брежнев возмутился: как так, кто посмел лишать рабочих счастья встретиться с любимым генеральным секретарем компартии? И повелел немедленно ехать на завод. Тщетно пытались его отговорить, он уже решительным шагом направился к «членовозу», как в те годы называли правительственные лимузины. Короче, на завод Брежнев прибыл неожиданно, успели оповестить только директора. Но людская молва разнеслась быстро. Узнав,

что Брежнев все же приехал, рабочие хлынули из цехов. Заводская площадь заполнилась мгновенно, те, кому уже ничего не было твидно, стали карабкаться на металлические самолетные стремянки с площадками наверху. Вскоре стремянки облепили гроздьями и тут случилось непредвиденное и ужасное. Лестницы, не выдержав тяжести, рухнули и люди попадали вниз, да не просто вниз, а прямо на любимого генсека, которого ушибли весьма чувствительно. Но тут уж охрана, опомнившись, взяла Леонида Ильича в кольцо. Митинг явно был сорван. Пытались потом это дело раздуть, как некую враждебную акцию, но вскоре убедились, что винить тут некого.

А вот приезд председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина безнаказанным не остался. Мне об этом рассказал Михаил Родионович Литенецкий, директор городского треста автодормехбаз, или говоря попросту, командир всех мусорных, поливальных и уборочных машин Ташкента.

Как-то раз обрушилась на Узбекистан снежная неделя, что приравнялось к стихийному бедствию. Город был завален снегом, убирать его было особенно нечем и некому. Литенецкий отдувался за всех, а мне поручили срочно подготовить репортаж о том, что предпринимается для скорейшей уборки снега. Вот в долгой поездке по ночному Ташкенту и поведал мне Михаил Родионович невеселую для себя историю официального визита Косыгина в столицу Узбеки-

стана.

Едва выйдя на привокзальную площадь, Косыгин приехал в Ташкент поездом, предсовмина недовольно сморщился: «В стране люди месяцами мяса не видят, а у вас тут повсюду шашлыки дымят». На следующий день Алексей Николаевич должен был ехать в духовное управление мусульман Средней Азии. Литенецкий, в ту пору начальник ГАИ города, лично проехал по всем окрестным улицам, следя, чтобы ни один мангал не дымил, а запаха мяса и в помине не было.

С муфтием Косыгин беседовал довольно долго, потом направился в резиденцию. Его путь к основной магистрали пролегал в старом городе через узкую улочку с односторонним движением. Начальник ГАИ дважды поехал улицу взад и вперед, освободив ее от всех машин и, наглухо перекрыв какое-либо движение. Заняв пост у выезда на шоссе, Литенцкий дал зеленый свет правительственному кортежу. По пути Косыгин обратил свое внимание на глинобитные дома с непонятными ему надстройками. Сопровождающий объяснил, что это традиционное узбекское жилище, а надстройка сверху называется – балхона.

– Любопытно, – произнес глава правительства. – Остановитесь, мне интересно посмотреть.

Повиновались. Кто-то из сопровождающих заскочил во дворик, на который указал Косыгин, и с облегчением вздохнул. Двор был идеально выметен, видимо, только что его полили водой. Хозяин, когда его предупредили о неожиданном

визите, с робостью, но радушно встретил высокого гостя. Тот стал задавать вопросы хозяину дома. Выяснилось, что живет здесь водитель автобуса, работавший в этот день в вечернюю смену и потому оказавшийся дома. Косыгин совсем уж было собрался уходить, когда хозяин обратился к нему:

– Товарищ Косыгин, сегодня четверг, а по четвергам у узбеков принято плов готовить. Я как раз несколько минут казан открыл с готовым пловом. Если вы хоть ложку отведаете, мои правнуки тоже об этом вспоминать будут. То ли слова хозяина дома показались Косыгину подкупающе искренними, то ли плов любопытно было попробовать, но Алексей Николаевич согласился. Он присел к столу в тени виноградной беседки, несколько ложек плова отведал, похвалил кулинарное искусство хозяина и, попрощавшись, уехал.

– Все то время, что он дом осматривал и плов ел, – я места себе не находил, – рассказывал мне потом Михаил Родионович. – Поначалу я просто недоумевал, куда машины делись, им же до меня не больше пяти минут по пустой улице ехать было. Потом мне по рации передали, что Косыгин зашел какой-то дом осматривать. Но наконец показались машины и дальше мы уже от маршрута не отклонялись. Но это были пока еще цветочки, ягодками меня на следующий день накормили до отвала. Приехав в резиденцию, Косыгин отдохнул, после отдыха выпил стакан молока, а потом до самого вечера врачи лечили его от расстройства желудка. Видно, плов по всем правилам был приготовлен – на курдючном жире, вот

и пошла реакция на молоко, тебе более, что к такой пище Косыгин явно был непривычен.

– Что-то я не пойму, вы-то здесь, Михаил Родинович, при чем?

– Вот то-то и оно. Стало высокое начальство искать, кого же наказать за то, что у высокого гостя желудок болел, ну и нашли крайнего. Меня, начальника ГАИ. Отстранили от занимаемой должности, как не обеспечившего беспрепятственного прохождения правительственного кортежа. Теперь вот сюда сослали, мусорками командовать...

– Какая нелепая история, хотя и интересная – прокомментировал я.

– Э, брат, да ты при своей работе еще не такого наслушаешься, да и сам увидишь, – напороочил Михаил Родинович.

«ДЕЗЕРТИРОМ ПРОШУ НЕ СЧИТАТЬ»

Есть в отрогах Памиро-алая дивное место под названием Шахимардан. Местные называют его ферганской Швейцарией и, в данном случае, отнюдь не преувеличивают. Здесь даже в знойный летний день прохладно, горный воздух прозрачен так же, как прозрачны ручьи. К подножью одной из гор Шахимардана прислонился маленький кишлак, названия которого, право, теперь и не вспомню. А вот историю, произошедшую. В кишлаке, помню отчетливо, до мельчайших деталей, хотя и минуло с той поры ровно двадцать лет.

Впервые я попал в этот кишлак случайно. Ехали с друзьями в Шахимардан, проезжали мимо и приятель мой остановил машину.

– Привал, – провозгласил он и уточнил. – Вернее, обед.

Никакого обеда мы по пути не планировали и от того недовольно заворчали. Но приятель был непреклонен, к тому же объяснил нам доходчиво, что ехать дальше – себя не любить:

– В этом кишлаке есть чайхана, где работает самый знаменитый на весь Узбекистан мастер по плову (по-узбекски – ошпоз). Если кто-то приезжает к нам, в Фергану, в командировку, то сюда непременно наведывается, а есть такие любители, что выбирают свободное время и специально из других областей едут, чтобы отведать плов этого ошпоза.

Одним словом, он нас заинтриговал. На местном базарчике мы купили свежей баранинки, хорошего рису и всего, что необходимо для приготовления плова. Старик-чайханщик принял нас приветливо, забрал продукты и без лишних слов удалился к очагу. Те два часа, что он колдовала возле казана, пролетели для нас незаметно – после изнуряющего зноя долины, мы просто опьянели от свежего горного воздуха и сладко дремали, удобно облокотившись на узбекские национальные подушки-валики. Разбудил нас невероятный аромат, а когда мы окончательно проснулись, то увидели перед собой истинное произведение кулинарного искусства. Описывать еду – дело зряшное. А посему поверьте

на слово – те, кто не бывал в той чайхане, о настоящем плове и понятия не имеют. Покидая чайхану, я протянул деду свою визитную карточку, пообещав при случае непременно еще раз сюда заехать.

– Приезжай, сынок, – согласно заулыбался чайханщик. – Обязательно приезжай. Я люблю, когда людям хорошо.

Как-то раз в мой редакционный кабинет позвонил из проходной дежурный милиционер и доложил:

– К вам тут какой-то старик просится. Говорит, из Шахмардана приехал и вас, вроде, знает.

С кем только не приходится встречаться в командировках. Я не стал напрягать память и вспоминать пока неведомого мне старика, а просто попросил дежурного проводить приезжего в кабинет. Через несколько минут на пороге показался старик, в котором, хотя и не без труда, признал я знаменитого чайханщика. К старикам в Узбекистане всегда уважение особое, обычаи требовали угостить человека с дороги чаем, расспросить о здоровье. Он в свою очередь тоже должен был поинтересоваться подробно о моем самочувствии, успехах в работе, благополучии семьи. Но дед, едва присев на краешек стула, произнес с непередаваемой болью: «Беда у меня, сынок, помоги», и по старческим щекам его потекли крупные, как горошины, слезы.

Как мог, успокоил я старого Яхшибая, а потом долго выслушивал его горестную историю. Его внука, Эргаша, миновавшей весной призывали в армию. Дед отправился на вокзал,

в город, провожать своего любимца. На перроне сунул внучку свернутую в трубочку пятирублевку. Эргаш отказывался, зачем, мол, в армии деньги. Дед настаивал – пригодятся. Эх, знал бы старый, сколько горя принесут эти несчастные пять рублей всей семье, и какие страдания придется пережить из-за них Эргашу.

Не успел паренек преступить за ворота стройбата одной из Подмосковных частей, как к нему тут же подошли трое «стариков», среди которых был и один узбек. Эргаш было обрадовался, вот здорово, земляка встретил, не так одиноко будет. Но земляк и не думал интересоваться о доме. Дело-вито спросил: «Деньги есть», и, увидев, что мальчишка замылся с ответом, молча стал обшаривать карманы. Обнаружив злосчастный пятерик, «старики» недолго посоветовались и вынесли вердикт: после отбоя явишься в умывальную. Не смея ослушаться, Эргаш после отбоя поплелся в назначенное место. Плохие предчувствия его не обманули. С порога он получил оглушительный удар пряжкой по голове и упал, как подкошенный.

Его жизнь превратилась в сущий кошмар, кромешный ад. Каждую ночь, после отбоя, его вели в умывальную комнату и били. Да что там били, попросту истязали, в самом буквальном смысле этого слова. Он утратил ощущение реальности. Днем на него орали сержанты, офицеры – оглушенный от истязаний он ничего не мог понять, окрик «ну ты, тупой» теперь даже как оскорбление не воспринимал. Никто вокруг,

ни офицеры, ни солдаты и сержанты, словно и нбе видели, что у новобранца Яхшибаева каждый день появляются все новые синяки, кровоподтеки, ссадины. А ведь так продолжалось, ни день, ни два, Три месяца!

Каждую ночь мучители совершенствовались в своем садистском мастерстве и наконец придумали очередное «наказание». Как-то ночью сержант объявил Эргашу;

– Вот у нас, шестерых, скоро дембель. До утра ты должен начистить шесть пар наших дембельских сапог и до блеска надраишь пряжки ремней. Когда закончишь, позовешь нас. Каждый «дембель» на прощание ударит тебя по разу и, если выживешь, – живи.

Как ни странно, он обрадовался: сам себя утешил тем, что осталось всего-то навсего перетерпеть шесть ударов тяжело-го солдатского ремня и на этом мучения закончатся. Эх, кабы знал бедный, что ждет его впереди. Он чистил сапоги, надраивал пряжки, стараясь как можно дольше оттянуть миг очередного унижения, боли. «Дембеля» заявили в умывальную комнату сами. Придирчиво осмотрели сверкающие до блеска сапоги и недовольно проворчали:

– Плохо почистил, засранец. В таких сапогах и в родную деревню ехать – стыдоба одна. Так что битьем не отделаешься. Они лениво ударили, каждый по разу, а потом соорудили из ремня петлю и велели Эргашу... вешаться. В этот как раз момент и заглянул в умывальник один из прапорщиков. Моментально поняв, что здесь происходит, он лишь пожу-

рил «дедов»:

– Это вы, конечно, зря. Такие вещи в части делать негоже. Ну, вывели бы за ворота, а то ведь надо, что придумали...

Тем ни менее, Эргаша он забрал с собой и по дороге в казарму сказал наставительно:

– Забьют тебя, чурка, как пить дать забьют. Ты вот что, ты поутру тикай к командиру роты и просись, чтоб тебя в другую часть перевели. Здесь житья не дадут.

Едва прозвучала команда «подъем» Эргаш побежал к командиру. Путаясь, то и дело вставляя в русскую речь узбекские слова, он попросил о помощи. Старлей в ответ лишь кивнул и царственным жестом указал солдату на дверь. Ночью Эргаша выдернули из теплой постели, в одних трусах и майке выволокли из казармы и заволокли в какой-то сарай. Здесь ему зачитали «приговор»: за попытку утаить деньги, за непослушание «дедам» и за «стукачество» рядовой Яхшибаев приговаривался «к смертной казни через ток высокого напряжения». Руки и ноги Эргаша обмотали проводами, стали колдовать возле электрощита, но в этот момент что вспыхнуло, запахло паленым и все вокруг погрузилось во тьму. «Деды» чертыхнулись, сказали, что «казнь переносится на завтра» и, гогоча, удалились.

Терпеть и ждать смерти он больше был не в силах. В ту же ночь рядовой Яхшибаев, как писали потом в официальных бумагах, дезертировал из воинской части. Не зная дорог, шел неевсть куда. К утру забрел в какую-то деревню. Пожи-

лая сердобольная женщина покормила его, смазала раны йодом, как смогла, перебинтовала. Соседские мальчишки, по ее просьбе, живенько собрали и принесли тапочки, бриджи, рубашку. Даже еды и немного денег, на проезд в общественном транспорте дали ему с собой, объяснив как добраться до Казанского вокзала.

Сжалился над бедолагой и проводник скорого поезда «Москва-Ташкент», взял безбилетного пассажира, в служебном купе устроил на верхней полке, всю дорогу кормил, да, в основном, зеленым чаем отпаивал, который, как считал сердобольный проводник, от всех болезней – лучшее снадобье. Не стал скрывать железнодорожник от Эргаша, что мытарствам его вряд ли конец пришел:

– Теперь тебя воинское начальство дезертиром объявит, искать начнут, потом судить будут. Но ты сильно-то не переживай, теперь за дезертирство не расстреливают, так что, скорее всего, просто в тюрьме пару лет отсидишь, – своеобразно утешил проводник беглеца и посоветовал, на всякий случай, домой идти ночью, когда никто не видит.

Так он и поступил, добравшись, наконец, до родного кишлака. Выждал, когда наступит ранняя в горах темнота, зашел в родной дом и рухнул на пороге. А через сутки, поздней ночью, отец отвез сына высоко в горы, где в полуразвалившейся хижине стал лечить травами, да собственного изготовления настоями. Дед же, никому из односельчан ни сказав ни слова, отправился искать правду в Ташкент. В дорогу

взял с собой лишь небольшой рюкзачок, где наиболее ценным, как сам считал, были многочисленные визитные карточки гостей, бывавших в его чайхане и произносивших в честь волшебника-ошпоза по-восточному цветистые хвалебные тосты и обещавшие, в случае чего, любую помощь и содействие.

Для начала побывал старый Яхшибай в республиканском военкомате, где выслушал суровые слова о том, что внук его не пожелал с «честью выполнить священный долг перед родиной» и его-де судить и примерно наказать надо, тем более, что уголовное дело уже возбуждено и из части пришел соответствующий запрос. Почерневший от горя старик долго сидел на ступенях военкомата, а когда поднялся, увидел прямо перед собой газетный киоск.

– Газеты увидел, тебя, сынок, вспомнил, вот и пришел, – пояснил в конце горестного своего рассказа Яхшибай.

Записав все необходимые данные, покормив старика в нашей редакционной столовой и проводив его на вокзал, я уже вечером того же дня беседовал с бравым майором республиканского военкомата.

– Вам, как руководителю оборонного отдела партийной газеты, органа ЦК, как никому другому должно быть известно, что, хотя дедовщина в армии еще существует, но уже не в виде явления, а в виде отдельных лишь случаев. Со случаями этими борются и нет никаких сомнений, что в самое ближайшее время искоренят полностью, – наставительно, явно лю-

буясь собственным звучным голосом и безукоризненно гладкими формулировками, вещал майор.

Поняв, что никакого понимания я здесь не встречу, стал я настойчиво пробивать письмами, запросами, выписками из истории болезни Эргаша Яхшибаева (к тому времени они у меня уже были) высокое начальство в министерстве обороны СССР. Отправил туда и собственноручно написанное Эркином заявление, где он описал все свои мучения, а в конце приписал: «Дезертиром прошу не считать». И добился в итоге того, что по этому делу была создана специальная комиссия. Эргаша комиссовали по состоянию здоровья, он получил вторую группу инвалидности, а несколько военнослужащих, в том числе и командир роты, понесли, как было сказано в официальном ответе, «заслуженное наказание». Какое именно наказание и какие именно военнослужащие – в ответе не уточнялось.

Я уже собирался отправить этот ответ по домашнему адресу Яхшибая, когда он снова появился в моем кабинете. Теперь дед улыбался, глаза его лучились счастьем. Прижимая руку к сердцу, он сказал:

– Сынок, мы тебя в гости приглашаем. Не я один, весь наш кишлак, весь колхоз приглашает.

– Да я не могу, дед, ну что ты, какие гости, я же на работе.

– Э, нет, сынок, – возразил тот. – Я уже все узнал. У вас самый главный твой начальник – депутат Верховного Совета, я уже у него на прием записался. Буду просить, чтобы

тебя отпустил. – К тому же сам говорил, и Яхшибай лукаво улыбнулся, что такого плова, как у меня, ты нигде не ел. А я тебе такой плов приготовлю, какого еще никто не ел.

Я отправился к шефу. Редактор «Правды Востока» Николай Федорович Тимофеев прекрасно знал узбекский язык, хорошо разбирался и тонко понимал узбекские традиции. Был он с нами строг и потому ответ его, причем скорый, меня удивил:

– Обязательно поезжай. Нельзя обижать людей, которые тебя всем миром приглашают. Ну, а чтобы тебе жизнь медом не казалась, привезешь из этого горного кишлака репортаж. Тему выбери сам, на свое усмотрение.

Чайхана у Яхшибая была маленькой. Поэтому мне пришлось целый день сидеть за столом и принимать благодарности односельчан. Каждый из них подсаживался к столу, мы о чем-то непременно говорили, выдерживая весь положенный в таких случаях ритуал. Уже поздним вечером в колхозную гостиницу, где мне отвели комнату, зашел Яхшибай. У него в руках был какой-то битком набитый пакет из грубой оберточной бумаги. Явно смущаясь, он протянул мне пакет и пробормотал едва разборчиво: «Это тебе, потом посмотришь». Но я тут же развернул пакет и увидел там деньги. Купюры были, насколько я успел разглядеть, самого разного достоинства: желтели рублевки, зеленели трешки, даже «червонцы» просвечивали красным цветом.

– Ты что, дед? – почему-то шепотом спросил я его и стал

отпихивать от себя пакет обеими руками.

– Не обижай, сынок, не мои это деньги, – заговорил Яхшибай. – Со всех окрестных кишлаков люди собирали. Я даже не знаю, сколько там, не считал. Кто сколько захотел, кто сколько смог, тот столько и положил.

Больших трудов мне стоило уговорить чайханщика забрать пакет. Никакие уговоры на него не действовали, он знай себе талдычил, что деньги народные, собраны от души, а потому отказываться от них – грех. И тогда я, сам не знаю, как мне это в голову пришло, заявил:

– Вот ты мне, дед, как-то рассказывал, что секрет своего плова сыну передал, а он передаст внуку. Так?

– Так, так.

– А ты меня действительно отблагодарить хочешь?

– Такое дело для нас сделал, внука спас, а еще спрашиваешь? – даже всхлипнул от обиды Яхшибай.

– Ну, если действительно хочешь отблагодарить, то научи меня секретам своего плова.

Он молча смотрел мне в глаза, Потом широко улыбнулся и произнес: «Тогда ложись спать. Завтра в шесть утра разбужу, в чайхану пойдем, дрова для очага наколоть надо».

...Каждый раз, когда я ставлю на огонь казан и начинаю готовить плов, вспоминаю эту, тридцатилетней давности, историю.

ШАШЛЫК ПО-ЯНКОВСКОМУ

Была в Советском Союзе организация, которая для непосвященных называлась туманно, значительно и строго: Бюро пропаганды советского киноискусства. Киношники, однако, весьма к этой организации благоволили, ибо давала она им возможность разъезжать по городам и весям необъятной родины и, прославляя» важнейшее из искусств», хоть немного заработать при нищенской своей, по тогдашним временам, жизни. Выступления заезжих артистов и режиссеров строились по одной, примерно, схеме. Актер рассказывал о своих ролях в кино, разбавляя рассказ для оживления публики какими-нибудь байками, на экране демонстрировались фрагменты фильмов, потом публика задавала вопросы, потом организаторы вечеров, как правило, приглашали кинозвезд к столу. Короче говоря, не очень все это было обременительно, но приятно во всех отношениях. Когда я работал в «Правде Востока», для меня приезд артистов означала в первую очередь возможность для встречи-интервью, поэтому Бюро пропаганды советского киноискусства в репортерской моей жизни роль играло далеко не последнюю.

Где-то, пожалуй, в конце семидесятых именно по линии этого бюро и приехали в Ташкент два известнейших акте-

ра Олег Янковский и Александр Збруев. О их приезде сообщил мне приятель, в те годы заведовавший дворцом культуры крупного промышленного объединения, добавив, что пригласил гостей, для установления неформального, так сказать, общения, на шашлык и если я хочу взять у них интервью, то лучшего повода и желать не приходится. Немедленно согласившись, я рано утром уже прохаживался у гостиницы «Узбекистан», что в центре Ташкента.

Надо сказать, что в те годы утренняя поездка на шашлык была делом не совсем обычным. Частное предпринимательство, особенно в сфере общепита было запрещено и каралось довольно строго. Поэтому жаровни частных мангалщиков начинали дымить в маленьких двориках старого города чуть не с пяти утра. Часам к девяти, то бишь к началу рабочего дня, жаровни сворачивались и начинали свой обход участковые милиционеры. И беда была тому частнику, который вовремя не сумел выпроводить зазевавшихся гостей. Блюститель закона, усмотревший нарушителя, поступал сурово и энергично. Он хватал первое попавшееся под руку ведро или таз, наполнял водой из водопроводного крана и заливал жаровню. А уж затем следовали штрафные санкции. Короче говоря, хорошего шашлыку в Ташкенте тогда можно было отведать только ранним-ранним утром. Ташкентцы не только сами охотно ездили чуть свет полакомиться свежей баранинкой или печенкой, но и возили туда гостей. Неудобства условий, а порой и явная антисанитария сих злчных

мест с лихвой окупалась нежным вкусом шашлыка. Так что все были довольны. Наши знаменитые гости поначалу были немало удивлены приглашением на столь ранний завтрак, но, видимо решив, что «Восток – дело тонкое», предпочли не спорить и приглашение приняли.

Не зная вкусов гостей, мы с приятелем запаслись «большим джентльменским запасом» – водка, коньяк, вино и отправились в старый город. И Янковский и Збруев оказались людьми на редкость скромными и, увидев наши приготовления, были малость шокированы. Когда же мы заказали сорок шампуров печеночного шашлыка и столько же мясного, Янковский бурно запротестовал, заявив, что такого количество и днем-то одолеть никто не сможет, а уж ранним утром и подавно. Мы с приятелем пустились в пространные объяснения. Шампуры-де в Узбекистане маленькие, кусочки печени и мяса крошечные, так что по десять палочек одного вида и по десять другого – это ерунда, глядишь, еще и дозаказывать придется. Янковский стоял на своем, Збруев в споре активного участия не принимал, видимо понимая, что настойчивых хозяев в их стремлении быть хлебосольными не переубедишь. Тогда я закончил спор таким образом: «В конце-концов демьянову уху тут вам никто не предлагает, насильно в от запиживать не будем, чем долго спорить, лучше быстрее начать, а то время-то уходит. Трапеза наша началась, проходила она, как принято говорить, в непринужденной обстановке, Мы все были молоды, общие темы для раз-

говора находили без труда, в вкуснейший шашлык и коньяк (для водки, решили мы сообща, время слишком раннее) общению нашему в немалой степени способствовали.

Когда наша дружеская трапеза близилась к завершению, Олег Янковский обратил внимание, как ловко управляется шампурами старик-мангальщик.

– Давно приглядываюсь и не могу понять, как это у него выходит, – сказал Олег. – Не успеваешь шампур на мангал положить уже готово. Ну просто несколько секунд и мясо-то не сырое, а наоборот – хорошо прожаренное.

– Я же тебе объяснял, – сказал я. – Кусочки очень маленькие, к тому же заранее хорошо промаринованные, потому так все и быстро.

– Нет, все равно невероятно, – возразил Янковский. – Пойду-ка поближе гляну.

Он отправился к сидевшему поодаль мангальщику и как только приблизился, раздалось восторженное восклицание: «О! Генрих Шварцкопф. Салом алейкум!» Актер был явно польщен и обрадован такой популярностью. Конечно, он уже в те годы, когда еще совсем недавно прошел по экранам страны фильм «Щит и меч», был очень популярен, но чтобы седобородый старец узнал его в лицо в какой-то подпольной шашлычной на окраине далекого для него Ташкента – это, безусловно, было очень приятно. Между ними завязалась беседа, а я этим и воспользовался.

Но здесь необходимо еще одно пояснение. Когда мы от-

правлялись на шашлык компаниями, то платил, как правило, в порядке очередности кто-то один. Каждый из присутствующих пустые шампуры укладывал под свою тарелку, закончив, каждый же сам считал свои пустые шампуры, платящий суммировал и платил мангальщику деньги, добавляя немного за чай и за горячие лепешки. Вот этим-то я, ради шутки, и воспользовался. Когда у Янковского и деда-мангальщика завязалась оживленная беседа, я собрал с соседнего стола несколько шампуров и подложил их к уже лежащим под тарелку Янковского. Через несколько минут Олег вернулся, время нас поджимало, я предложил каждому посчитать свои шампуры, чтобы пойти и заплатить. Стали считать. Янковский восклицает: «Этого не может быть!» и считает заново. Пересчитывает и опять недоумевает: «Да этого просто быть не может!»

«В чем дело, Олег, что случилось?», невинно интересуюсь я.

– Да у меня здесь тридцать восемь палочек.

– Ну и что в этом такого?

– Ты что же, хочешь сказать, что я слопал почти сорок палок шашлыка?

– Да кто тебе считает? – возражаю я. Съел и съел, пусть тебе на здоровье будет.

– Да не мог я столько съесть, – упорствует гость.

– Послушай Олег, – я попытался придать голосу и интонациям максимум здоровой рассудительности. – Ну посуди

сам. Нас тут никто не угощает, мы за шашлык деньги платим. Неужели ты считаешь, что тебе под тарелку могли что-то шампуры подсунуть, чтобы потом за чужой шашлык платить?..

Так в недоумении и покинул Янковский тот завтрак. Позже мы еще несколько раз встречались, но о шашлыке речи не было. Может и забыл бы я о той совей невинной шутке, если бы, много лет спустя, не случился еще один эпизод.

Я уже жил в Израиле, работал в газете, когда к нам приехали участники кинофестиваля «Кинотавр». Олег Иванович Янковский в ту пору возглавляя гильдию российских киноактеров. Чрезвычайным и полномочным послом России в Израиле был в те годы чудесный человек – Александр Евгеньевич Бовин. Посол устроил для знаменитых гостей прием на своей вилле. Задержавшись в редакции, я на прием немного опоздал, а когда приехал, первым делом подошел к столу посла, чтобы поздороваться с Александром Евгеньевичем, с которым имел счастье дружить. За столом Александра Ивановича, среди нескольких других гостей, находился и Олег Иванович. Поздоровались, подняли бокалы за встречу. В это время подошел официант с подносом фуагра, стал раскладывать по тарелкам изысканное блюдо. Дошла очередь до Янковского, он сделал отрицательный жест и официант в замешательстве возле него остановился.

– Олег Иванович, вы зря отказываетесь, – посетовал Бовин. – Ни в одной стране не готовят так вкусно гусиную пе-

чень, как в Израиле. Очень вам рекомендую.

– Да я бы и сам не прочь отведать фуа-гра в израильском исполнении, – несколько церемонно ответил Янковский. – Но, – и он кивнул в мою сторону, – с некоторых пор в присутствии этого господина я шашлык не ем.

ПАРАД ЖВАНЕЦКОГО

Где-то в середине семидесятых командировали от «Правды Востока» меня в Севастополь для освещения военно-морского парада в честь Дня Победы. Командировка считалась очень престижной, но оказалась весьма однообразной. Конечно, сам парад моряков был зрелищем захватывающим, но длился он всего несколько часов, Остальные три дня валялся я на не горячем еще по весеннему времени морском песочке, так в незнакомом городе и пойти-то было некуда. Чтобы хоть как-то скоротать время стал по вечерам ходить в кино при доме офицеров морского флота. Однажды подхожу к кассе, а рядом с окошком висит обычный тетрадный листочек в клеточку и на нем написано: «Вечер писателя-сатирика М.Жванецкого. Цена 30 коп.» И хотя в те годы мне это имя ничего не говорило, решил пойти – все лучше, чем какую-нибудь индийскую муру смотреть и зевать в ожидании, когда нищая красавица наконец выйдет замуж за сказочно богатого принца.

Выступление сатирика состоялось на летней эстраде. Та-

кие тогда были в любом парке: раковина-сцена и длинные ряды деревянных скамеек. Был будний вечер и народу собралось оскорбительно мало, я даже боялся, что концерт не состоится. Но в назначенное время на эстраду вышел плотный человек и уже через несколько минут покори́л меня своим искрометным юмором полностью. Места на билетах не нумеровались, и я занял первый ряд, где сидел один-одинешенек. Поэтому никто не мешал проявлять эмоции, не сдерживая их. Сознаюсь, вел я себя довольно непристойно: валялся, корчась и держась за живот от смеха, по скамье, визжал в голос и вообще проявлял эмоции самым бурным образом. Что там, военно-морской парад? Вот это был парад юмора, парад Жванецкого!

Закончив выступление, Михаил Михайлович вышел на авансцену и сказал:

– Конечно, любому человеку, выступающему на эстраде, хочется видеть переполненные залы. Но я очень благодарен тем немногочисленным сегодняшним зрителям, которые сюда пришли. Вы смеялись и ваш смех – высшая для меня награда. Особенно я благодарен зрителю из первого ряда, который... – Жванецкий сделал небольшую паузу, видно, подбирая нужные слова, – который так эмоционально реагировал на мое выступление.

Полагая, что этих слов достаточно для знакомства, отправился за кулисы. Представился и мы договорились поужинать вместе в небольшом кафе Дома офицеров флота. То,

что рассказал мне о себе Михаил Жванецкий, сегодня известно всей стране. Но тогда я, что называется, открыв рот, слушал его рассказ о работе в коллективе Аркадия Райкина, о той жесткой системе, которая заставляет сатирика слушать свои произведения в исполнении других людей и запрещает ему самостоятельные выступления.

В конце вечера я предложил Жванецкому подготовить добротное интервью и отправить его в «Литературную газету».

– Не опубликуют, – коротко возразил Михаил Михайлович.

– Почему это не опубликуют? – запальчиво стал я ему возражать. – Я в «литературке» печатаюсь уже несколько лет, меня там знают, еще как опубликуют.

Это была полуправда. В «Литературной газете» у меня действительно к тому времени было несколько публикаций, но вряд ли мое имя в этой авторитетной газете было хорошо известно. Впрочем, преувеличение, как известно, это ложь честного человека, а формально я говорил правду.

– Ну что ж, попробуй, – без всякого энтузиазма согласился сатирик.

Покорпев несколько дней над текстом, я отправил интервью со Жванецким в «Литературную газету». Оттуда – ни слуху, ни духу. Пытался выяснить, что происходит – никакого толку. И вдруг через полгода кто-то из приятелей звонит мне в редакцию и с восторгом рассказывает, что сегодня

утром прочитал интервью со Жванецким в «литературке». Уж не знаю, что там произошло, может просто к тому времени со Жванецкого табу сняли, но только я был чрезвычайно горд, что сдержал слово и не опозорился перед этим выдающимся человеком.

МАГОМАЕВ БЕЗ ПРОПУСКА

В Ташкент на гастроли приехал Муслим Магомаев. Весь город был заклеен его афишами. Очереди у билетных касс концертного зала стояли, в полном смысле слова, круглосуточно. Поклонники толпами атаковали проходную зала, желая проникнуть за кулисы и получить автограф любимого певца, а если повезет, то и на концерт остаться. Предвидя такое полоумничество, директор Узбекской госфилармонии Амо Рубенович Назаров издал строжайший приказ никого без пропуска не пускать. Он вызвал всех вахтеров к себе в кабинет и, постукивая ладонью по столу, грозно предупреждал: «Ни один человек без пропуска чтоб не прошел. Исключения ни для кого быть не должно. И артисты, и осветители, и весь наш технический персонал могут пройти через проходную только при предъявлении пропуска. Вся ответственность лежит на вас»,

Осознав всю важность возложенной на них миссии, вахтеры торжественно пообещали, что не только человек, но и муха в концертный зал без пропуска не залетит.

У меня, немногого из счастливичков, пропуск в концертный зал был, но у моих друзей это вызвало не зависть даже, а раздражение. Они упрекали меня в эгоизме, в том, что не хочу способствовать в их приобщении к великому эстрадно-му искусству. Ну, и так далее. Упреки достигли апогея, когда один из приятелей, стажер узбекской оперы Рахим Шакиров умерил разгоравшиеся страсти:

– Друзья, я хорошо знаком с Назаровым, сегодня же вечером пойдем к нему, возьму для вас пропусков столько, сколько понадобится.

– Пойдем сейчас, – подзадорил один из нас Рахима. – Чего до вечера тянуть?

– Э нет! – живо возразил Рахим, наполняя очередной стакан пивом. – Сегодня у меня особый день. – Он поднялся и торжественно произнес. – Предлагаю всем поднять эти стаканы и выпить за смерть стажера Рахима Шакирова и рождение новой оперной звезды Рахима Шакирова.

Все враз загалдели (сначала, правда, выпили), стали наперебой спрашивать, что такого сегодня произойдет. С той же торжественной напыщенностью Рахим поведал, что сегодня дебютирует на сцене Большого театра оперы и балета имени Алишера Навои в крупной самостоятельной роли. Рахим ни на грамм не сомневался, что уже завтра утром он получит должность солиста, максимум через полгода станет заслуженным артистом республики, потом лауреатом, ну и так далее. С каждой вновь открытой бутылкой пива твор-

ческая звезда Рахима разгоралась все ярче и ярче, взлетала все выше и выше. Собравшееся общество дружно порешило, что негоже в такой день не разделить с другом его бурный успех и мы всей веселой компанией отправились в театр, благо что до начала спектакля времени оставалось совсем немного. Всеб же по дороге мы, уступив настояниям Рахима, заглянули в театральный служебный буфет, где выпили за его несомненный успех по бокалу холодного шампанского.

Заняв на самой верхотуре запыленный балкончик, стали ожидать появления друга на сцене. И вот он появился: в камзоле, белом парике и с подносом в руках, на котором покоился какой-то прямоугольный листок. Рахим сделал шаг вперед и пропел: «Вам письмо, граф.» После чего зал обрушился хохотом так, что, казалось, сейчас рухнет с потолка гигантские хрустальные люстры. В голос смеялся партер, гоготал амфитеатр, повизгивали от смеха музыканты в оркестровой ложе – будущая звезда оперы появился на сцене в камзоле, парике, но... в джинсах.

Стоит ли рассказывать, что в тот вечер мы Рахима так и не дождались?

Тем временем начало гастролей Магомаева приближалась и вот, наконец, кумир приехал в концертный зал на свою первую репетицию. Не привлекая ничьего внимания, он прямо из машины прошмыгнул в проходную и направился было во двор филармонии, как его остановил грозный окрик вах-

тера: «Пропуск давай».

– Да я на репетицию, – беспечно ответил народный артист СССР.

– Пропуск давай, – слышалось в ответ.

– Отец, у меня вечером концерт, я – Муслим Магомаев, – все так же терпеливо, не раздражаясь, стал урезонивать излишне рьяного служаку певец.

–Пропуск давай.

Магомаев оторопел. Его ну пускали и пускать, видимо, не собирались, хотя прямо на него со стены смотрело с афиши его же собственное изображение. А рядом улыбался с плаката заслуженный артист Узбекистана Юнус Тураев, певец очень популярный в республике. Муслим подозвал вахтера, показал ему на свое изображение:

– Вот, смотри, отец, на меня и смотри на этот портрет. Вот здесь написано: «Народный артист Советского Союза Муслим Магомаев.» Это я. А теперь посмотри на меня. Это тоже я.

– Хоть сам Юнус Тураев, – упрямо твердил старик-вахтер. – Пропуск давай.

X X

X

В отделе писем я появлялся все реже и реже, ссылаясь на оперативные задания, стал пропускать еженедельные редак-

ционные летучки, где проводился обзор номеров «Правды востока» за минувшие семь дней. Но тут уж Иван Капитонович Костиков навел порядок быстро, объяснив мне, что летучка – это наша профессиональная школа, а кому, как ни мне, малолетке, надлежит учиться, учиться и учиться. Выволочка завершилась предупреждением, что следующее замечание в виде выговора будет занесено в трудовую книжку. И такой повод я Ивану Капитоновичу вскоре чуть было не представил.

Была у нас в редакции рубрика «Из зала суда». Кочевал она из отдела в отдел, пока не осела в наших «письмах и жалобах» и не была всучена мне в виде очередной нагрузки. Особых хлопот рубрика эта мне не доставляла. Все-го-то и забот было раз в неделю смотаться в городской суд, отобрать копии уже вступивших в силу приговоров по каким-нибудь более или менее привлекательным делам, да настрочить информацию – большего объема рубрике не предоставляли, да она того, признаться, и не заслуживала. Таким образом оказался у меня в руках приговор по делу о взяточничестве и мошенничестве преподавателя кафедры истории КПСС Ташкентского политехнического института доцента Мухамедзянова. Брал этот мерзавец деньги с родителей абитуриентов, придумав незатейливую схемку – если абитуриент поступал, деньги оставлял себе, если проваливался на экзаменах, деньги возвращал. Оседало у него, по его разумению, не так много, как хотелось, и он решил свою дея-

тельность усовершенствовать. Стал уговаривать доцента-математика ставить несправедные «пятерки» на вступительных экзаменах абитуриентам, на которых укажет. Математик отказался, пояснив, что занимается частным репетиторством абитуриентов, деятельность его вполне законна и к тому же дает хороший приработок к институтскому жалованью. Мухамедзянов настаивал, даже угрожать стал. Тогда математик пригрозил, что обратится за помощью в прокуратуру. Мухамедзянов решил строптивного коллегу наказать, сам накатал жалобу в прокуратуру, где обвинил математика в том, чем сам занимался. В процессе следствия правда выплыла наружу, Мухамедзянова за взятки, мошенничество и клевету осудили на восемь лет. Заметка об этом была опубликована в газете.

Прихожу как-то утром на работу и тотчас вызывает меня к себе Костиков. В его кабинете развалился в кресале вальяжный мужчина, перед которым лежала пачка американских сигарет и изящная зажигалка. Собственно, это меня больше всего удивило – Капитоныч не курил и курить в его кабинете не смел никто.

– Вчера за вашей подписью в нашей газете была опубликована заметка про преподавателя Мухамедзянова. В процессе подготовки этого материала вы с ним встречались?

– Помилуйте, Иван Капитонович, как же я мог с ним встретиться, если приговор вступил в законную силу и человек уже в тюрьме. Мы и рубрику эту ведем только по мате-

риалам суда.

– Ну что ж, тогда познакомьтесь, – несколько даже торжественно произносит зам главного и представляет мне своего визитера. – Это товарищ Мухамедзянов. Жив, здоров и, как видите, на свободе.

– Вы не можете быть на свободе, вы должны быть в тюрьме, – ляпнул первое пришедшее в голову.

– Ох, что тут началось. Мухамедзянов утирал несуществующие слезы, Костиков своим скрипучим голосом упрекал меня в том, что я не только оболгал кристально честного человека, но не хочу признавать своей вины. Издали он показал мне, хотя ознакомиться не позволил, какие-то бумаги, которые якобы признавали Мухамедзянова невиновным.

Закончилось это тем, что Костиков твердо заверил оскорбленного мной посетителя: виновный будет наказан самым строгим образом вплоть до увольнения.

Выйдя из кабинета зама, я, стремглав, бросился к телефону. В горсуде мне порекомендовали обратиться в прокуратуру. Из прокуратуры перезвонили через минут пятнадцать и сообщили: такого не может быть, потому что не может быть никогда. Мухаметзянова всего три месяца назад этапировали к месту лишения свободы, он даже физически не мог ответ на какую-либо жалобу получить. Прокурорских это дело явно заинтересовало, одна из работников прокуратуры пообещала даже через часок сама в редакцию подъехать, чтобы все детали уточнить. Но тут меня вызвали «на ковер». В

кабинете у Тимофеева уже находился и Костиков. Он и докладывал. Шеф слушал хмуро.

– Что скажешь? – обратился ко мне.

– Я только что разговаривал с прокуратурой города. Через час, кстати, должна подъехать прокурор по надзору. Но они утверждают, что этого быть не может. По всем документам Мухамедзянов числится отбывающим срок наказания и никто его на свободу не выпускал.

– Довольно запутанная история, – определил Николай Федорович.

– Ничего тут запутанного нет, – горячо возразил его зам. – У них там левая рука не ведает, что делает правая. Человека оправдали, а к ним бумаги не поступили, либо валяются где-нибудь. Я предлагаю Якубову сначала объявить выговор, а когда мы во всем разберемся, будем принимать окончательное решение.

– Интересное кино! – забыв о субординации, завопил я. – Еще ничего не доказано, а мне уже выговор. Вот через час из прокуратуры приедут, пусть пояснят, как такое могло получиться.

– Действительно, Иван Капитонович, с выговором спешить некуда, Если виноват – накажем. Но сначала разберемся. Работника прокуратуры, как приедет, сразу приглашай ко мне.

Разматывание этого клубка заняло почти месяц. Дело оказалось совсем непростым. За крупную взятку кто-то из кон-

войных следственного изолятора в момент. Когда Мухамедзянова должны были этапировать в лагерь, помог ему бежать. Пару месяцев он отсиделся у родственников дома, потом начал потихонечку и в город выходить, даже, нахал, в свой институт заглянул. Уверовав, что ничего ему больше не грозит, вернулся в собственную квартиру. Мухамедзянов даже состряпал, правда, весьма неумело и оттого небрежно, фальшивое постановление Верховного суда СССР о своем оправдании. И вдруг – заметка в «Правде Востока». Вот он и ринулся в редакцию изображать из себя невинно оскорбленного. Сидел бы тихо, поди знай, может, так бы все и обошлось. Но пришлось ему снова на этап отправляться.

А тем временем в Ташкенте началась декада литературы и искусства РСФСР. Все мобильные журналисты редакции были брошены на освещение декады. Мне поручили разыскать выдающегося композитора Соловьева-Седого и взять у него интервью. Я легкомысленно обрадовался, но только к вечеру удосужился выяснить, за что же мне такая честь оказана. Выяснилось, что в партийной резиденции, где поселили композитора, он практически не появляется. Все попытки моих коллег взять у него интервью были тщетными. А высокое начальство в ЦК по этому поводу гневается. Но не напрасно проторчал я несколько часов в вестибюле резиденции. Услышал-таки, как дежурная кому-то по телефону сказала, что Соловьев-Седой просит через два часа прислать за ним машину к гостинице «Дустлик».

«Дустлик» (в переводе с узбекского «Дружба» была зачуханной стандартной девятиэтажкой, где преимущественно останавливались туристы, приезжающие с периферии. Но думать о том, чего там понадобилось Соловьеву-Седому было некогда. Помчался в «Дустлик», благо недалеко было. Запыхавшись, спрашиваю у дежурной: «Вы здесь случаем композитора Соловьева-Седого не видели?» Был только что, сосиски ел, а потом на этаж поднялся, тут его музыканты живут. Вот, автограф мне оставил, сказал, что через полчаса заглянет». Это была удача. Я занял в буфете место таким образом, чтобы виден был весь вестибюль.

И снова мое терпение было вознаграждено. Минут через сорок я увидел, как по лестнице спускается высокий полный седовласый человек в светлом летнем костюме. Золотая Звезда Героя не оставляла никаких сомнений: передо мной автор знаменитых «Подмосковных вечеров», народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Василий Павлович Соловьев-Седой.

– Нашли все-таки, засранцы, – без всякого, впрочем, раздражения, произнес Василий Павлович, когда я, поздоровавшись, представился. – Ну и чего тебе от меня надобно, старче? – Выслушав, присел за столик, приглашающее прихлопнул ладонью соседний стул и осведомился о неожиданном. – Портвейну выпьешь? Дивный тут у вас портвейн, нигде такого не пробовал. – И, не дожидаясь ответа, окликнул буфетчицу. – Лизонька, нам нектару вашего пару стаканчиков,

ну и батончик шоколадный.

Выпили. Поговорили о несносной азиатской жаре. Повторили. Василий Павлович категорически запретил мне плавать. Снова поговорили о чем-то несущественном. Он взглянул на меня сожалеюще.

– Ждешь, когда с вопросами своими приставать можно будет? Фигу тебе, никаких вопросов. – Полез в карман пиджака, достал многократно сложенный глянцевый листок. – Вот тебе буклетик, тут про меня все написано, читай и пиши, чего хочешь, я в претензии не буду. – И добавил с горечью. – Все равно нового обо мне уже писать нечего. Так что давай еще по единой, да разбежимся, а то мне архаровцев своих блюсти надо, кабы чрезмерно не увлеклись они до концерта вашими напитками.

На ту же декаду, в составе труппы Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова (знаменитого Мариинского театра) приехала и народная артистка России знаменитая балерина Валентина Ганибалова. Жили мы когда-то в одном дворе и в те детские годы были неразлучны. Ташкентские коммунальные дворы – явление особое. Году в сорок четвертом эвакуированным выделились участки земли и кое-какой стройматериал, из которого они строили немудрящие домики, объединенные общим двором. Во дворах играли в домино, собирались по праздникам за одним столом, обсуждали, как поется в известной песне, и браки, и аборт. Валька была у нас во дворе чуть не единственной девчонкой, по край-

ней мере, среди ровесниц. Мы гоняли босиком мяч, в лапту, еще какие-то детские игры. Потом гибкую длинноногую девочку заметила жившая рядом преподаватель Ташкентского хореографического училища и стала наша Валька балериной. Это от нее впервые услышал я мудреное слово «фуэтэ», узнал, что такое пуанты, на которых она, демонстрируя, выплясывала в своей комнате.

После разрушительного ташкентского землетрясения 1966 года, наши «карточные домики» развалились, сначала жили в палатках, установленных прямо на улице, потом всех расселили в разных концах города. Позже моя всезнающая бабушка рассказывала, что Валя с блеском закончила училище, ее пригласили в Ленинград. Потом и в печати нет-нет встречал рецензии о талантливой балерине Ганибаловой. Вот только встретиться ни разу не довелось. Увидев афишу декады, где крупным шрифтом было набрано имя Валентины, я написал небольшое такое ностальгическое эссе. Спустя пару дней снимаю в редакцию телефонную трубку и слышу незнакомый женский голос: «Ты зачем же, паразит, написал, что я в детстве босиком бегала. Теперь люди подумают, что носить нечего. Ты б еще написал, как я на горшке без трусов сидела.

– Валька, ты, что ли? – скорее догадался, чем узнал ее я.

– Конечно, я. Сегодня у нас выходной, давай увидимся.

Задам тебе перцу за твои писульки.

КРЕСЛО В ПОРТФЕЛЕ

Как-то приехал в Ташкент на гастроли известный эстрадный сатирик Илья Набатов. Это нынешнему поколению его имя ничего не говорит. А в пятидесятые-семидесятые годы XX века Илья Семенович блистал на эстраде, возглавлял огромные сценические группы и популярность его ну разве что Аркадию Исааковичу Райкину чуть-чуть уступала. В те годы я дружил с конферансье ташкентского мюзик-холла Владимиром Лапиным и вот друг решил, как сам сказал, сделать мне сказочный подарок, взять с собой на встречу со своим старым учителем – Ильей Набатовым. Начинаящий репортер, я тогда и мечтать не смел об интервью со звездой такой величины, потому благодарил Лапина горячо и искренне.

О друге своем замечательном я просто обязан хоть коротко рассказать, ибо человек он был талантливый и судьбы необыкновенный. Выросший в семье крупного советского чекиста, юный Воля в неполные восемнадцать лет, умудрился прорваться на фронт, воевал, был контужен, награжден несколькими боевыми наградами, в том числе и орденом Красной Звезды. После войны юный офицер служил оперативным помощником коменданта Кремля, вращался в кругу так называемой золотой молодежи, Среди его друзей были дети Сталина, Микояна, Молотова, других советских руководителей. Но в сорок седьмом рассказал Лапин не в том

месте не тот анекдот и не спасли его ни всемогущий отец, ни собственная высокая кремлевская должность. Собственно отец отреагировал на арест шалопая-сына истинно в духе того времени. «Партия не ошибается, сказал он и добавил: Раз арестовали, значит, виноват». Когда, шесть лет спустя, вернувшись из сталинского лагеря, сын напомнило отцу его фразу, тот заявил: «Партия ошиблась, партия свою ошибку исправила», и счел разговор на эту тему исчерпанным.

В лагере Володя организовал художественную самодеятельность, а поскольку арестовали его за анекдот, он теперь веселил анекдотами эков, так как рисковать уже было нечем. На свободу он вышел с кучей болезней и твердым намерением стать профессиональным эстрадным артистом, определив свой будущий жанр как конференс. Он работал в эстрадных коллективах Ленинграда, Литвы, где, кстати, стал лауреатом Госпремии этой республики, потом на него обратил внимание сам Набатов и Лапин несколько лет работал с известным мэтром бок о бок. В Ташкент его занесла любовь к худенькой девушке Ирине, ради которой он пожертвовал даже московской пропиской. Был он в узбекской столице очень популярен, считался острословом номер один, друзей имел повсюду множество, к нам в редакцию заходил как в дом родной и мы с ним, несмотря на существенную разницу в возрасте, сдружились легко, как-то незаметно перешли на «ты», вместе проводили свободное время и я охотно ходил на его концерты. К тому же Лапин был горазд на всякие шут-

ки и розыгрыши, таких выдумщиков свет еще не видывал.

Однажды собрались мы у него дома большой компанией встретить Новый год. Все почти собрались, а хозяина нет. Жена его Ирина тоже делает вид, что не знает, почему муж задерживается. Пора уже было к столу садиться, но как сядешь без хозяина? И вот когда напряжение достигло кульминации, из кухни выкатили стол на колесах, а на столе покоилось «главное новогоднее блюдо» – сам Воля, обложенный апельсинами и конфетами.

По дороге в гостиницу на встречу с Набатовым Воля поведал мне немало забавных историй, связанных с его бывшим наставником. Среди них была и такая.

– Познакомился я как-то с одной переводчицей из Интуриста, – рассказывал Воля. – Девчонка была диво как хороша, ухаживал я за ней самозабвенно и однажды, желая похвастаться столь высоким знакомством, представил ее Илье Семеновичу. Расплата за легкомыслие и фанфаронство последовала тут же. Набатов отвел меня в сторону и без обиняков заявил: «Воля, люди в войну хлебом делились, отдай девушку». Я чего-то там лепетал о любви, но все было впустую. В общем подхожу я к своей девушке и говорю: «Лена, тебя Набатов к себе в гости приглашает». У той аж глаза от такого известия загорелись. Ах, ты, думаю, вертихвостка, меня променяла на старого перца. И решил я им отомстить. Везу ее на такси к дому Набатова и проникновенно так вру: – Понимаешь, Леночка, должен тебя предупредить. В го-

ды Отечественной войны Илья Семенович ездил с фронтовой бригадой. Однажды во время концерта на передовой началась бомбежка и Набатову осколком оторвало...

– Что оторвало? – спрашивает эта наивная дуручка.

– Ну, – помялся я, – в общем, оторвало ему мужской достоинство. И врачи ему поставили гуттаперчевую трубку. Старик по-прежнему любит красивых девушек, но когда входит в раж, о своем недостатке забывает, а потом страшно этого стесняется и ужасно переживает. Так что если он начнет за тобой слишком уж активно ухаживать, ты как-то с этой ситуации интеллигентно, чтобы его не обижать, соскользни.

– А дальше события развивались так, – со вкусом рассказывал Лапин. – Выпили они вина, о том, о сем поговорили, Набатов завел патефон и Ленку на танец приглашает. Танцует, к ней прижимается, в ушко всякие слова нежные шепчет. А та отстраняется и пытается держать дистанцию. Потом не выдержала и брякнула: «Илья Семенович, не надо. Я все знаю». «Что ты знаешь?», удивляется тот. «Все знаю, говорит, что у вас там гуттаперчевая трубка и вы потом переживать будете». Старик от этого навета так разнервничался, что поспешил дорогую гостью выпроводить.

– Ну, а потом-то вскрылось, что это ты все подстроил? – спрашиваю друга.

– Да ты что! Он бы меня в порошок растер. Так что гляди, сам где-нибудь среди эстрадников не проболтайся об этой истории.

Приехали мы в гостиницу и застали Набатова под тремя шерстяными одеялами, простуженного, с температурой. Встреча со своим ученикам, правда, возымела целительное свойство, Набатов приободрился, выпил глинтвейна, со вкусом закурил длинную папиросу и началось у них ; «А помнишь, а помнишь...» Впрочем, воспоминания мэтров эстрады были мне чрезвычайно интересны, я слушал, как говорится, открыв рот и боясь пропустить хоть слово. Поведал Илья Семенович и такую историю.

Известный советский эстрадный артист Смирнов-Сокольский, рассказывал Набатов, приехал на гастроли в Ленинград. Остановился в старинной гостинице в люксе, где мебель была исключительно антикварной. После очередного концерта был приглашен на банкет с обильным угощением, изрядно там выпил и прекрасном расположении духа поздно ночью вернулсся в свои апартаменты. Перед сном решил он по многолетней привычке выкурить папиросу, устроился в глубоком старинном кресле, поймал на радиоволне какую-то джазовую мелодию и вскоре задремал. Проснулся от резкого запаха чего-то паленного и с ужасом увидел в кресле ужаснувшую его дыру с отвратительными черными подпалинами. Ночь прошла в кошмарах, а по утру ринулся актер в магазин «Пионер», где в соответствии с продуманным за ночь планом приобрел лобзик. Вернувшись в отель, Смирнов-Сокольский заявил дежурной, что разучивает сейчас тексты для нового эстрадного концерта, а потому в номере у него

повсюду разбросаны бумаги, которые ни в коем случае трогать нельзя, а посему пока в апартаменты пусть, дескать, никто из обслуживающего персонала не заходит, его не беспокоит, а он и без уборки обойдется. В номере артист энергично принялся за дело и уже через каких-нибудь пару часов антикварное кресло превратилось в грудку мелких полешек. Упрятав все это безобразие в платяной шкаф за плотными вешалками с одеждой, престарелый проказник за несколько дней обломки бывшего антиквариата вынес партиями в пузатом своем портфеле. Прошли гастролы, Смирнов-Соокльский покидал Ленинград, а перед тем, как выписаться из гостиницы, к нему в номер поднялась администратор.

– Позвольте, – удивилась она, – в номере было два кресла, а теперь только одно.

– Помилуйте, голубушка, – пробасил артист. – Кресло было одно.

– Да как же одно, когда я точно помню, что два, вот у меня и в книге учета инвентаря записано, что два, – упорствовала администратор.

– Ну знаете, – деланно обиделся гость. – Это у вас в записях явно какая-то ошибка. В конце-концов, я надеюсь, не думаете же вы, что я ваше кресло в своем портфеле вынес...

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО РАЙКИН

Аркадий Исаакович Райкин приехал на гастролы очень больным. Позже выяснилось, что это был один из последних,

если не последний в жизни гастрольный тур великого артиста. Видно, худо ему стало еще в самолете: пилот сообщил земле, у трапа уже дежурила «скорая помощь» и Райкина отвезли не в гостиницу, а сразу в больницу. Врачи категорически запретили ему выступать, но глянул на стоявшего рядом администратора концертного зала, своим неповторимым тихим голосом с улыбкой спросил: «Афиши расклеены? Ну, вот видите, доктор, афиши уже расклеены, как же можно сорвать концерт?» И вот на сцену своей стремительной походкой выходит Райкин – высокий, стройный, в супермодном кремовом костюме. Лишь седая прядь выдает в нем немолодого человека. Он читает два монолога, убегает со сцены, падает за кулисами на специально подготовленный диванчик, врачи делают ему укол и через буквально несколько минут Его Величество Артист – снова на сцене.

Я стоял за кулисами и понимал, что ни о каком интервью и речи быть не может. Конечно, это было в высшей степени непрофессионально, но у меня и язык бы не повернулся еще и своими вопросами мучить этого, едва держащегося на ногах человека. Райкин заметил меня сам.

– А что это вы, молодой человек, там скромненько в уголке жметесь?..

Я представился, сказал, что хотел бы задать несколько вопросов, но понимаю, что, мол, Аркадию Исааковичу не до того.

– Ну отчего же? – возразил вдруг Райкин. – Пока делают

укол, я все равно бездельничаю. Спрашивайте. Только уж не обессудьте, если прервусь на полуслове, с выходом на сцену задерживаться не стану.

Врачи зашипели на меня, аки клубок растревоженных ядовитых змей, но Райкин уже жестом пригласил меня присесть рядом с ним.

Это было самое странное и самое прекрасное интервью в моей жизни. Оно прерывалось каждые три-четыре минуты, потом через минут пятнадцать-двадцать снова возобновлялось. Я напрягал слух, что не пропустить ни единого слова, произнесенного шелестящим шепотом этого, уже смертельно больного гения, а через минуту тот же голос уже гремел со сцены.

ГОЛОС СТРАНЫ

Накануне Дня Победы мне нужно было взять интервью у легендарного радиодиктора, народного артиста РСФСР Юрия Левитана. Того самого, кто читал во время войны все сводки Совинформбюро и про которого Гитлер сказал: «Возьмем Москву, первым делом Левитана повешу».

Юрий Борисович, несмотря на преклонный возраст, все еще работал, был очень занят и интервью со дня на день откладывалось. В конце-концов я не выдержал, наговорил Левитану по телефону каких-то дерзостей и даже упрекнул в том, что он-де скрывает одну из ярчайших страниц истории Великой Отечественной войны, коли не желает о себе

рассказывать. На этот демарш Юрий Борисович неожиданно для меня не только не обиделся, но даже рассмеялся:

– Ну, раз вы считаете, будто я что-то утаиваю от истории, то я обязан это заблуждение опровергнуть. Приезжайте немедленно.

Почти час мы говорили с ним о годах войны, потом он извинился, сказал, что вот теперь-то ему действительно уже надо идти в студию.

– Но я компенсирую вам долгое ожидание, – сказал Юрий Борисович. Он открыл одну из лежащих на его столе папок, достал оттуда фотографию и протянул ее мне. – Это вам на память. Редчайший, можно сказать, уникальный снимок Юрия Гагарина. Это первое посещение Юрием Алексеевичем телевизионной студии на Шаболовке.

АНЕКДОТЫ ПО СЕКРЕТУ

Популярный артист Одесского театра музыкальной комедии Михаил Водяной был на гастролях в Ташкенте. На улицах его узнавали, шептались вслед: «Попондопуло идет». Именно после этой роли в фильме «Свадьба в Малиновке» артист получил особую известность и признание публики.

В те годы Михаил Водяной в артистической среде считался непревзойденным рассказчиком анекдотов, которых знал множество. После очередного концерта мы ужинали вместе. Нас, журналистов, было, кажется, человек пять, гость пришел с женой. Во время ужина стали «травить» анекдоты.

Увлечлись и засиделись до утра. Уже уходя, Водяной пробурчал довольно обиженно:

– Больше в Ташкент никогда не приеду.

– Мы вас чем-то обидели?

– «Обидели», – передразнил он. – Не обидели, а оскорбили. Можно сказать, в самую душу плюнули. Вот уж никогда бы не подумал, что в каком-то Ташкенте могут знать анекдотов больше, чем их знает сам Водяной, – но тут не выдержал своего собственного тона, рассмеялся и похвалил. – Молодцы, ребята. Только уговор, об этом никому ни слова. Договорились?

Х Х

Х

ГЛАВА 4

...Придумал новую рубрику, назвав ее «Город знакомых лиц». Идея такова – рассказать о работе тех, с кем жизнь сталкивает нас повседневно: с водителями автобусов и сантехниками, мастерами по ремонту телевизоров и теледикторами... Короче, для репортера нескончаемая тема. Совершенно неожиданно рубрика эта изменила мою жизнь круто и решительно.

Ответственным секретарем работал у нас Серафим Васильевич Мельников, такой газетный зубр. Начинал он еще

в конце тридцатых, всю войну прошел военным корреспондентом, после ранения оказался в местном госпитале, да так в Ташкенте и остался. По традиции, ответственного секретаря официально величали начальником штаба, мы же называли его, и в глаза и за глаза, попросту «дед». Дед был немногословен, верстая и переверстывая газетные полосы, чуть ли не сутками не выходил из своего кабинета, изводя за день по нескольку пачек «Казбека» – другого курева не признавал. Превыше всего Серафим Васильевич ценил в газете репортаж и оперативную информацию. Когда на наших страницах появился «Город знакомых лиц», дед заявил мне ворчливо:

– Ты долго еще с этим бабьем в письмах ошиваться будешь? Пора тебе в отдел информации перебираться, да ножками, ножками потопать.

– Кто ж меня в информацию возьмет?

– А сам-то хочешь?

Хочу ли? Да я мимо двери с табличкой «Отдел информации, репортажа, спорта и военно-патриотической работы «Правды Востока» без горестного вздоха не проходил. С обитателями комнаты за вожденной дверью общаться почти не приходилось – они вечно спешили и, как положено, репортерам жили по принципу «волка ноги кормят».

Видно, дед завел со мной разговор об отделе информации не ради красного словца. Перевод состоялся уже через пару дней. Не успел я еще прижиться на новом месте, мне позволили со студии телевидения и попросили приехать. Строй-

ная женщина-редактор с копной медно-рыжих волос сказала, что по одной из тем рубрики «Город знакомых лиц» хочет сделать передачу, а мне предложила написать сценарий и самому стать ведущим этой передачи. В такую удачу трудно было поверить. Я знал, что кое-кто из наших мэтров пишет сценарии телевизионных передач и даже документальных фильмов, но сам об этом и мечтать не смел, таким это казалось мне невероятным.

– Сроки сжатые, – предупредила редактор Инна Гузаирова. – Всего неделя, больше ждать не могу. Успеете?

– Зачем мне неделя? Сегодня ночью напишу, завтра с утра привезу.

Она глянула на меня подозрительно: «Что-то я среди авторов нашей студии вас не помню. Вы разве сценарии уже писали? Ах, нет! Так с чего же вы взяли, что телевизионный сценарий можно за одну ночь написать?»

Редактором Инна оказалась строгим, взыскательным и вкусом обладала отменным. Так что мне повезло. Нянькалась она со мной-несмышленищем в сценарном деле бережно и без раздражения. Через три недели моя первая в жизни телевизионная передача была готова к эфиру. Никаких записей не было. За несколько часов до включения так называемая трактовая репетиция в студии, и – добро пожаловать в прямой эфир. Репетиция, как признала Инна, прошла неплохо. «Только ты излишне скован, заметила она. До эфира еще два часа, постарайся расслабиться. Погуляй, отдохни

где-нибудь в тенечке и приходи на эфир.

Я погулял до ближайшего бара, употребил коньячку и, расслабленный крепким напитком и сорокаградусной жарой, вернулся в студию.

– Расслабился? – спросила Гузаирова.

– Угу, – промычал я, стараясь не дышать в ее сторону.

– Да, вот еще что. Чуть не забыла тебя предупредить. Все новички грешат тем, что пытаются из студии подать своим родным или знакомым какой-нибудь знак, специально для них предназначенный. Не вздумай этого делать. Передачи оцениваются по пятибалльной системе. За такие вот

Знаки в эфире худсовет один балл сразу снимает. Ну, с Богом, – напутствовала Инна.

Передача шла, как по маслу. Я не испытывал никакого страха перед красным глазком телекамеры и, как потом сказали, вел себя вполне естественно, а для новичка, так просто отлично. Мешало мне одно. В студию муха откуда-то залетела. Эта паразитка мало того, что несносно и противно жужжала, она еще все время летала миом моего лица, раздражая меня безмерно, хотя я старался и не обращать на нее внимания.. Потом муха обнаглела вовсе и уселась мне прямо на щеку. Это было уже выше моих сил, я взмахнул рукой, пытаясь поймать нахалку, но только спугнул ее. Когда передача закончилась, первой в студии ворвалась Инна. Она поблагодарила всех участников, мило с ними попрощалась, каждого чмокнув в щечку, а на меня накинулась с упреками:

– Я ж тебя предупреждала, никаких знаков. Мы уже на чистую «пятерку» шли, и вдруг ты руками размахался...

– Да ничего я не махал, – перебил я Инну. – У вас в студии муха летала. Села мне на морду и жужжит. Что мне делать оставалось, я ее и смахнул.

История моего дурацкого теледебюта обошла всю студию, вызывая всеобщий хохот, веселье и различные творческие комментарии. С тех пор, когда я подавал заявку на сценарий очередной программы, кто-нибудь непременно да спрашивал: «Это какой Якубов? Который мух ловит?» Тем ни менее, с легкой руки Инны Гузаировы телевизионные и кино-сценарии пишу я и по сей день.

КОСМИЧЕСКИЕ ТАЙНЫ

Группу журналистов узбекских республиканских изданий пригласил чрезвычайный и полномочный посол Монголии в СССР. Был он деловит и потому краток:

– Сегодня в жизни наших стран произошло важное событие. Принято решение о полете на околоземную орбиту международного космического экипажа в составе летчика-космонавта СССР Владимира Джанибекова и монгольского космонавта, имя которого я пока назвать не могу. Однако в этом пакете, – и посол показал внушительных размеров засургученный конверт, – содержится полная биография нашего земляка. Как только поступит официальное сообщение

о запуске космического корабля, я смогу сообщить прессе все данные о монгольском космонавте.

Собственно, на этом пресс-конференция завершилась. Владимир Александрович Джанибеков к тому времени уже один полет совершил и е56го биография мне, как никому иному, была известна досконально. Когда его корабль еще только совершал первый виток вокруг орбиты, краткие данные о космонавте-43 сообщили в информационной программе «Время». В том числе, было сказано, что выпускник Ташкентского суворовского училища Джанибеков занимался тяжелой атлетикой и даже являлся чемпионом Узбекистана в этом виде спорта. В течение вечера я обзвонил всех известных мне тренеров по штанге, один из них некогда работал в суворовском училище, подсказал имя ближайшего друга Джанибекова. Им оказался известный к тому времени тренер по самбо Геннадий Александрович Калеткин, которого друзья по-свойски называли старым суворовским прозвищем «кадет». Время было позднее и все же рискнул. Звоню Калеткину домой, к телефону подходит его жена.

– Достал ты со своими интервью, ни днем ни ночью от тебя покою нет, – заворчала она. – Гена час назад из Испании прилетел, только что спать лег. До утра, что ли, не можешь подождать со своими медалями.

– Да меня не медали интересуют. Мне с ним о космосе поговорить надо.

Короче, я уговорил позвать Гену к телефону и он мне

действительно много интересного рассказал про друга юности. А в конце посоветовал обязательно найти в Ташкенте их бывшую учительницу английского языка, у которой «Вовка любимчиком был и вроде они до сих пор переписываются».

Стоит ли говорить, что уже утром в одной из ташкентских школ я разыскал Галину Михайловну Родионову, умолил ее прервать уроки, мы поехали к ней домой и она показала мне несметные богатства: детские и юношеские фотографии Володи, вымпел, привезенный с орбиты космонавтами экипажа «Союз-Аполлон», и много все другого, что по достоинству сумеет оценить только по крупицам собирающий информацию репортер. Одним словом, биографический очерк о доселе никому не известном земляке оказался отменным. Кстати, это не моя оценка. Это оценка самого Владимира Александровича.

...Точно также, как и в прошлый раз, сообщение о космическом полете прозвучало в вечерней программе «Время». Диктор сообщил, что командиром экипажа является летчик-космонавт СССР полковник Владимир Александрович Джанибеков, назвал и имя монгольского космонавта, запомнить которое с первого раза не было ни малейшей возможности, столь экзотически оно звучало. И тут я вспомнил сова посла, который заявил, что конверт с биографией сможет открыть только после официального объявления о полете. Я ту же принялся накручивать телефонный диск. После целого ряда бесполезных звонков, наконец, удалось соеди-

ниться с дежурным дипломатом. Он выслушал мою просьбу, согласился переговорить с послом, но предупредил меня: «Господин Якубов, вы нарушаете все протокольные нормы, требуя разговора с чрезвычайным послом в столь неурочное время. Я обязан буду информировать о вашем звонке МИД Узбекской ССР.

– Информировать, – легкомысленно согласился я. – Только с послом соедините.

Посол, несмотря на позднее время, вовсе моей просьбой раздосадован не был, похоже, вообще принял ее как должное. Он внятно зачитал мне биографию монгольского космонавта, раздельно назвав его имя – Жургамеддин Гуррагча.

На следующий день вместе с поздравлением коллег я принимал и очередной выговор, утешив себя, что подобные выговора для репортеров важнее премий. А вечером я получил персональное приглашение посла Монголии, краснея от смущения, но и от удовольствия, выслушал по поводу своей оперативности массу комплиментов и даже получил на память какой-то сувенир.

А спустя год, в самом центре Ташкента, на проспекте космонавтов открывался бюст дважды Герою Советского Союза летчику-космонавту Владимиру Джанибекову. К тому времени мы уже были хорошо знакомы. Володя увлекался живописью, он близко подружился с известным скульптором Яковом Шапиро и, приезжая в Ташкент, чаще всего останавливался в его мастерской, где не только отдыхал, но и напря-

женно работал за мольбертом. В мастерскую Яши Шапиро я и отправился вечером за очередным интервью с космонавтом в связи с открытием бюста. Но Джанибеков, опередил мои вопросы:

– Говорить будем о чем угодно, только не о завтрашнем событии.

– Почему это?

– Ни говорить об этом не желаю, ни идти завтра не собираюсь.

– Почему это? – упрямо повторил я.

– А ты бы пошел на открытие памятника самому себе? – вопросом ответил космонавт. – Это же, мне кажется, все равно, что на собственные похороны идти.

ПРОСТИТЬ РАДИ ПУГАЧЕВОЙ

Интервью с Аллой Борисовной Пугачевой у меня не задались с самого начала. Видно, на сей раз журналистский фарт отвернулся.

Когда Пугачева впервые, еще молоденькой певицей, приехала на гастроли в Ташкент, меня опередил старший по возрасту, опыту и занимаемому в редакции положению коллега. Они ринулся в концертный зал, но уже по первым вопросам певица поняла, что с ее творчеством журналист не знаком вовсе. Она напрямик и спросила: «А вы хоть одну мою песню слышали», Тот честно ответил, что пока не слышал. «Так,

может, послушаете, глядишь, потом и разговор получится», предложила Пугачева.

Раздраженный коллега вернулся в редакцию, где и рассказал о своем фиаско. По молодости и зловредности я тут же заметил, что он напоминает персонаж старого анекдота. Встречаются два еврея, один другому говорит: «Чего это весь мир так балдеет от Карузо? Ничего хорошо, слуха нет, к тому же еще и картавит».

– А ты что, Карузо слышал? – спрашивает другой.

Я – нет, мне Хаим напел.

Поскольку мне Хаим не напевал, а на концерте я побывал сам, то на следующий день отправился в гостиницу, где с раздражением увидел еще нескольких своих коллег из других редакций. Пospел я, что называется, к самой раздаче. Утром певица решила себе кофе сварить. Воспользовалась кипятивником, в чем была немедленно уличена всевидящим пожарным. Он как раз собирался протокол составлять, грозил всякими карами земными и небесными, так что надо было гостью выручать. Почему-то эту миссию коллеги поручили именно мне. Переговоры с пожарным затянулись, перенеслись в кабинет заместителя директора гостиницы, где, наконец, было принято компромиссное решение: заплатить штраф, но обойтись без протокола и без грозного письма по месту работы. Штраф я тут же заплатил, но когда вернулся к номеру певицы, только замок поцеловал: ни моих расторопных коллег, ни самой Пугачевой уже не было.

Прошло довольно много лет. Пугачева вновь приехала на гастроли в Ташкент, выступала в новом концертном зале имени «Дружбы народов», вмещающем пять тысяч зрителей. У нее была безумно напряженная программа – три концерта в день, всего с часовым перерывом после каждого. Поэт Илья Резник посоветовал мне встретиться с певицей во время одного из перерывов. В тот день на первом же концерте была премьера песни Резника. Илья волновался как первоклашка, даже во время исполнения вышел в коридор и только, услышав аплодисменты, вернулся в зал.

– Ну как? – спросил он меня.

– Ничего лучшего в своей жизни не слышал, – поспешил успокоить поэта.

– Пошли в буфет, надо выпить шампанского, И не возражай даже, премьеру положено отмечать шампанским, иначе песня не пойдет.

Мы отметили премьеру. Пока отмечали, Алла Борисовна уже дала два концерта.

– Ну, вот теперь пора, – заявил Резник, когда Пугачева отправилась к себе в гримерку на очередной перерыв. – Иди, беседуй, только помни, что ей надо хоть немного отдохнуть.

Подойдя к двери гримерной, я постучал и услышал что-то неразборчивое. Успокоив сам себя, что это разрешение войти, открыл дверь и только тут понял, что явился в самый неподходящий момент: певица обедала. Обернувшись на скрип открываемой двери, Пугачева с раздражением вос-

кликнула: «Да что же это такое, пожрать спокойно не дадут!» Захлопнув дверь и со злостью бормоча (уж простите, Алла Борисовна, великодушно): «Забыл, вовсе забыл, что нельзя к собакам во время еды подходить», я излил свое раздражение Резнику. Но интервью от этого не появилось.

И все же, спустя еще несколько лет, имя Аллы Борисовны Пугачевой в моей творческой биографии свою роль сыграло.

На советско-афганской границе по моему сценарию снимался полнометражный документальный фильм «Я служу на границе». Картина, как принято говорить в таких случаях, рождалась в невероятных муках. Несколько месяцев сценарный план-заявку читали военные цензоры всех рангов. Потом еще несколько месяцев я ждал оформления разрешительных документов. Недели три ушло пока высокое пограничное начальство определяло заставу, где должны вестись съемки. В довершении ко всему, переправляясь через реку Аму-Дарью, по главному фарватеру которой проходила советско-афганская граница, я получил – физически – по шее от командира дивизиона сторожевых катеров ДСК). Мне вздумалось взять в руки кинокамеру и осмотреть в видоискатель окрестный пейзаж. Получив по шее и рухнув на дно катера, я услышал над собой спокойный, без малейших признаков раздражения, голос моряка-пограничника: «На блик стекла объектива могли снайперы среагировать – они в кустах на том берегу, так что лучше не рисковать».

Наконец, съемки начались. Начальник заставы капитан

Николай Куликов оказался замечательным человеком, он проникся идеей фильма, брал меня с собой в плановые наряды и на выезды по тревоге, в общем, всячески способствовал работе киногруппы. И вдруг – ЧП. Коля ударил солдата. Случилось это среди ночи. Дежурный по заставе сообщил командиру, что в казарме драка. Куликов бросился в казарму и увидел, что один из новобранцев собирается с ножом напасть на сослуживца. Медлить было нельзя, многолетняя выучка сработала моментально: Николай провел болевой прием, выбил нож из рук нападавшего. А дальше история развивалась совсем уже нехорошо. Солдат написал жалобу, ей дали ход, решив примерно наказать офицера за рукоприкладство.

К тому моменту у нас было отснято почти сто процентов материала, оставалось доснять лишь какие-то незначительные эпизодики. На студии уже начался монтаж и когда я просмотрел отснятый материал, то увидел, что эпизоды, в которых мы снимали Николая, составляют основу фильма. Собственно, мы к этому и стремились. А вскоре пришло сообщение, что Николай куликов исключен из партии, разжалован и из-погранвойск уволен. На худсовете киностудии директор заявил, что денег на пересъемку никто не даст, проще, мол, этого самого начальника заставы восстановить во всех его правах, чем картину переснимать. Эта идея показалась мне весьма плодотворной, тем более, Николаю я очень сочувствовал, искреннее полагая, что с ним обошлись неспра-

ведливо. Он ведь солдата защищал, а не драку с подчиненным учинил.

И начались кабинетные мытарства. Меня гнали в дверь, я лез в окно, выгоняли из окна, проникал через печную трубу. Репортерская сноровка сыграла не последнюю роль и, спустя полгода, я уже стоял перед неким генералом, имевшим полномочия решать судьбу моего подопечного. Видимо, я излишне нервничал и волновался, понимая, что дальше этого кабинета идти уже некуда, оттого речь моя была сбивчивой, я горячился, доказывая, что и застава была под руководством Куликова образцовой и сам он – достойный уважения человек и офицер. Не зная, какие еще привести доводы в пользу капитана, я в конце своей страстной защиты несколько нелогично воскликнул: «Да у него на заставе даже сама Алла Пугачева выступала!»

– Ну, если сама Пугачева, то надо бы парня простить, – неожиданно засмеялся только что суровый генерал. – Ну, а если серьезно, то в защиту твоего подопечного столько бумаг пришло, что книгу издать можно. Похоже, он и впрямь нормальный парень и мы с ним несколько того, палку перегнули...

На премьерe фильма «Я служу на границе» мы с начальником погранзаставы капитаном Николаем Куликовым сидели в доме кино рядом.

ПОДАРОК ОТ АСИСЯЯ

Сегодня Вячеслава Полунина по достоинству называют лучшим клоуном мира. Рецензии о нем пестрят превосходными отзывами, а я, читая многочисленные интервью с Полуниным, вспоминаю его интонации и мне кажется, что ничуть он не изменился.

День знакомства со славой мне не перепутать и не забыть – 12 марта 1985 года. В этот день у меня родилась дочь. С утра я побывал в роддоме. Кто-то из санитарок меня тут же решил обрадовать и поздравил папашу с рождением сына. Через пару метров от проходной я встретил главврача роддома и он с улыбкой сказал, что дочурка как две капли воды на меня похожа. «Вы ошиблись, у меня сын», поправил я Виктора Михайловича.

– Да вы не расстраивайтесь, дочь это тоже хорошо.

– Я и не расстраиваюсь, согласен, что дочь тоже хорошо, тем более, что ошибся не я, а вы – у меня-то сын.

– Как это – ошибся, я, в конце-концов, главврач, что я не знаю, что у меня делается. Тем более сам только что в родильном был и девочку вашу видел.

После этого мы зашли в его кабинет, он позвонил в родильное отделение, пообещал наказать санитарку, чтобы не болтала, чего не знает, а мне в утешение тут же наполнил стакан коньяком. Коллеги встретили меня на работе поздравлениями, а вдвое близких друзей заявили, что работать в такой день грех и вообще работник из меня никакой. Коро-

че, «у нас с собой было» и мы отправились в ближайшую чайхану,

где за маму, за дочку, за папу и вообще за продолжение рода человеческого было выпито в соответствии с важностью события. К вечеру я все же вспомнил, что у меня еще встреча с гастролерами ленинградского театра «Лицедеи», из репертуара которых я только и видел по телеку их знаменитый номер «Асисяй» и ничего больше о них не знал.

Полунин встретил меня запросто, по-свойски, смешно так повел своим длинным носом и я поспешил опередить его возможное недовольство: «Дочь у меня сегодня родилась, вот мы с ребятами и того...

– Слыхали, у журналиста сегодня дочь роилась! – закричал Слава своим актерам. – Как назвал? Еще никак, ну ладно тоже ничего, все равно сегодняшнее выступление твоей дочери посвящаем. Ты иди в зал, если не уснешь, нас посмотришь, а уж после концерта поговорим.

Понимая, что в таком состоянии я точно усну, отправился в магазин, взял там, соответственно, тонизирующего напитка, решив, что с моей стороны будет просто невежливо не обмыть с новыми знакомыми мое личное событие, которому они концерт посвятили.

Радость радостью, а дело делом и на следующий день мы снова встретились с Полуниным. Он ответил на все мои вопросы, я выключил диктофон и тогда Слава, очень даже застенчиво сказал:

– Слушай, старик, может, ты сумеешь нам помочь. Понимаешь, одежду сценическую мы себе сами шьем, а вот обувь не можем. Нам ничего особого не надо. Просто нужны какие-нибудь ботинки фантастического размера, так, чтобы на нормальной ноге носы загибались и получится классический клоунский башмак. В магазинах таких не найти, надо заказывать на обувных фабриках всякий там брак, а кто нас на обувную фабрику пустит?..

– Не могу похвастать, что дружу с директором обувной фабрики, но знаком, бывал у них пару раз, узнаю обязательно, что можно сделать, – пообещал я.

– Ну спасибо тебе, только, если можно не тяни, а то у нас гастролы в Ташкенте скоро кончатся.

– А чего тянуть? Если хочешь, хоть сейчас поедем, тут рядом.

– О! Вот это я понимаю отношение. У меня, правда, репетиция скоро начнется, но это важнее, поехали.

Нам повезло. Накануне дети директора обувной фабрики были на «Лицедеях», пришли в неописуемый восторг и весь вечер дома пытались изобразить смешные сценки, что видели на концерте. Директор выслушал просьбу Полунина, спросил, сколько пар обуви ему требуется, и потом заметно загрустил:

– Столько пар обуви по спецзаказу мне оформить не удастся. Вон пресса, – и он кивнул в мою сторону, – меня первого за ушко, да на солнышко. А с другой стороны, ис-

куство поддерживать надо. Так что мне делать?

Мы со Славой горячо стали его заверять, что искусство действительно надо поддерживать, актерам помогать, а я со своей стороны добавил, что мы еще о его добром почине и напишем.

– Нет-нет, вот этого точно не надо, – возразил директор. В общем, можем сделать так. У нас действительно есть выбранная кожа, такая, из которой шить мы не имеем права. Мы ее списываем. А вот для вашего заказа поди и не важно, что там шов вкривь-вкось пошел или пятна ржавые на коже выступили.

Одним словом, обойдя несколько цехов фабрики и, договорившись, что «Лицедеев» к тому же дадут на производстве шефский концерт, директор твердо пообещал, что максимуму дней за десять замечательный артист Слава-ака получит такие ботинки, что ему на сцене уже и делать ничего не надо будет – весь мир и так обхохочется.

Слово свое директор фабрики сдержал. Когда мы привезли этих кожаных уродцев у «лицедеев» был настоящий праздник. Они вертели ботинки и так и сяк, кричали, что ничего подобного у них еще никогда не было.

– Знаешь, – сказал мне Полунин, – нас ведь действительно никто не балует. Ты думаешь, я к тебе первому обратился. Мы же после нескольких передач по телевидению довольно много стали по Союзу ездить. Я повсюду просил, чтобы помогли с обувью для сцены, но на меня как на придурка смот-

рят, мол, просит сам не зная чего. Э, да ладно, на нашей улице сегодня праздник. Приглашаем тебя в ресторан. Говори, куда поедем.

Пообщавшись несколько дней с Полуниным, я уже знал, что артисты зарабатывают сушии крохи и потому стал возражать: «Ну какой ресторан, Слава? Сейчас сгоняю в магазин, по дороге на базарчик заскочу...»

– Никаких сгоняю, никаких заскочу, – резко оборвал меня Полунин. – Ты и так нас уже достаточно угощал. А сегодня так вообще мы с твоей помощью такой подарок получили. Короче, никаких возражений, едем в ресторан. И не переживай ты за нас, – сказал он очень серьезно. Вот увидишь, какой у нас стол будет.

Отправились мы в ресторан узбекской национальной кухни. Вернее сказать, это была эдакая усовремененная чайхана, новомодная, с забавной каменной скульптуркой Ходжи Насреддина на ослике. Готовили там изумительно, время было послеобеденное и наша компания, человек, помнится, из десяти-двенадцати, вольготно расположилась в центре зала. Поели-попили, а потом Слава говорит официантке: «Зови-ка ты, Аллочка, всех ваших сотрудников, да смотри, директора не забудь пригласить, скажи, что артисты поблагодарить за вкусную еду хотят. Кстати, Полунин с официанткой познакомился мгновенно, все подшучивал над редким совпадением – звали ее Аллой Пугачевой. Приходит к нашему столу весь персонал ресторана – буфетчики, посудомой-

щицы, официанты, повара, во главе – директор. Поднялся Полунин стал говорить какую-то ужасно нудную речь (позже он объяснил, что специально так внимание отвлекал). Все вокруг скучают, чуть ли не зевают. И вдруг кто-то из официанток ойкнул: «Ой, смотрите, что делается». А по столу непонятным образом ножи и вилки не скачут даже, а танцуют, тарелки подпрыгивают, фужеры в хоровод выстраиваются. И начался концерт. «Лицедеи» заставили всех за животики схватиться, полчаса непрерывного смеха царило в ресторане. А когда все закончилось, директор, как и положено, – грузный вальяжный восточный человек, произнес важно: «Вы нам понравились. Не потому, что так смешить умеете, а потому, что нас уважали. Если надо, я за такой концерт сам заплачу, а вы у меня платить не будете».

Вернулись в гостиницу, уже попрощались, когда Слава спросил:

– Все забываю спросить, как ты дочку-то назвал?

– Яна.

– погоди минутку, не уходи никуда.

Он бегом, перескакивая через несколько ступенек, помчался вверх по лестнице, спустя пару минут действительно вернулся и протянул мне фотоснимок, на котором был изображен смешной клоун. Я вчитался в надпись. На снимке было написано: «Яночке от Асисяя».

– Вот, – сказал замечательный артист. – Ты столько для нас сделал, а мне тебе и подарить нечего. Подписал твоей

доченьке свою фотку. Глядишь, и ты когда-никогда посмотришь и вспомнишь, что есть у тебя такой друг – Славка Полунин. Позвонишь мне по телефону и скажешь: «Асисяй!»

...ПОТОМУ, ЧТО БЕЗ РУКИ

Совсем недавно во дворце спорта Олимпийский, где в те дни проходил кубок Кремля по теннису, подошел ко мне высокий плечистый, явно спортивного телосложения мужчина. Он поздоровался и, не вынимая из кармана правой руки, левую руку протянул для приветствия. Что-то знакомое было в его облике, но я все еще сомневался, что передо мной один из репортерских «крестников». А он, видя мои сомнения, весело и охотно подтвердил:

– Да я это, не сомневайтесь, Володя Мороз.

В бытность свою президентом Федерации спортивной прессы Узбекистана был я хорошо знаком с отцом Жени – спортивным работником Евгением Алексеевичем Морозом.

– Может, ты мне поможешь, – обратился он как-то раз. – С сыном, Вовкой, у меня проблемы. Его из института физкультуры отчисляют, со второго курса. Ты вообще парня моего хоть раз видел? Жалко, что не видел, а то бы сразу все понял.

Володя родился с врожденной аномалией – без кисти правой руки. В разных семьях увечье ребенка воспринимается по-разному, не мне осуждать, или обсуждать, у каждого своя

болячка самая больная. В семье Мороз над ребенком не сюсюкали, увечья его словно и не замечали. Сызмальства отец приохотил сына к рыбалке, постоянно таскал за собой на стадионы. Еще совсем мальчишкой Володя пристрастился к футболу, причем играть рвался исключительно в нападении. Он легко плавал, на школьных уроках дальше всех метал левой рукой гаранту, опережал всех на беговой дорожке и к окончанию школы имел высокие разряды по нескольким видам спорта. К тому времени он уже играл на чемпионате Узбекистана в ташкентском «Локомотиве», мечтал стать тренером, ни мать с отцом, ни многочисленные друзья семьи и не сомневались, что из парня хороший тренер получится – он уже даже детскую футбольную секцию вел. Вполне было для всех естественным, что парень подал документы в институт физкультуры.

В институте поначалу призадумались, можно ли принимать инвалида в такой вуз, но к экзаменам на заочное отделение все же допустили. Экзамены, в том числе и по спортивным дисциплинам абитуриент Мороз сдал, можно сказать, блестяще и был в институт физкультуры зачислен. Родители и друзья за Володю порадовались, как порадовались за любого другого выпускника школы, столь легко поступившего в вуз. Никому и в голову не приходила акцентировать внимание на том, что вот, мол, герой у нас какой вырос, с таким увечьем и в физкультурный институт. Да и сам Володя вел себя таким образом, что никому из новых сокурсников

его увечье в глаза не бросалось.

Гром грянул только через год. После длительного отпуска вышла на работу проректор по заочному обучению Роза Абдуллаевна Рафикова. Узнав, что в вуз приняли инвалида, она устроила своим подчиненным форменный разнос и потребовала немедленно подготовить проект приказа об отчислении из института студента второго курса Владимира Мороза.

Сам Володя узнал об этом лишь месяц спустя, когда вернулся со своими подопечными мальчишками с футбольного всесоюзного турнира «Золотой мяч». Ему даже пороги обивать не пришлось: Роза Абдуллаевна его попросту не принимала. Евгений Алексеевич Мороз, отец Володи, к проректору все же пробился, но на все свои вопросы получал лишь стереотипный ответ: «...потому, что у него руки нет».

Напрасно Евгений Алексеевич говорил о том, что сын вот уже год, как работает штатным тренером по футболу, что у него разряды по палванию и легкой атлетике, Рафикова стояла на своем: зачеты по единоборствам, по тяжелой атлетике и по гимнастике он все равно сдать не сможет, так что мы бы его так и так отчислили. А пока молод и есть время выбрать иную профессию, пусть одумается и поступает в другой вуз.

С Розой Абдуллаевной разговора у меня не получилось. В первую очередь она была озлоблена тем, что строптивый студент или его отец, что одно и то же, обратились с жалобой в редакцию. Рафикова продемонстрировала мне кучу инструкций и циркуляров, из коих, по ее мнению, следовало,

что инвалиды в институте физической культуры учиться не могут. Мои возражения по поводу того, что именно физическая культура помогла многим инвалидам вернуться к полноценной жизни, проректор просто пропустила мимо ушей. Тогда я, что называется, превысил полномочия, и попросту припугнул бюрократку прокуратурой.

Собственно говоря, я не столько рассчитывал на закон (хоть и дурацкие, но инструкции все же существовали), сколько на одного из служителей закона, к которому тотчас, после посещения института, и отправился. Дело в том, что в прокуратуре работал известный в республике старший следователь по особо важным делам Александр Иванович Угланов – чуть ли ни единственный в системе прокуратуры республики награжденный орденом Ленина. Коллеги называли Александра Ивановича прокурорским Маресьевым, с полным на то основанием, так как у Александра Ивановича после фронтового ранения были ампутированы по колени обе ноги.

Вернувшись с фронта молодой офицер Александр Угланов свое ранение попросту скрыл от приемной комиссии юридического института, а поскольку в аудитории, где принимали вступительные экзамены, он всегда заходил бодрым, чуть не строевым шагом, ни у кого никаких сомнений не возникло и абитуриента Угланова оценивали не по состоянию здоровья, а по его знаниям.

Вот ему-то, Александру Ивановичу, которого знал хоро-

шо и не один год, я и рассказал грустную историю Володи Мороза. Человек справедливый и обстоятельный, Угланов задумался надолго.

– Мотивов для прокурорского вмешательства я, во всяком случае, пока, в этом деле не усматриваю, – наконец произнес следователь-«важняк».

– А я и не прошу вмешиваться прокуратуру. Я прошу вмешаться вас – Александра Ивановича Угланова, человека, который, несмотря на инвалидность закончил вуз, куда его не должны были принимать, и всю жизнь отдал любимому делу.

– Демагог! – вспыхнул Угланов, но тотчас взял себя в руки. – Ну, и как ты себе это представляешь. Позвоню я ректору института физкультуры и что я ему скажу: «Вам звонит старший следователь по особо важным делам Угланов», или, может сказать: «Вас, уважаемый товарищ ректор, беспокоит инвалид Угланов»?

– Вам виднее, что сказать, – смалодушничал я.

– Эх, жалко все же парня. Ладно, ступай отсюда, не мозоль мне глаза и думать не мешай, авось, что-нибудь и придумаю. А вот тебе совет могу дать. И совет толковый. Садись-ка ты братец, за свою пишущую машинку, да напруги все извилины. Напиши о бездушии, о том, что парню жизнь калечат. Пресса, она сегодня большую силу имеет. Глядишь, двойной тягой чего путного и добьемся.

И злости, злости не жалей, – напутствовал он меня на прощанье.

Угланов позвонил мне на следующий день поздно вечером.

– Так и думал, что ты еще на работе, – проворчал он. – Ну что написал? Ах, пишешь? Пиши, пиши. Да поторопись давай, думаю, после моего разговора с этими физкультурными бюрократами твоя статья жирную точку поставит и парня мы все же отстоим.

– Так вы все-таки позвонили, Александр Иванович? – возликовал я. – А что вы им сказали.

– Вот прям щас я тебе все секреты и раскрою. Да зачем тебе знать, а то еще мои аргументы в своей статейке тиснешь, – и он, довольно посмеиваясь, положил трубку.

Володю из института не отчислили. Прекрасно понимаю, что и я, и старый следователь, если подходить к нашим действиям сугубо формально, свои служебные полномочия превысили. Но, встретив недавно повзрослевшего и возмужавшего Володю Мороза, ничуть я об этом не пожалел.

Х Х

Х

... Тот, кто работал в газете, знает, что настоящим репортером можно стать только в отделе информации. В официальной редакционной табели о рангах эти отделы занимают чуть ли не последнюю строчку (так, по крайней мере было в советской печати), но на газетных полосах они правят и

володеют. Нет такой темы, с которой бы не соприкасались репортеры и не существует такой щелочки, куда бы они не могли проникнуть. У нас в «Правде Востока», благодаря усилиям деда-ответсекретаря, отделу информации была безраздельно отдана вся четвертая страница. Застать в течение рабочего дня в кабинете кого-нибудь из репортеров было делом таким же безнадежным, как поставить яйцо «на попа». Сочиненная в недрах безвестной редакции песенка «Всегда в пути, всегда в дороге, где самолетом, где пешком. С женою часто на пороге, спеша, прощаешься кивком», стала нашим негласным девизом. Передавать в редакцию материалы в эру «домобильных» телефонов, было делом подчас не менее сложным, чем сенсационную информацию раздобыть.

Помню, отправился я зимой со спасательной экспедицией в отроги Чаткальского хребта. Там сошла снежная лавина и накрыла домик, где работали гляциологи. Произошло это ночью, мы добрались на место лишь часам к восьми утра. Из двенадцати человек удалось спасти только девятирех. Трое так и остались, погребенные под снегом и горными камнями, сдвинутыми лавиной. Дикая горная природа и спасателям вознамерилась отомстить за грубое вмешательство. Но кто-то из ребят вовремя заметил наверху грозное движение и крикнул предупреждающе: «Лавина». Мы поспешили укрыться в расщелине, но все же краем нас лавина все-таки задела. Отделались, как говорится, легкими ушибами. Хотя мне, например, и легких хватило. Я, получив снежный «пи-

нок», потом еще часа два разогнуться не мог. Часам к девяти вечера группа спустилась к еле различимой во тьме турбазе «Чимган». Света не было, не работал ни один телефон. Директор турбазы посоветовал поехать на почту, километрах в пяти отсюда, там, кажется, телефон исправен. Но почта оказалась закрытой. Кое-как выяснил, где живет заведующая, и отправился к ней домой. Приезжаю – там дым коромыслом, отмечают день рождения главы семьи. Отпускать «драгоценнейшую супругу» из дому юбиляр наотрез отказался. Но, к счастью, у них дома был телефон. Набрал дежурную стенографистку и начал диктовать репортаж. Каждые полминуты Татьяна перебивала меня: «Не слышу, повтори», потом воскликнула, не выдержав: «Послушай, что там за крики у тебя. Ты можешь своих гостей утихомирить?»

Вообще, нашим стенографисткам от репортеров доставалось больше всех. Из каких только мест не диктовали мы им свои непременно срочные сообщения. Мне особенно запомнилось, как диктовал я все той же Татьяне интервью с президентом Афганистана Наджибуллой.

Честно признаюсь, интервью было абсолютно рутинным. По канонам жанра правительственного интервью в тексте не было почти ничего, кроме трескучих фраз о нерушимой дружбе между нашими странами и той самой интернациональной помощи Советского Союза, без которой, как тогда считалось, Афганистан пропадет. Но в тот день, когда интервью уже было готово и самолично Наджибуллой завизирова-

но, «духи» взорвали здание министерства связи. Я тщетно метался по всему Кабулу, пока Михаил Лещинский – собкор Центрального телевидения в Афганистане не посоветовал мне поехать к военным связистам. Отправился в воинскую часть. Командира я знал и раньше, к моей просьбе он отнесся сочувственно.

– Связь мы тебе обеспечим, но есть одно «но». Этой связью ты можешь пользоваться не более пятнадцати минут. Потом – отбой.

– Да ты что?! Я за пятнадцать минут никак не управлюсь.

– Это я понимаю, – рассудительно признал майор. – Выход такой: пятнадцать минут диктуешь, полчаса перерыв. Потом опять пятнадцать минут диктуешь и снова полчаса перерыв...

– Так это ж я целые сутки диктовать буду.

– Да хоть двое, – расщедрился связист.

То самое стенографистка Татьяна принимала у меня пять часов.

АФГАНСКИЙ СИНДРОМ

Афганистан начался у меня со смерти друга. Работал в редакции военной окружной газеты ТУРКВО «Фрунзевец» талантливый журналист Валера Глезденев. «За речку», так называли командировки в Афганистан, стал он ездить одним из первых репортеров Союза. После одной из командировок мы с ним встретились. Он привез мне в подарок невиданную

тогда японскую ручку с золотым пером. Хорошо запомнил, что было это в понедельник. Попили мы с ним пивка, разошлись, уговорившись встретиться в конце недели. Захожу в пятницу во «Фрунзевец», спрашиваю вахтера: «Глезденев на месте?» Там тогда вахтером бабушка такая была, тетушка Алия, вечно с вязанием в руках. Она посмотрела на меня как-то испуганно, по щекам слезы потекли и посмотрела куда-то вбок. Я глянул и остолбенел. Со стены на меня смотрел в черной траурной рамке портрет капитана Глезденева. Позже ребята мне рассказали, что Валера улетел «за речку» срочно, а погиб уже на второй день. Вертолетчики отправлялись в нужную ему часть, согласились подкинуть. По пути «вертушку» сбили, погиб весь экипаж и командированный журналист, друг мой Валерий Глезденев, тоже.

Потом самому мне не раз приходилось туда летать. Жил я во время командировок в первом микрорайоне Кабула, возле речки с мерзким, но очень точным названием «Вонючка». По вечерам в квартире собиралось множество народу – коллеги, переводчики, военные спецы. Душманы отличались непривычной для восточной ментальности пунктуальностью. Ежедневно начинали они обстреливать Кабул ровно в девятнадцать ноль-ноль. Минут за десять до обстрела мы раскрывали все окна и стеклянные балконные двери, чтобы стекла не разбились от детонации, наполняли стаканы водкой, если она у нас была. А нет, так и «шило» (так в Афгане спирт называли) годилось. Как только раздавался леденящий

душу свист-завывание первого снаряда, мы дружно поднимали наполненные стаканы, так время бомбежек и коротали. Впрочем, это бывало не так уж и часто – в основном я мотался по воинским частям. Когда приезжал, непременно встречался со своими новыми друзьями – четырьмя подполковниками, осназовцами, советниками командиров частей особого назначения. Жили они этажом ниже. Трое были тезкамаи – Владимирами, четвертого звали Александр. У него была звучная фамилия – Плохих и друзья придумали такую о нем поговорку: «Самый хороший в Советской Армии – это подполковник Плохих».

Саша Плохих отличился в самом начале афганской кампании при штурме Джелалабада. Его представили к званию Героя Советского Союза. Потом, при выходе из одного горного кишлака «духи» обстреляли его с ближайшей высотки и молодой комбат потерял чуть не половину своего личного состава. Саша с «духами» расправился жестоко. Был суд, военный трибунал приговорил его к расстрелу. Расстрел заменили Кандагаром, за вновь пролитую кровь дали орден Ленина. Как-то я видел, как Саша, раздевшись до пояса, умывался под краном. На его теле от рубцов и шрамов живого места не было.

Володьки были офицерами невезучими. Часто ходили на разминирование, много пили, вслух критиковали военное начальство и позволяли нелестные эпитеты в адрес правительства. За пивом они предпочитали ночью ездить на в

центр Кабула, на улицу Шеринау, куда советским командировочным въезд был запрещен.

Потом один из них был представлен к к какому-то высокому ордену. Он сказал: «Братцы, не обижайтесь, вникните в мое положение. Пока награду не получу, буду вести себя пай-мальчиком». Братцы не обижались, вникли в положение и в походы за пивом на Шеринау друга не звали.

Так длилось две недели. Потом Володька отправился на очередное разминирование и него погиб солдат. Он вернулся в Кабул, зашел в магазин, купил бутылку водки и пачку макарон, загрузил все это в авоську и усталой походкой направился домой. На нем была грязная расстегнутая гимнастерка без погон, волосы растрепались, на ногах надеты китайские кеды – на разминирование только в этой обуви и ходили. Володьку остановил военный патруль и лощенный майор стал ему выговаривать за внешний вид, «позорящий звание советского воина-интернационалиста». Володька майора куда-то послал, куда тот идти не захотел, а вознамерился задержанного доставить в комендатуру. Володька толкнул майора, тот сел в пыль. Пока патрульный приходил в себя от нанесенного ему оскорбления, подполковник зашел в свою квартиру на первом этаже, распахнул окно, выставил дуло «калаша» и дал короткую очередь вверх голов патрульных. Теперь уже все вместе они лежали в желтой и едкой афганской пыли. На подоконнике Володька пристроил бутылку водки. Макароны варить было некогда. Он пил вод-

ку без закуски, время от времени постреливая, напоминая патрульным о своем возмущении. Потом водка кончилась и Володька пошел спать. Вместо ордена он получил почетное право отныне выполнять свой интернациональный долг на Кандагаре. Перед отъездом зашел попрощаться и подарил мне днице пластиковой итальянской мины, диаметром сантиметров в сорок, приспособленное под пепельницу. Я очень гордился и дорожил этим подарком, но, когда вернулся в Союз, на таможне его у меня отняли.

...В очередную командировку в Афганистан я приехал не как журналист, а в качестве автора сценария и художественного руководителя массового художественно-спортивного праздника, посвященного 10-летнему юбилею Саурской (апрельской) революции. За год до этого на ташкентском стадионе «Пахтакор» состоялся праздник, посвященный открытию футбольного сезона. Среди почетных гостей на правительственной трибуне находился и президент Республики Афганистан генеральный секретарь ЦК народно-демократической партии Афганистана (НДПА) Наджибулла, доктор Наджиб как называли его на родине. После окончания праздника меня, как автора сценария, пригласили на правительственную трибуну. Мне объяснили, что гостю очень понравился праздник, через год будет отмечаться юбилей Саурской революции и товарищ Наджибулла хотел бы, чтобы такой же красочный праздник поставили в Афганистане. Собственно, моего согласия никто не спрашивал и,

вместе с постановочной группой я отправился в Афганистан. Торжество должно было проходить на стадионе «Олимпик» в Кабуле, из-за невыносимой жары репетиции мы начинали в половине шестого утра. Каждый раз, когда мы приезжали на стадион, обнаруживали, что пропало что-нибудь из инвентаря. Поначалу исчезали магнитофоны, на которых монтировалась фонограмма. Магнитофоны были сплошь японского производства и в те времена не только являлись острейшим дефицитом, но и стоили несметных денег. Пожаловались директору стадиона, тот отвел глаза в сторону и молча лишь плечами пожал. Стали мы после каждой репетиции увозить магнитофоны домой.

Пару дней замки от склада оставались нетронутыми, но потом исчезли гимнастические шары. Через две недели из Союза прислали новые шары, но мы, наученные горьким опытом, шары на стадион не повезли, а оставили их дома. Наша пятикомнатная квартира в первом микрорайоне Кабула, где жила сценарно-постановочная группа, превратилась в настоящий склад. Ходить здесь уже можно было, только перепрыгивая через ящики, но зато спали спокойно, хотя душманы, или как их здесь все называли «духи» с не свойственной Востоку педантичностью обстреливали Кабул ежедневно.

Наконец наступил день генеральной репетиции. Мы приволокли на стадион все свои ящики с шарами, флажками, магнитофонами и прочим оборудованием. Открыли склад и

обомлели. Он был пуст. Исчезли все костюмы для гимнасток, акробатов, танцоров. Ошарашенные, стояли мы на пороге склада и не знали, что делать. Немыслимо было проводить генеральную репетицию без костюмов, не говоря уже о том, что сам праздник назначен на следующий день. Не чуя под собой ног, бросился я к директору стадиона, сбивчиво стал объяснять ему, что произошло. Мой взволнованный монолог не произвел на него никакого впечатления. Он лишь равнодушно поинтересовался: «А без костюмов никак нельзя», и, выслушав ответ, как-то удовлетворенно кивнул.

– Репетицию пока так начинайте, а я пойду поищу, – сказал директор и вышел из кабинета.

На трибуне, откуда руководила репетицией постановочная группа, директор появился лишь под вечер. Подозвав меня, он загадочным тоном велел следовать за ним. Довольно долго попетляв по узким улочкам с глинобитными хибарами, мы наконец зашли, откинув матерчатый полог, в какую-то жалкую полутемную лавчонку – ханут, как их здесь называли. «Афганистан страна чудес. Зашел в ханут и там исчез», разом припомнился мне стишок.

В справедливости этого фольклорно-поэтического творения мне как-то раз пришлось убедиться. Зашел однажды в ханут стал торговать дивный джинсовый костюмчик для годовалой своей дочки. Ханутчик, о чем он охотно поведал, был выпускником одной из советских высших партийных школ и отзывался на русское имя Леша. Но дружбы и взаи-

мопонимания у нас с Лешей не получалось. Цену он заломил невероятную, а когда я ответил ему чем-то резким, он без слов дал мне понять, что торг здесь неуместен – отодвинул занавеску и я увидел тускло отсвечивающий металлом ствол ручного пулемета.

Но ханут, куда мы зашли вместе с директором стадиона «Олимпик», произвел на меня куда большее впечатление, чем оснащенное автоматическим стрелковым оружием торговое предприятие «Леши». На прилавках я с ужасом увидел все пропавшие с нашего склада сценические костюмы, предназначенные для праздника.

– От-тк-куд-да здесь все это? – заикаясь от возмущения, и почему-то шепотом спросил директора.

– Неважно, откуда, – горделиво ответил тот. – Важно, что я уговорил его продать все оптом и сумел сторговаться за очень небольшую цену.

Цена тут же была названа, отчего я испытал очередной шок: таких денег у нас не было и в помине. Не представляя даже, где взять такие деньги, тем не менее договорился с хозяином лавки, что он будет ждать меня через два часа, а пока продавать этот «товар» не станет. Конечно, я прекрасно понимал, что нас попросту надули, но надо было как-то выбираться из этой критической ситуации – до начала праздника уже считанные часы оставались. Помчавшись в центр Кабула, я ворвался без стука в кабинет второго секретаря ЦК НДПА. Товарищ Зерый курировал наш праздник и два-

жды до этого мне удавалось лицезреть «пламенного борца за дело Саурской революции». Выслушав мой сбивчивый рассказ, товарищ Зерый вышел из-за стола, неспешно подошел ко мне и со значением произнес:

– Вы приняли очень правильное решение. Костюмы надо купить.

– Как купить?! – возмутился я и, забыв, что передо мной второй секретарь ЦК братской нашей стране партии и один из руководителей государства, завопил. – Вы что же не понимаете, что они все в сговоре, и те, кто костюмы украл, и торгаш этот хренов?

– Конечно, понимаю, – спокойно, ничуть не возмущенный моим тоном, ответил Зерый. – Но и вы поймите. У нас – республика. Мы не можем бросаться голословными обвинениями. Воры не найдены, обвинять хозяина лавки в покупке краденного товара никто не имеет права. А вам надо было лучше следить за доверенным народным имуществом, – блистая оборотами явно приобретенными в каком-нибудь из советских вузов, наставительно произнес секретарь, но сменив гнев на милость, ту же пояснил. – Ничего не сделаешь, такой уж у наших людей синдром прежней жизни: жили всегда в нищете, вот и тащат, что плохо лежит.

– Что же мне теперь делать? – подавленно спросил я его. – У нас таких денег нет, он назвал сумму, чуть не в два раза превышающую командировочные всей нашей группы.

– Ну, ничего, это мы уладим. – Пообещал Зерый. – Я не

сомневаюсь, что праздник вы подготовили красивый. Поговорю с товарищами в министерстве финансов, он в качестве премии командировочные увеличат.

Я вернулся на стадион, мы скинулись, у кого сколько было, с трудом наскребли нужную сумму и отправились снова в ханут. Мерзавец-торгаш, видно, и на грамм не сомневался, что я вернусь – все наше имущество уже было уложено в коробки. Он даже вышел на порог нас проводить. И с улыбкой произнес иезуитское: «Приходите еще».

Х Х

Х

...Узбекистан готовился к очередному юбилею. Орден республике «белого золота», как пышно именовали хлопок, должен был вручать только что избранный секретарем ЦК КПСС Борис Николаевич Ельцин. Ранним воскресным утром у меня в квартире раздался телефонный звонок. Звонил главный редактор:

– Ты ведь где-то возле Алайского базара (рынок в центре Ташкента) живешь? Так вот. Наш высокий гость без всякого сопровождения вышел из резиденции и сейчас пришел на Алайский. Дуй-ка туда на всякий случай.

– Какой гость? – спросонья не понял я. – И чего на Алайском-то делать?

– Что значит, какой гость? – расвирипел шеф. – Тот са-

мый, кто вчера орден вручал. А что делать, и сам не знаю. На месте сориентируешься.

Минут через пятнадцать я уже был на рынке. Обнаружить там Ельцина никакого труда не представляло. Тем более, что по пятам за ним, стараясь не попадаться на глаза, ходили крепкие молодые люди с равнодушными взглядами и явно пустыми хозяйственными сумками. Ельцин прошелся меж рядов, придирчиво осматривая продукты, потом вышел на небольшую рыночную площадь с фонтаном посередине и зычно выкрикнул, привлекая к себе внимание: «Товарищи, я секретарь ЦК КПСС Борис Николаевич Ельцин». Тут же собралась толпа. «Ну, рассказывайте, какие у вас проблемы. Рынком своим вы довольны?»

Толпа разом загудела. Когда Ельцин выслушал жалобы на дороговизну продуктов, он вновь отправился по рядам. Теперь его сопровождали любопытные покупатели. Зашел Борис Николаевич и в малюсенький хлебный магазинчик. Оглядел полупустые полки, спросил у пожилого продавца: «Манка у вас есть?»

– Манки нет, пожалуйста. – ответил тот вежливо. Рис, пожалуйста, есть.

– А вы что, детей одним рисом кормите? – грозно вопрошал секретарь ЦК. – Это же вредно. Почему манки нет, почему других круп нет.

– Не дают, – развел руками продавец.

На следующий день состоялся партийно-хозяйственный

актив республики. Ельцин, без всяких предисловий, обрушился на недостатки в торговле. Больше всех других досталось безвестному доселе продавцу хлебного магазина с Алайского базара. И вором он оказался, и вредителем, и человеком, умышленно подрывающим здоровье честных узбекских тружеников и их детей.

Понятное дело, мужика с работы сняли. Искать правду он пришел в редакцию. Поскольку я был очевидцем событий, его направили ко мне.

Мумин Аширов вернулся домой с фронта, после тяжелого ранения и трех месяцев госпиталей, зимой сорок третьего года. Когда-то пацаном он помогал отцу выпекать в глиняной узбекской печи – тандыре лепешки. Эта случайно припомненная деталь его биографии сыграла решающую роль. Фронтovика назначили директором хлебного магазина. Правда, самого магазина не было. Его предстояло построить. Сначала он сколотил его из листов покореженной фанеры, Летом, по вечерам, месил из глины кирпичи и по осени, соседи помогли, поднял стены, покрыл рубероидом крышу. Так с тех пор магазин и стоял на рынке. Мумин Аширов был его директором, продавцом и даже грузчиком. Начальство из райторга фронтovика уважало, но считало, что расширять ассортимент этой убогой «торговой точки» – только зря продукты переводить. Продает по утрам свежий хлеб – и на том спасибо.

Написать в газете про Мумина Аширова мне запретили

категорически. Но справку о нем я все-таки подготовил. Редакция направила ее в министерство торговли, а поскольку гроза, поднятая Ельциным, к тому времени уже утихла, Мумина в занимаемой должности, без шума и пыли, восстановили.

С Борисом Николаевичем Ельциным я встретился много лет спустя, брал у него интервью, но это совсем другая история.

ПРОПАВШАЯ ЗВЕЗДА

К 40-летию Победы в Великой Отечественной войне в центре Ташкента установили громадную витрину с портретами всех узбекистанцев – Героев Советского Союза. Через пару дней после этого в редакцию пришел мужчина и заявил:

– Мой старший брат, он погиб, тоже был Героем Советского Союза. В сорок четвертом к нам домой пришел военком района и вручил грамоту с указом о присвоении брату звания Героя Советского Союза посмертно. Я этот момент хорошо помню и по сей день. Но в 1966 году наш дом во время землетрясения был разрушен, начался пожар, все документы сгорели, в том числе и грамота Героя. Куда я только не обращался, никто этим делом заниматься не хочет, видно, мне просто не верят.

Из дальнейшего рассказа выяснилось, что военком, вручавший грамоту, был фронтовиком-инвалидом, потерявшим на фронте руку. Жив он до сих пор, на пенсии. Я разыс-

кал его, напросился на встречу. Пожилой уже человек, он отлично помнил эпизод со вручением грамоты. Собственно, в его районе это был единственный такой случай, потому и запомнил. К тому же он рассказал мне, что погибший на фронте Михаил Меш до войны был хорошо известен любителям спорта.

Забрался в архивы спорткомитета и тут выяснилось, что Михаил Меш был чемпионом Советского Союза по боксу 1940 года. В 1941 году он поступил на ускоренные курсы красных командиров при Ташкентском военном училище имени Ленина, в ноябре сорок первого отправлен на фронт. С сорок третьего письма с фронта от Мики (так звали его друзья и родные) перестали приходиться. А год спустя военком района пришел к его матери и сообщил ей скорбную весть о гибели сына и вручил грамоту Героя.

Вроде, все и сходилось, а следов никаких и с какого конца братья за это дело, не имел ни малейшего представления. В газете я тогда вел, в том числе, и оборонную тему и, встречаясь в Москве с прославленным диктором Юрием Борисовичем Левитаном, рассказал ему об этом случае. Левитан-то и посоветовал мне как следует порыться в Подольском архиве министерства обороны СССР. Допуск в архив мне оформляли месяца три, не меньше. Наконец, я попал в святая святых армейской истории страны. Но поиски ни к чему не привели. Создавалось такое впечатление, что военнослужащего по имени Михаил Меш вообще на фронтах Великой Отече-

ственной не было вовсе. В общем, Мика исчез бесследно. Но репортерскую удачу, которую частенько приносит никто иной, как Его Величество Случай, со сетов сбрасывать нельзя. Повезло и мне.

Рядом со мной за архивным столом несколько дней кряду работал пожилой человек, явно ветеран, пришедший однажды в военном мундире с погонами полковника. В курилке мы разговорились. Он-то меня и надоумил.

– Ваш пропавший мог служить в разведке и звание Героя получить во время выполнения задания командования особой секретности. В таком случае, его указ не публиковался в «Известиях» и не входил в открытые ведомости Президиума Верховного Совета СССР. Для этой категории военнслужащих были особые, закрытые ведомости. Но получить их вы не сможете без специального допуска.

– А трудно получить этот допуск?

– Да почти невозможно, – ответил полковник, но тут же меня успокоил. – Но я вам помогу. Мне, знаете ли, приятно, что молодежи не безразлична наша история. Вернуть стране героя – дорогого стоит, – несколько торжественно завершил отставной полковник и добавил шутливо, – тем более, что погибший был моим тезкой.

Михаил Трифонович действительно помог мне грамотно составить все необходимые запросы, сам, не считаясь со временем, ходил по инстанциям и через полгода я снова вернулся в Подольский архив. Под руководством Михаила Трифо-

новича, который блестяще ориентировался в расположении архивных документов, мы уже на третий день обнаружили документы о посмертном присвоении звания Героя Советского Союза лейтенанту-разведчику Михаилу Мешу.

ДЕЖАВЮ

Постановление ЦК КПСС было многостраничным и абсолютно невнятным. Сиим постановлением предписывалось – неизвестно, правда, кому – немедленно установить прочные шефские связи и усилить культурно-воспитательную работу на морских судах заграничного плавания, носящих имена и названия союзных республик. Чего это такое и с чем следует есть, в постановлении указано не было, но в союзные республики поступила директива немедленно издать постановления собственных центральных партийных комитетов. Партия строптивых и непонятливых не терпела, на местах действовали по принципу сказано – сделано, постановление ЦК компартии Узбекистана приняли незамедлительно. Выяснили, что в Черноморском морском пароходстве есть теплоход «Узбекистан», над которым, судя по всему, и предстояло шефствовать. Курировать шефские связи поручили редакции газеты, в редакции координатором назначили меня, как самого молодого сотрудника. В Москву и в Одессу пошли соответствующие документы, о шефских связях тотчас забыли: сколько их тогда выпускалось постановлений, на которые нужно

было реагировать, но вовсе не обязательно было выполнять. Решили, что тот самый случай.

Через месяца три получаю я увесистый конверт с эмблемой Краснознаменного Черноморского морского пароходства. В конверте была целая куча многостраничных анкет и сопроводительное письмо. Из письма я узнал, что пароходство целиком приветствует и одобряет мою кандидатуру в качестве шефа теплохода «Узбекистан» и просит заполнить соответствующие документы, дабы я мог беспрепятственно осуществлять свою высокую миссию непосредственно на теплоходе «Узбекистан», совершающем заграничные плавания. Анкеты я заполнил, легкомысленно об этом снова позабыл, однако через полгода меня уведомили, что все необходимые документы оформлены и – добро пожаловать на теплоход «Узбекистан».

«Врата широких возможностей» открылись внезапно передо мной. В те годы турпоездка в социалистическую Болгарию или Румынию была событием исключительной важности и сложности, а тут передо мной открывалась перспектива заграничных круизов. И возопили мои коллеги, считая, что сие есть недопустимое легкомыслие, что поездка на подшефный теплоход должна стать актом высочайшего поощрения за беззаветный труд на благо Отчизны. Из Ташкента в Одессу полетела депеша, извещающая, то только лучшие из лучших будут впредь удостоены высокой чести посещения теплохода. Ответ себя ждать не заставил. Руководители пароходства

сообщали, что оформление в заграничные представительства республики – процесс исключительно сложный, а поэтому кандидатура журналиста Якубова в качестве шефа теплохода «Узбекистан» утверждена на пять лет. Вот, дескать, через пять лет присылайте своих передовиков.

Пятнадцать лет продолжалось мое шефство над моряками, с которыми побывал я во многих странах. Чем мог, помогал, выбивал в различных госорганизациях Узбекистана фондовые материалы для ремонта и реконструкции судна, организовывал круизы жителей Узбекистана на подшефном теплоходе. Одним словом старался сделать все, что мог, дабы не быть для моряков обузой.

Гром грянул внезапно, случившееся ЧП отнесли к разряду чуть ли не государственного преступления. Находящийся на отдыхе в Сочи один из секретарей ЦК Компартии Узбекистана увидел на причале теплоход с родимым названием и возжелал немедленно его посетить. Доложили капитану, тот радушно спустился по трапу, дабы лично поприветствовать столь высокого гостя. Секретарю ЦК организовали скоренькую экскурсию по теплоходу, потом накрыли стол. После обеда капитан предложил гостю оставить запись в книге отзывов почетных гостей. Ох, не знал, видно, мастер, что с книгой отзывов связана целая история, которую из уст в уста передавали мореманы.

Позволю и я себе эту историю пересказать, тем более, что слышал ее, можно смело сказать, из первых уст. С буфет-

чицей Анной Михайловной Камбуркаки познакомился я на теплоходе «Узбекистан», где она обслуживала кают-компанию. Анна Михайловна была человеком предприимчивым, прославилась на весь Черноморский флот тем, что умудрилась однажды сухумские мандарины продать в Греции и историей получения своей одесской квартиры. Некогда ходила она в рейсы на трансконтинентальном теплоходе-красавце «Одесса», где однажды совершал круиз Алексей Николаевич Косыгин. Анна Михайловна была приставлена к председателю советского правительства персональной буфетчицей. Зная длинный язык своей буфетчицы, капитан Анну Михайловну строжайше предупредил:

– Аня, сволочь, сболтнешь хоть слово – сгною. На пароходы будешь до конца дней своих с берега смотреть.

И Анна Михайловна крепилась, но молчала. В последний день круиза Косыгину подали книгу отзывов почетных гостей. Ему захотелось персонально выразить благодарность капитану и буфетчице, которая была столь расторопной за все время его отпуска. Написав несколько лестных слов в адрес капитана, Косыгин обратился к буфетчице:

– Анна Михайловна, а я ведь до сих пор вашей фамилии, к своему стыду, не знаю. Вы фамилию мне скажите, я хочу вам благодарность вынести.

– Да на шо мне та благодарность? – прорвало безмерно долго молчавшую буфетчицу. – На благодарности спать не ляжешь, а мне в Одессе жить с детьми негде, ючусь уже

столько лет в халупе.

Косыгин, не моргнув глазом, потребовал бланк радиogramмы и написал: «Прошу в кратчайшие сроки рассмотреть вопрос предоставления жилья в соответствии с санитарными нормами буфетчице теплохода «Одесса» Камбуркаки. Косыгин».

В Одессе Анну Михайловну ждал ордер на роскошную трехкомнатную квартиру и приказ об увольнении. Капитан слово сдержал и несколько лет Анна Михайловна смотрела на обожаемые ею теплоходы с берега, потом долго болталась в каботажном плавании и лишь спустя лет десять попала на «Узбекистан».

Книгу отзывов почетных гостей секретарю ЦК узбекской компартии подавала никто иная, как многострадальная Анна Михайловна Камбуркаки. Так уж, видно, ей на роду было написано – скандал разгорелся вновь. Партийный босс заявил, что желает сфотографироваться на фоне узбекского знамени, которое было отправлено еще на заре наших шефских связей на теплоход.

Капитан в том рейсе был подменный, как, собственно, и почти весь экипаж, о знамени он и понятия не имел, но гостю легкомысленно поддакнул. Отправились по всем служебным помещениям искать знамя, но оно как в воду кануло. Единственный человек, кто мог бы как-то прояснить ситуацию – боцман основного экипажа – в этот момент был в стельку пьян и спал непробудным сном.

Чиновник вернулся в Ташкент, меня выдернули к нему на ковер, вернее на ковровую дорожку, и он с полчаса испытывал прочность своих голосовых связок, обвиняя в пропаже государственного флага именно меня, как не сумевшего обеспечить нормальную шефскую работу и именно по этому не обеспечившего сохранность государственной святыни.

Стоит ли говорить, что в этот же день я уже вылетел в Одессу, а утром находился на теплоходе. Капитан был прежний, по поводу знамени легкомысленно заявил, что никуда «эта хреновина» деться не могла, просто, передавая бразды подменному капитану, ребята все ценное попрятали. Вместе с капитаном отправились мы по многочисленным переходам, тщательно обследуя каждый закоулок. На всякий случай обшарили даже машинное отделение. Флага нигде не было. Капитан предложил сделать перерыв на обед, махнуть по махонькой, чтоб «в мозгах развиднелось». А ведь и впрямь развиднелось.

– Слушай, а кого мы еще не спрашивали? – уточнил у меня капитан после очередной «махонькой».

– Вроде, всех, – напряг я свою память. – А, только боцмана не спросили. Кстати, я что-то Максимыча сегодня и не видел.

– Так он же сменился. Когда мы отдыхали, он в круиз ходил, а теперь сам отдыхает, – сообщил капитан и, прервав сам себя, вскочил со стула. – А ну геть к нему в каюту. Не иначе, как боцманюга у себя заныкал.

О счастье. В одном из шкафов боцманской каюте, любовно завернутое, лежал знамя. Честь республики была спасена.

...Я уже работал в израильской газете, когда пришло сообщение, что в морской порт Хайфы впервые заходит советский туристический теплоход. Помчался в Хайфу. На причале теплоход с незнакомым названием «Одесса-сан». Поднимаюсь по палубе и начинаю ощущать какое-то смутное беспокойство: все мне здесь незнакомо, но будто бы знакомо. Подошел капитан. Спрросил его, новое ли это судно или после реконструкции.

– После реконструкции первый круиз совершаем.

– А как раньше назывался теплоход?

– «Узбекистан».

Вот так я еще раз встретился со старым другом-теплоходом.

СОМНИТЕЛЬНЫЙ ГОСТЬ

С Владимиром Семеновичем Высоцким я познакомился в ВТО. Он пришел после спектакля поужинать. Ресторан битком был забит, единственно свободное место оказалось за столиком, который занимали мы с приятелем. Приятель Высоцкого знал шапочно, но к столу пригласил. На несколько минут я попросту впал в ступор – все не мог поверить, что перед мной сидит поэт, бард, который был, да и по сей день остается, моим кумиром. Высоцкий моих переживаний, естественно, не заметил, он был попросту голоден. Но посте-

пенно беседа наладилась, мы засиделись далеко за полночь. Поднялись, когда нам уже не намеками, а в лоб заявили, что пора бы и честь знать, в ресторане, кроме нас уже никого не осталось. Вышли на улицу Горького, закурили. Тут я спрашиваю:

– Володя, а вы оружие любите?

– Оружие? – удивился он неожиданному вопросу. – Ну, какой жен мужчина не любит оружия?

– Я к чему спросил? – поторопился объяснить ему показавшийся странным вопрос. – Я привез из Узбекистана великолепный национальный нож. Это изделие знаменитых мастеров из предгорного кишлака Чуст. Такими ножами гвозди перерубать можно. И я бы хотел вам этот нож, на память о сегодняшнем знакомстве, подарить.

– Спасибо, большое спасибо, – явно растроганный неожиданным предложением отозвался поэт.

– А знаете что, я остановился в гостинице «Минск», тут идти-то метров пятьсот, пойдемте, я вам сейчас его и подарю.

Беседуя, мы неспешно дошли до гостиницы, поднялись на третий этаж, но тут встретили неожиданное препятствие в виде недремлющей дежурной. Правило «гости только до 23 часов» действовало неукоснительно.

– Не пуцу, – твердо заявила дежурная.

Напрасно пытались мы ей объяснить, что в номер зайдем лишь на минуточку. «Не пуцу», как попугай твердила

непреклонная дежурная. Тогда я один зашел к себе в номер, достал нож, аккуратно его упаковал и, выйдя, передал Володе. Мы вышли на улицу, еще несколько минут о чем-то говорили, потом он поймал такси и уехал.

Когда я поднялся к себе на этаж проходил мимо дежурной она остановила меня укоризненной фразой:

– Эх, ты, молодой парень, а такое себе позволяешь. Лучше бы девку привел.

– Я даже сразу не понял, что имела в виду эта церберша. А когда дошло, уши у меня запылали от стыда и негодования – как она могла такое подумать?!

– Вы с ума сошли! – завопил я в голос. Как вы смеее? Это же Высоцкий.

– Высоцкий? – переспросила дежурная. – Это какой-такой Высоцкий? А, – и неожиданно вдруг заголосила. – Ах, какая же ты нежная и ласковая, скалолазка моя...

13 СТУЛЬЕВ НА КРЫШЕ МИНАРЕТА

Артисты Московского театра эстрады пришли на творческую встречу с журналистами газеты «Правда Востока» в полном составе. Редко когда еще приходилось видеть такое созвездие талантов вместе – Анатолий Папанов, Андрей Миронов, Александр Ширвиндт, Spartak Мишулин и Роман Ткачук, Рудольф Рудин и Татьяна Васильева...

После окончания встречи Папанов задал неожиданный

вопрос: «А в футбол вы играете?» Мы разом оживились – в футбол на близлежащем стадионе мы играли чуть ли ни ежедневно, в обеденный перерыв и теперь быстро стоворились играть вместе. Правда, Папанов вскоре улетел в Москву, у него дома несчастье случилось. Заболел Миронов, попал в больницу. Команда актеров была ослаблена, но на футбольные тренировки они продолжали ходить. Как всегда, когда часто встречаешься в неформальной обстановке, приятельские отношения развиваются быстрее. Со многими артистами за время долгих гастролей театра мы сдружились, охотно приглашали их домой, угощали самыми разнообразными блюдами узбекской кухни и вообще развлекали, как могли. Однажды, после обильного ужина сели играть в карты. Больше всех не везло в тот вечер Рудольфу Рудину. Кстати, именно он настоял, чтобы играли мы непременно «на интерес», иначе игра и смысл, и азарт теряет. Ставки были смехотворные, копеек по пятьдесят на кону, не больше. Но что такое не везет и как с ним бороться, известно, никто еще досконально не понял. Одним словом Рудин проиграл поначалу гигантскую сумму в двадцать пять рублей, а потом поступил так, как герои известной кинокомедии «Джентльмены удачи» – сначала поставил на кон часы, потом куртку, рубашку и так вплоть до брюк. Бросив со злостью карты на стол, Рудольф остался в одних цветастых трусах, которые в народе по аналогии с волком из популярного мультфильма получили устойчивое, хотя и двусмысленное название «Ну, пого-

ди!». Разумеется, у нас и в мыслях не было присвоить себе выигрыш. По нашему разумению, для гостя следовало сделать исключение, но Рудин уперся, заявил, что карточный долг священен и вознамерился отправиться в гостиницу, в чем остался. Насилу мы догнали его у подъезда, заставили одеться. Одежду он, после долгих уговоров принял, но от денег отказывался наотрез. Пришлось ему его же проигрыш тайком в карман куртки засунуть.

Карты не довели до добра и одну из актрис театра. В один из дождливых весенних дней артисты отправились ранним утром на рынок возле гостиницы, где им «по дешевке» и исключительно из любви к их талантам сосватали два ведра клубники. Ташкентцы-то знают, что в дождь клубнику в таком количестве следует покупать только в том случае, если уж вовсе некуда деньги девать, но откуда было знать об этом заезжим москвичам. Одним словом, клубника, что называется, потекла и было решено съесть ее немедленно, дабы не выбрасывать. Предложение коллег усовершенствовал Александр Анатольевич Ширвиндт. Он сказал, что без стимула столько клубники не слопать и предложил играть в дурака, а каждый проигравший обязан был съесть ложку клубники. Ложки ни у кого не оказалось, сгоняли в ресторан, но оттуда почему-то приволокли половник.

Одной из актрис хронически не везло, она проигрывала раз за разом и вынуждена была съесть кряду чуть не с десятков половников. Опомнились, когда бедняжка пошла ал-

аллергическими красными пятнами, вызвали из гостиничного медпункта врача и бедняжку на «скорой помощи» отправили в больницу. Ширвиндт чувствовал себя кругом виноватым – и за то, что идею такую навязал, и за то, что в игре был слишком удачлив. Со злостью подпрыгнул он на кровати в своем номере и тут эта рухлядь, не выдержав резкого движения, рухнула и превратилась на глазах у всех в грудку обломков. На грохот примчалась горничная, стала Ширвиндту пенять:

– Большой театр приезжал, на кровать валялся, кровать не сломал. Цирк приезжал, на кровать валялся, кровать не сломал. Один ты кровать сломал.

– Так вот они и расшатали, – меланхолически сделал вывод актер с присущим ему юмором.

Одним словом, приключений было немало. А тут еще взбрело нам в голову ехать осматривать окрестные достопримечательности.

В те годы одной из самых популярных передач советского телевидения был «Кабачок 13 стульев». Актерские персонажи носили сплошь польские имена, да и сам кабачок, по замыслу создателей передачи, находился в Варшаве. Таким образом хитроумные юмористы обманули бдительную советскую цензуру – высмеивать в таком объеме советскую действительность никто бы не разрешил, а польскую – на здоровье. В театре эстрады того времени работало много актеров, занятых в съемках «Кабачка 13 стульев». Были они чрезвы-

чайно популярны на улице их все узнавали, шепча вслед: Смотрите, смотрите, это же пани Зося, а это пан Гималайский...» Вот как раз пани Зося, в миру актриса Валентина Шарыкина и пожаловалась, что за все время гастролей они толком ничего не видели. Обещали в Самарканд свозить, или в Бухару, но так нигде и не побывали. Только спектакли, да репетиции, света белого не видно. Я рассказал, что неподалеку от Ташкента есть старинный минарет, можно съездить туда на экскурсию. Насчет экскурсии я, правда, погорячился, никаких специальных групп туда сроду никто не возил, но я в тех местах бывал не раз, так что не сомневался, что сумею и показать минарет и рассказать о нем все, что знаю.

Отправились в местечко Занги-Ата, где был минарет не рано – пока актрисы собирались, макияж наводили, то да се, добрались только к полудню. У самого минареты, в тени густой чинары, прямо на берегу журчащего прозрачной водой арыка была чайхана. Собравшиеся там, судя по запахам, собирались плов готовить. Знаменитых Аристов сразу узнали, стали по именам называть, вернее по именам их персонажей, к столу пригласили. Мы сказали, что хотим сначала минарет осмотреть. Старший по возрасту одобрительно закивал головой, с радушной улыбкой сказал, что через полчаса ждет гостей к дастархану – накрытому столу. Потом все с той же улыбкой, но уже по-узбекски добавил специально для меня: – Ты, сынок, задержи их подольше, хотя бы на час. Мне же

неудобно было им сказать, чтобы через час приходили, так у нас не принято, а ты не торопись, мы как раз за это время хороший стол накроем.

Минарет строение весьма своеобразное. Над невысоким, с плоской крышей, строением возвышается куполообразная башня, с высоты которой, собственно, и сзывает на молитву правоверных муэдзин. К верхней точке башни надо продираться в узком, почти без света коридорчике, по крутой каменной лестнице. Пока мы гуськом поднялись, пока с высоты обозрели и впрямь великолепный пейзаж, пока вниз спускались, не меньше получаса прошло. Я все прикидывал, чем бы еще гостей занять, когда, оказавшись снова на плоской глиняной крыше, поросшей яркой весенней травой, кто-то воскликнул: «Ой, как здесь классно позагорать можно!» Призыв возымел действие немедленное. Девчонки в мгновение сбросили с себя легкие платьишка и остались в трусиках да лифчиках. Растянувшись на шелковистой траве, они аж замурлыкали от удовольствия. И тут в этом мурлыканье раздался глухой жесткий стук. Это ударился о крышу первый запущенный с земли камень, который метнул некто оскорбленный в святых чувствах. Актрис как ветром сдуло под защиту минаретной башни. Я уже говорил, что они быстрехонько поскидывали с себя платья, но скорость, с которой их надевали, не идет ни в какое сравнение.

Конечно, ни о каком застолье в чайхане и речи теперь быть не могло, пристыженные мы уселись в машину и уеха-

ли. По дороге кто-то недовольно буркнул: «Подумаешь, обиделись за свою святыню, могли бы и предупредить, что нельзя». Но ту же другой голос безапелляционно, но достаточно рассудительно возразил: «Сами дуры набитые, чего придумали. Головой надо думать, а не задницей. Кто-то из нас стал бы в одних трусах на церковном дворе загорать?»

Х Х

Х

В рубрике «Город знакомых лиц» задумал написать репортаж о работе стюардесс. Авиационное начальство идею одобрило. Вместе с экипажем прошел медкомиссию и предполетный инструктаж, на служебном микроавтобусе подъехали к «ИЛ-62», маршрут которого в тот день был Ташкент-Киев-Ташкент. Мне было все любопытно. Но тут из диспетчерской оповестили – задержка рейса, экипажу борт не покидать. Часа четыре сидели в самолете, по раннему времени дремали. Потом всех отправили в так называемый профилакторий – гостиницу для летного состава. К летному составу я не принадлежал, меня провели тайком. Киев, окутанный густым туманом, разрешил вылет только через сутки.

Пассажиры были издерганы долгим ожиданием, неудобствами пребывания в аэропорту, требовали от стюардесс непрерывного внимания, срывая на них свое раздражение.

А тут еще я путался под ногами. Бригадир бортпроводников Ольга Потапова, наконец, не выдержала и заявила: «Иди на кухню, открывай бутылки с водой и лимонадом и, пока мы всех не накормим, с кухни – ни шагу».

Оля в узбекском управлении гражданской авиации была человеком прославленным. Опытная стюардесса, она однажды, сохраняя удивительное спокойствие, принимала роды прямо на борту самолета. Об этом написал журнал «Огонек», опубликовав на обложке Олин портрет.

Когда пассажиры были накормлены и большинство из них уснуло, я стал задавать свои вопросы. Обратный путь из Киева тоже был сложным. Теперь нас не хотел принимать Ташкент. Самолет посадили в Нукусе. Провели там часов пять, наконец, получили «добро» и через два часа были в Ташкенте.

Обо всем увиденном и услышанном написал репортаж, который назвал по количеству бортпроводников – «Шестеро в крылатой квартире». Когда вышел номер, мне позвонил начальник управления гражданской авиации, сам в прошлом пилот, Гани Мазитович Рафиков. Он поблагодарил меня за хорошую статью и даже комплимент сделал:

– Что удивительно, я кое-каких деталей, о которых ты рассказываешь, и сам не знал, так что читал с удовольствием.

А спустя пару часов позвонила Ольга Потапова. Полагая, что и она звонит с благодарностями, стал с ней балагурить. Но Оле было не шуток. Чуть не плача, она сообщила, что

в авиаотряде на информационной доске вывешен приказ о том, что ей объявлен... выговор.

– За что? – опешил я.

– Никто не говорит, сказали только, что я какую-то инструкцию нарушила, а какую именно не говорят.

Немедленно помчался в управление авиации, все запальчиво выложил Гани Мазитовичу.

– Ничего не путаешь? Я-то планировал ей благодарность в приказе объявить. Ладно, сейчас уточним, – и он нажал кнопку селектора.

Через несколько минут в динамике раздался голос одного из заместителей командира авиаотряда, который четко рапортовал:

– В статье «Шестеро в крылатой квартире» автор пишет, что бригадир бортпроводников Ольга Потапова поручила ему открывать на кухне бутылки. Я проверил. Автор статьи товарищ Якубов санитарного допуска не имел и на кухню ему заходить строго запрещено. Поскольку указание он получил Потаповой, я объявил ей выговор.

– Баран, – пробурчал себе под нос Рафиков, – предварительно, правда, отключив селектор. – А ты знаешь, – обратился он ко мне. – Ведь этот бюрократ формально прав. – Только формально, – поспешил добавить. – Ладно, ты не огорчайся, не дадим мы твою героиню в обиду. Проведу я с ним беседу и все уладим.

В те благословенные годы командировки поглощали все

мое время. Сейчас даже представить трудно, как успевал повсюду – летал на футбольные матчи с командой «Пахтакор» и путешествовал на теплоходе «Узбекистан» в международных круизах, работал в Афганистане и в Чернобыле, после того, как там произошла авария, освещал московскую Олимпиаду и писал сценарии телепередач и документальных фильмов...

Один из фильмов побил по скорости съемок все мыслимые и немыслимые рекорды. В Ташкенте случилось ЧП. Трое вооруженных налетчиков на рассвете напали на пост ГАИ, что на окраине города. Трое из четверых милиционеров погибли, четвертый начал преследование бандитов, завладевших не только оружием убитых, но и одним из автомобилей. Уже раненный сержант преследование вел недолго – потерял сознание. Но успел передать сообщение дежурному по городу.

Во время преследования и возникшей перестрелки погиб еще один милиционер – сотрудник уголовного розыска и были застрелены двое бандитов. Третий, бросив в машину в жилом квартале центра города, забежал в подъезд четырехэтажного дома и помчался вверх по лестнице. В тот момент, когда он достиг верхнего этажа, дверь одной из квартир отворилась и оттуда вышла старушка с бидончиком – видно, в магазин за молоком собралась. Ей, в общем-то, повезло. В пешке бандит не сообразил взять ее в заложницы, а попросту оттолкнул и ворвался в квартиру, заперев дверь и забарри-

кадировав ее. В холодильнике грабитель обнаружил бутылку водки, которую тут же и выпил. Долгая осада ничего не дала, к тому же из квартир уже начали выходить на работу люди и надо принимать экстренные меры. Вызвался проникнуть в квартиру оперативник городского уголовного розыска Батыр Сагдуллаев. Вооружившись автоматом, он проник на балкон соседней квартиры, изогнувшись зашвырнул в окно гранату со слезоточивым газом и, разбив стекло, следом ворвался сам. Вся операция заняла несколько минут. Преступник был обезоружен и скручен.

Я узнал об этом в тот же день, совершенно случайно встретившись в городе с Батыром Сагдуллаевым – мы и раньше были знакомы. Собственно, о том, что бандита брал Ботя (так его все друзья называли) самолично, мне стало известно лишь позже, сам он об этом скромно умолчал. А в тот день я помчался к начальнику городского управления милиции и генерал неожиданно легко дал согласие не только поведать все подробности, но и на киносьемку.

Главный редактор узбекской киностудии документальных фильмов Хайрулла Джураев, услышав о происшествии, загорелся мгновенно. Он ринулся к председателю союза кинематографистов республики, известному кинорежиссеру Герою Социалистического Труда Малику Каюмову, тот начальственно рыкнул и мы, как говорят киношники, запустились в картину в тот же день – явление почти что уникальное. Вместе с группой оперативников мы ездили на место преступ-

ления, куда убийцу повезли на следственный эксперимент, скрытой камерой снимали его в одиночке, а потом мне даже разрешили задать ему несколько вопросов во время допроса.

Сергей (имя помню отчетливо, а вот фамилию, увы, забыл) родился и вырос в Алма-Ате, женился, едва закончив школу. Родилась дочь. Денег в семье не хватало – Сергей работать не желал, считал, что не его это удел. Как-то, будучи в гостях, познакомился с одним милиционером. Под каким-то благовидным предлогом встретился с ним вечером. Пришел еще с тремя дружками. Нанеся милиционеру смертельный удар камнем в висок, они овладели пистолетом и, понимая, что их будут искать, скрылись из города. Добрались до Ташкента, решив в дороге ограбить какой-нибудь банк. Когда оказались у поста ГАИ, решение пришло само собой. Спрятавшись в придорожных кустах, чуть не в упор расстреляли троих милиционеров, четвертого ранили.

Когда допрос убийцы был закончен, он попросил сигарету и, закурив, попросил:

– Меня ведь точно расстреляют. Будьте вы людьми, принесите плов. А то ведь первый и последний раз в Ташкенте оказался, а плова так и не попробовал...

Этот фильм мы отсняли за два дня. Вскоре он вышел на экране и даже получил весьма почетную премию.

ОХ, РАНО ВСТАЕТ ОХРАНА

Западные артисты эстрады страну Советов гастролями не баловали, хотя, может, и приезжали бы, коли могли прорваться сквозь «железный занавес». Но единую общность – советский народ идеологи боялись растлить чуждым влиянием, в связи с чем «занавес» раздвигался очень дозированно и неохотно. Именно поэтому каждый приезд с Запада эстрадной «звезды», пусть даже, средней величины, воспринимался как настоящее событие.

О эстрадном певце Джани Моранди и всего-то было известно, что он настоящий футбольный фанат, не пропускает ни одного европейского и уж тем более мирового первенства, с футбольной таблицей не расстаётся ни днем, ни ночью, да и вообще принадлежит к тому разряду болельщиков, кого разбуди в три часа ночи и они тебе без запинки ответят, кто, на какой минуте, какого числа и в каком матче гол забил и лучше собственного рациона знают, что вчера ел на завтрак Пеле и какой сок пил во время обеда Гарринчи. По поводу его профессиональной деятельности было известно лишь то, что он победитель нескольких международных эстрадных конкурсов и фестивалей и что дважды кряду признавался лучшим эстрадным певцом у себя на родине, в Италии.

В Советском Союзе у Моранди было целое турне, он кочевал по столицам разных союзных республик и к тому времени, когда приехал в Ташкент, сделал первое обескураживающее заявление: никаких интервью. Уж не знаю, чем его

так во время гастролей обидели наши коллеги, но факт остается фактом.

Заявление заявлением, а разбрасываться интервью с таким человеком не позволяли профессиональные амбиции. Выяснив, что заезжая знаменитость начнет репетицию в десять утра, я отправился в концертный зал к восьми. Для встречи с иностранцем, как от нас в те годы и требовали, облачился в однотонный серый костюм, белую сорочку, галстук, что в контексте дальнейшего развития событий сыграло решающую роль. Когда приехал техники уже устанавливали аппаратуру, но сам Моранди явился только к двенадцати. Надо сказать, что нга репетиции пахал он, что называется, до седьмого пота и репетиция шла ну никак не меньше пяти часов. За это время я сделал несколько попыток договориться с его переводчицей по поводу интервью, но тщетно. К тому же девица была не из нашего республиканского «Интуриста», а постоянно прикрепленная на время гастролей из Москвы, ей мои стенания и ссылки на авторитет крупной газеты были по барабану. Репетиция заканчивалась, когда я вышел покурить к служебному входу и увидел стоящую у подъезда сияющую белую «Волгу» с интуристовскими номерами. План созрел мгновенно.

– Чего так долго? – грубо спросил водителя.

– Дак, это, велели бак под завязку наполнить, пришлось на заправку в гараж заезжать, а там очередь, – начал оправдываться тот.

– Ну, ладно, повезло тебе. Репетиция затянулась, а то бы точно опоздал, – снисходительно проворчал я и плюхнулся не переднее сиденье рядом с водителем.

– А вы, вообще-то, откуда? – спохватился вдруг водитель.

– Оттуда, – последовал многозначительный ответ.

– А, ну так бы и говорили...

Через несколько минут из дверей служебного входа вышел Джани Моранди в сопровождении переводчицы, они уселись в «Волгу» и машина тронулась. Певец что-то сказал, переводчица перевела вопрос, обращаясь к водителю: «А это кто с вами?». Водитель, не задумываясь, отрапортовал:

– Товарищ – оттуда.

Что делать дальше, я просто не представлял. Стоило мне обернуться и заговорить, переводчица меня тотчас узнает, обман раскроется, и меня попросту высадят из машины посреди дороги. В этот как раз момент мы проезжали мимо стадиона «Пахтакор». Помятуя, что гость – футбольный болельщик, я, не оборачиваясь, попросил переводчицу:

– Скажите, пожалуйста, нашему гостю, что слева от нас стадион «Пахтакор», третий по величине в Советском Союзе и что завтра на этом стадионе состоится футбольный матч чемпионата СССР в высшей лиге между киевским «Динамо» и ташкентским «Пахтакором».

Моранди разом оживился. Вопросы посыпались один за другим и мое счастье, что долгие годы работал я спортивным репортером и на все его вопросы отвечал подробно и с

детальями, выдающими во мне специалиста, с которым ему, глубокому знатоку этого вида спорта, не зазорно было поддерживать беседу на футбольную тему. Ну, а вставить по ходу беседы несколько интересующих меня вопросов было уже делом техники. Машина давно уже подъехала к интуристовской гостинице «Узбекистан», мы прошли в вестибюль и все продолжали обсуждать, как казалось Моранди, футбольную тему. Конечно же, переводчица давно меня раскусила, но, по крайней мере, не выдавала, видя, что ее подопечный сам увлечен беседой. Когда я счел, что для интервью мне данных достаточно, то не лишил себя удовольствия на маленькую сатисфакцию, сказав, прощаясь: «Благодарю вас, господин Моранди, вы дали мне прекрасное интервью.

Певец лишь на мгновение нахмурился, потом беззаботно рассмеялся и, явно шутливо грозя пальцем, признался, что ему и самому было интересно. Потом сделал приглашающий жест в сторону бара и произнес по-русски: «Ставлю водку». А переводчица перевела еще одну его фразу: «Проигрывать надо уметь».

КОМАНДА МОЛОДОСТИ НАШЕЙ

Асфальта на нашей улице не было и в футбол мы играли босиком. В обуви запрещали играть родители, а если кто-то вдруг осмеливался родительский запрет нарушить и приходил на игру в ботинках, то мы такого смельчака и сами гнали

с криком: «Иди отсюда, коваться будешь». Десяти-одиннадцатилетние, мы знали наизусть биографии всех известных футболистов, а уж игроков любимой ташкентской команды «Пахтакор» и подавно. Каждую неделю мы назначали двух дежурных, на которых возлагалась почетная миссия. Дежурные на рассвете отправлялись пешком на железнодорожный вокзал – от нашей улицы минут тридцать ходу – и в пять часов утра занимали очередь к газетному киоску. Киоск открывался в шесть и только в этом месте, чуть не единственном в Ташкенте, можно было купить газету «Футбол». Она стоила безумных денег – 50 копеек («Правда», или, к примеру «Известия» стоили 3 копейки), но мы вскладчину шли на этот невероятный расход. «Футбол» «отпускали в руки» строго по одному экземпляру и чаще всего пожилой усатый киоскер шугал нас: «Не дам две газеты, я же видел, что вы вместе пришли». Но и один экземпляр был для нас счастьем. После школьных уроков мы усаживались над журчащим арыком и зачитывали газету в буквальном смысле до дыр. В сохранности оставалась только страница с календарем футбольного чемпионата. Она береглась всю неделю, в свободные клеточки аккуратно вносились соответствующие изменения. Своих пахтакоровских кумиров мы обожали, их имена не сходили у нас с языков. Если кто-то из пацанов опаздывал на игру и его не хотели принимать, то он тут же начинал отчаянно сочинять: «А я вчера Юру Пшеничника видел (знаменитый вратарь «Пахтакора», позднее – ЦСКА и сборной СССР жил

в нашем районе), он мне сумку дал понести. И ведь знали, что врет юный Мюнхгаузен, а все равно каждый раз покупались на эту немудренную выдумку: а вдруг правда. Счастливику делали снисхождение и принимали в команду... В те годы я в самых радужных своих мечтах и представить себе не мог, что спустя десяток лет буду иметь к «Пахтакору» самое непосредственное отношение, близко подружусь со знаменитыми форвардами Геннадием Красницким, Берадором Абдураимовым, Владимиром Федоровым, Михаилом Аном, со многими тренерами команды.. Как не мог представить, что «Пахтакор» в жизни моей не просто займет важное место, но и не менее важную роль сыграет.

В 1976 году, в канун Олимпийских игр в Монреале, меня неожиданно-негаданно утвердили заведующим отделом спорта и военно-патриотического воспитания (именно так мудро и длинно назывался отдел) газеты «Правда Востока». Первым делом беседующий со мной по этому поводу заведующий сектором печати ЦК партии сказал: «Запомни главное. Футбол – партийный вид спорта. Курирует лично, – и он указал пальцем на потолок. – Поэтому за «Пахтакор» отвечаешь персонально».

– За проигрыши тоже отвечаю? – довольно нахально осведомился у партийного функционера.

Тот вздохнул и проворчал: « Ишь ты, племя молодое беспартийное. Говорил я, что не дорос ты еще отделом командовать. Все твой шеф – кому же еще о спорте писать, как

не молодому. Ладно, иди. Глядишь, схлопочешь пару выговорешников – образумишься. А не образумишься – образумим».

И отправился я на футбол. А если точнее, то на загородную базу команды «Пахтакор», где, образно говоря, на пятнадцать лет и задержался. Мне довелось много летать с командой, вместе мы и отдыхали, когда возможность представлялась. По поводу «выговорешников» завсектором ЦК просто как в воду глядел: они стали сыпаться на меня как из рога изобилия. В конце-концов я к ним привык, как к чему-то неизменному в своей жизни и попросту перестал обращать внимание. Помню, одно из взысканий схлопотал после матча «Пахтакор» – «Кайрат» в Алма-Ате. Спор этих двух команд был не просто футбольным противостоянием. В партийных верхах Узбекистана и Казахстана к исходу поединков двух ведущих команд этих республик относились со столь ревностным вниманием, что порой до гротеска доходило. И вот приехали мы на игру в Алма-Ату. В поездку с командой отправился и тогдашний председатель Госкомспорта Узбекистана, бывший первый секретарь одного из райкомов партии Ташкента, Гулям Пулатович Пулатов. Человек угрюмый и чрезмерно строгий, он любил, когда подчиненные величали его министром спорта. Уже в аэропорту казахской столицы мы все заметили, как резко ухудшилось настроение Пулатова. Он беспокойно озирался, явно кого-то высматривая, потом с силой захлопнул дверцу машины и укатил в гости-

ницу. Кто-то из делегации прокомментировал: «Ждал, что его в аэропорту председатель Госкомспорта Казахстана Акаев встречать будет, а тот не приехал». Не появился Акаев и во время матча в правительственной ложе стадиона. Игра же для «Пахтакора» была одной из самых трудных и драматичных на моей памяти. Да и не игра это была, по сути, а рубка какая-то. Кайратовцы применили такой жесткий прессинг, какой для тогдашнего советского футбола был вовсе не свойственным. Уже к середине первого тайма двое пахтакоровцев получили столь серьезные травмы, что вынуждены были покинуть поле. Во втором тайме травму получил ведущий ташкентский форвард Володя Федоров, в то время член сборной команды Советского Союза. «Пахтакор» сражался достойно, но в итоге, хотя и с почетным счетом, но проиграл – 2:3.

Автобус увез футболистов в гостиницу, руководители команды и председатель Госкомспорта Пулатов отправились на неизбежный банкет. Старший тренер команды Вячеслав Дмитриевич Соловьев и второй тренер «Пахтакора» Геннадий Александрович Красницкий хотели было отказаться, но угрюмый шеф настоял. Когда официанты наполнили рюмки, Пулатов, немигающим взглядом глядя в никуда, но обращаясь явно к тренерам «Пахтакора», тихо, но отчетливо процедил сквозь зубы: «Чем водку здесь пить, лучше бы учили своих разгильдяев играть, как следует». И прежде независимый в своих взглядах и поступках, Соловьев поднялся,

демонстративно отодвинул наполненную рюмку и, взглянув прямо в глаза Пулатову, сказал: «Я еду в команду. Мне здесь делать нечего». В полной тишине он покидал зал, но, когда уже дошел до порога, поднялся и Геннадий Красницкий: «Ну, в таком случае и мне здесь делать нечего».

Соловьев и Красницкий работали с командой уже не первый год. Когда-то сам блестящий футболист, Вячеслав Дмитриевич охотно делился своим богатым опытом с Красницким. Гена, в бытность свою центральным нападающим «Пахтакора» был в Узбекистане всеобщим кумиром. О его мощнейшем ударе ходили легенды. Отправившись в составе сборной Советского Союза в турне по Южной Америке, Красницкий сделал эти легенды явью. В одном из матчей в Рио-де-Жанейро он, пробил по воротам с такой огромной силой, что мяч, прорвав сетку, вылетел насквозь.

С Геней Красницким нас связывала многолетняя дружба, со старшим тренером «Пахтакора» Соловьевым отношения складывались тоже самым лучшим образом. Одним словом, я не захотел оставаться на том банкете и последовал за друзьями. Настиг их, когда они уже садились в такси. Гена уселся впереди, я – на заднем сиденье, рядом с Вячеславом Дмитриевичем. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, как взбешен, обычно скупой на эмоции, Соловьев. «Так и до инфаркта недалеко», подумалось мне и я обратился к водителю.

– Шеф, водка есть?

– Таксист поколебался, но все же ответил утвердительно.

– Вячеслав Дмитриевич, скажите, только честно, вы когда-нибудь в такси пили?

Соловьев, погруженный в свои невеселые мысли, даже не сразу вопрос понял.

– Что, в такси? В Каком такси? Ах, в такси. Нет, не доводилось до сих пор. В самолете случалось, в поездах и на теплоходе – тоже, а вот в такси – ни разу.

– Ну, когда-то же надо ликвидировать этот пробел, – заявил я таким озабоченным тоном, словно сейчас не было задачи важнее.

Бутылку мы опорожнили в машине, потом потребовалось еще, дабы излить друг другу души. Утром в самолет наша троица прибыла последней, да еще и весьма помятой после бессонной ночи. По пути в Ташкент, правда, подремали, но когда приземлились, Соловьев сказал мне хмуро:

– В таком виде я перед болельщиками не появлюсь. Чего делать-то.

Я знал, что команду в аэропорту непременно встречает целая толпа болельщиков и понимал, что тренеру сейчас и впрямь на глаза лучше не показываться. Проведя все детство в районе аэропорта, я знал тут каждую лазейку и мне не представило ни малейшего труда вывести Вячеслава Дмитриевича так, что его никто и не заметил. Понятное дело, что моя выходка без внимания высокого руководства не осталась. Формулировка о взыскании была несколько расплыв-

чатой, но сути не меняла: «За нарушение дисциплинарного режима во время проведения матча команд высшей лиги и умышленный срыв встречи болельщиков с тренерами команды объявить выговор...»

Соловьев после окончания того сезона вернулся в Москву, а вскоре произошла трагедия, по сути дела поставившая точку на спортивной биографии футбольной команды «Пахтакор».

Это произошло 11 августа 1979 года. В 13 часов 35 минут 38 секунд на высоте 8400 метров в точке пересечения: 48 градусов 33 минуты северной широты и

38 градусов 40 минут восточной долготы, по ошибке диспетчеров, в небе над Днепродзержинском разбились два самолета, следующие рейсом «Ташкент-Гурьев-Донецк-Минск» и рейсом «Челябинск-Кишинев». Погибло 178 человек. В том числе и 17 членов команды «Пахтакор».

Накануне мы праздновали день рождения массажиста команды Анатолия Дворникова. Понятно, что ни о каком празднике на базе «Пахтакора» и речи быть не могло. Футболисты тепло поздравили Толю, а праздновать несколько человек, из тех, кому завтра не надо было выходить на поле, отправились на квартиру моего ныне покойного отца – в то время папа жил от базы «Пахтакора» буквально в пятистах метрах. Как и все болельщики, пахтакоровцев он обожал, к многочисленным друзьям и пирушкам своего беспутного сына относился давно уже лояльно, сам иногда не прочь

был посидеть с молодежью и потому свою квартиру в наше распоряжение предоставил охотно. На минский рейс, улетавший на рассвете, мы опоздали всего на несколько минут, нам даже в мониторе показали, как трап от самолета откатили. Но начальник аэропорта «Ташкент» пошел незадачливым пассажирам навстречу и отправил нас через час в Киев. Из аэропорта «Борисполь» мы без особых проблем добрались до Минска и только тут узнали, что команды до сих пор нет. Тревоги, по правде сказать, у нас поначалу не возникало – уж больно ребята довольны были, что не заметят их опоздания. Но на следующий день всю нашу группу пригласили в Госкомспорт Белоруссии, где зампред комитета сначала бормотал что-то невнятное про погодные условия, потом, решившись, заявил твердо: «Случилось непоправимое. Самолет разбился. Вся команда погибла». Я не смогу передать бумаге те чувства, которые владели нами в тот момент и потому прошу от этих подробностей меня уволить.

Скажу лишь одно. По просьбе белорусских руководителей мне пришлось выполнить весьма тягостную, но необходимую миссию – написать для минских СМИ траурное сообщение о гибели любимой команды. Как и всякое официальное сообщение было оно кратким и даже простой фразы «прощайте, друзья» я в том сообщении позволить себе не мог.

...С Геной Красницким (он тогда уже в спорткомитете профсоюзов работал) сдружились мы с той поры еще боль-

ше. Хотя я с «Пахтакором» больше на игры не летал, командировок у меня становилось все больше и больше, да и Гена на месте не сидел, так что виделись мы не часто. Отчетливо запомнилась мне последняя с ним встреча. Заболев двусторонним воспалением легких, я валялся в реанимации, когда поздним вечером в палату заглянул Гена. Мне говорить-то тогда было больно, а смеяться я и вовсе не мог. Из моей груди лишь вырвалось какое-то хлюпанье, когда я увидел огромного Красницкого в нелепом, казавшемся на нем детским, белом халатике, который он сумел накинуть лишь на одно могучее свое плечо. Позднему визиту друга я не удивился – для Красницкого в Ташкенте закрытых дверей не было. Гена пробыл у меня с полчаса, не меньше, потом неуклюже выставил на тумбочку возле кровати бутылку водки и на мой протестующий жест ответил:

– Да знаю я, знаю, что тебе нельзя. Я и сам сейчас ни-ни. Но ты бутылочку-то припрядь. А вот когда выздоровеешь, вот тогда мы ее с тобой вдвоем, как говорится, за здоровье».

Не пришлось нам вместе распить ту заветную бутылочку. Выписавшись из больницы, я, буквально через несколько дней, выпил горькую чарку на поминках по легендарному футболисту и прекрасному человеку Геннадию Красницкому.

Гена погиб глупой, нелепой смертью, если вообще о смерти можно так говорить. Он поехал инспектором на один из футбольных матчей каких-то периферийных команд. В зада-

чи инспектора матча входит, как известно, оценка действий судейской бригады. Судьи были явно пристрастны, гостей, как говорят футболисты, засвистели, беспомощных хозяев поля вытащили к победе за счет несправедно назначенного пенальти. Поднявшись на второй этаж маленькой районной гостинички, инспектор пригласил судей к себе в номер и огласил им оценку по пятибалльной, как и положено системе. Естественно они получили «двойку».

– Все путем, Саныч, – спокойно отреагировал за всех своих коллег рефери. – Мы сделали свое дело, ты – свое. Никаких обид. Пойдем, поужинаем, поляна уже накрыта.

– Ладно, я сейчас, – ответил Красницкий.

Он взял со стола бутылку минералки, пошарил глазами в поисках открывашки, потом открыл бутылку при помощи обручального кольца и сделал несколько крупных глотков. После этого вышел на балкон, постоял несколько секунд и... «ласточкой» бросился вниз, на блестящий от недавно прошедшего дождя асфальт.

...На внутреннем чемпионате Узбекистана, слышал я, играет сейчас команда «Пахтакор». Может быть, это хорошая команда, я, честно сказать, не знаю, да, по правде, пусть простят меня футболисты, и не интересуюсь. Ведь это давно уже не та, молодости нашей, команда «Пахтакор».

ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ ПОЦЕЛУЙ

Где-то на «Большой земле» проходили кинофестивали, всюду цвела сирень, игрались весенние свадьбы, а в полупустом самолете, летевшем в Киев, царило хмуро-напряженное молчание: в ночь с 26 на 27 апреля 1986 года люди летели в неизвестность.

История моей черновыльской командировки была обыденной и ничего героического в себе не таила.

В начале 1986 года мне выпала редкая для начинающего киносценариста удача – я получил невиданный заказ от главного пожарного управления МВД СССР. В договоре было сказано, что кинодокументалист такой-то обязуется в течение года собрать материал и написать полнометражного документального фильма о стихийных пожарах, возникающих на территории СССР, и их ликвидации. Управления пожарной охраны, в свою очередь, обязалось беспрепятственно командировать меня на территории возникновения и ликвидации пожаров, а также обеспечить на месте всеми разрешительными документами, дающими доступ к местам стихийных бедствий. Вечером 26 апреля по служебной информации, поступившей в редакции, я узнал, что в поселке Чернобыль вспыхнул пожар на электростанции (никакая АЭС в сообщении даже не упоминалась), помчался в аэропорт и как раз успел на ночной киевский рейс. В аэропорту Борисполь меня поразила безлюдность и то, что, несмотря на дождь, площадь перед аэровокзалом обильно поливали водой не меньше двадцати машин. После бессонной ночи в са-

молете пить хотелось нестерпимо, я подошел к автоматам газ-воды, сразу в три из них забросил по копейке и стал один за другим осушать стаканы. В этот-то момент подошел ко мне дворник: «Ты зачем воду пьешь из автомата? Нельзя ведь». «А что, козленочком стану?», – легкомысленно проворчал я. Дворник с досады сплюнул и пошел прочь. На такси добрался я до Киевского обкома и партии, чтобы доложить о прибытии, получить гостиничную бронь и необходимые пропуска. После недолгих переговоров из бюро пропусков, меня принял секретарь обкома Григорий Исаевич Малоокый. Его первый вопрос меня поистине обескуражил: «Ну, за каким бисом ты сюда примчался?» Я принялся обстоятельно рассказывать ему о договоре с управлением пожарной охраны, постоянно делая акцент, что фильм выйдет на всесоюзный экран, наивно полагая, что уж это обстоятельство точно должно расположить ко мне местного партийного функционера. Но Григорий Исаевич лишь болезненно скривился, выслушав мою пламенную речь.

– На пожар, говоришь, приехал? – А на какой пожар, хоть знаешь?»

– Так ведь в служебке сказано: пожар на электростанции.

– А-том–ной, атомной электростанции!, – вскричал Малоокый, – но, мгновенно успокоившись, добавил. – Ладно, вот что. Из Киева сейчас выбраться невозможно. В первую очередь отправляем женщин с детьми. Но тебе я помогу, раздобуду билет и мотай-ка ты, друг ситный отсюда поскорее.

Что на меня нашло, не знаю, но я упрямо и твердо заявил: «Я никуда не поеду. Раз приехал – буду собирать материал. Действие моего договора в связи с вашим пожаром никто не приостановил, так что я у вас прошу только пропуск в этот самый поселок и помочь мне с гостиницей. Я уже взрослый человек и сам решу, рисковать мне своим здоровьем, или не рисковать.

– Ну, раз так, то пошли, – неожиданно легко согласился секретарь обкома и повел меня в Бокову дверь, где располагалась у него, как и всех крупных чиновников того времени так называемая комната отдыха.

Из небольшого сейфа Григорий Исаевич достал пухлую папку и, листая бумаги, стал рассказывать. Он поведал, что много лет назад, когда Чернобыльская АЭС еще только проектировалась, руководство Украины пыталось резко возражать против строительства атомной станции в устье Днепра, да к тому же в таком густонаселенном районе. В союзные организации, включая ЦК партии и Совмин были отправлены тысячи экспертиз воды и почвы, заключения ученых и инженеров, строителей и экологов. Кончилось тем, что строптивым радетелям за чистоту украинской земли надрали их непокорные чубы, и не слушая никаких возражений, начали строить на правом берегу никому доселе неизвестной речушки Припять атомную электростанцию. Находящийся поблизости, весь утонувший в зеленых садах, поселок Чернобыль решили не трогать, а в километре от будущей АЭС воз-

вели суперсовременный городок, которому без лишних за-тей дали название «Припять».

По словам Григория Исаевича АЭС была построена с чудовищными технологическими нарушениями, потому что каждый энергоблок нужно было заканчивать к какому-нибудь очередному советскому юбилею, либо партийному съезду. И попробуй не отрапортуй. После окончательного завершения строительства была предпринята еще одна попытка – законсервировать станцию для устранения технических недостатков и дабы предотвратить неизбежную, как понимали специалисты, трагедию. Но им вновь объяснили, насколько стране необходим мирный атом, обвинили в попытке саботажа и Чернобыльская АЭС встала в строй прочих атомных уродцев.

– В прошлом году, – продолжал свой рассказ Малоокий, – мы проверили уровень радиации в сельхозпродукции. Он оказался повышенным. Снова стали бомбить документами центр, но на нас уже просто не обращали внимания. Мы понимали, что произойдет трагедия, не знали только, когда гром грянет. Вот вчера и грянул. Загорелась крыша энергоблока, уровень радиации зашкалил. Ребята-пожарные все отправлены в госпиталь. Несколько часов назад созванивался с Москвой, врачи ничего толком не говорят, но по их тону понял, что шансов выжить у пожарных не много. Сообщать о трагедии нам категорически запретили. На носу Первомай, потом День победы, да к тому же через Киев должна прохо-

дить международная велогонка. Короче, делаем вид, что был обычный пожар на обычной электростанции. А тут от радиации скоро люди умирать начнут. Так что, может, все-таки уедешь? – неожиданно повернул разговор секретарь обкома.

– Нет, теперь уж точно не уеду, – твердил я свое.

– Ну, гляди, – согласился Григорий Исаевич и одобрительно добавил. – Я и не знал, что ваш брат-журналист таким настырным может быть.

Утром возле подъезда гостиницы «Центральная», куда меня определили на жительство, стояла машина. Капитан Николай Коваленко из политотдела областного управления пожарной охраны сообщил унылым тоном, что ему приказано доставить меня на КПП Иванково и там ждать дальнейших распоряжений.

– А в Чернобыль мы сегодня попадем? – спросил я его нетерпеливо.

– Если не повезет, то попадем, – уныло ответил Коваленко. Пока что в тюрьму поедем, киевскую «крытку», как ее ээки называют.

– В тюрьму-то зачем?!

– Не бойсь, – успокоил капитан. – Ночью штаб заседал, принято решение, что в зону пожара в своей одежде никого не пускали. А спецкостюмы обещали только через неделю подвезти. Ну, вот и решили всех командировочных в киевской «крытке» переодевать в зэковские робы, чтобы, значит, выбрасывать не жалко было. Так что поехали, переодеваться

будем.

Но с переодеванием поначалу произошла заминка. Начальник склада, ветеран войны, уехал на похороны своего однополчанина, ключ впопыхах захватил с собой, так что попасть в хранилище одежды не удалось. На вопрос, долго ли ждать кладовщика, сотрудник тюремной администрации оптимистически ответил, что, возможно, и долго. Мол, похороны, потом наверняка поминки, глядишь, к вечеру и вернется. Впрочем, тут же выход был и найден. Из какой-то камеры извлекли подследственного вора-форточника, он через окошко под потолком проник на склад, открыл изнутри английский замок и нам был выдан полный набор – брюки с курткой и кепкой, белье, носки и ботинки. Свою одежду мы упаковали в специально выданные толстенные целлофановые пакеты, которые на специальной машинке заклеили.

Эта процедура повторялась в последствии ежедневно и неукоснительно. Выезжая из так называемой «черной зоне» мы на КПП «Иванково», что в десяти километрах от АЭС, переодевались в свое гражданское и возвращались в Киев. Но как-то раз, на выезде из Чернобыля, нас остановил патруль и велел следовать в санитарный пункт. Там у нас с Николаем забрали дозиметры, часа два с половиной что-то там проверяли. Потом сообщили, что был недавно очередной выброс, но нам повезло, дозу мы схватили пустяковую. Сделали соответствующую запись в «Карточке доз радиоактивного облучения», вручили по бутылке красного вина и посоветовали

по прибытии в Киев немедленно принять горячий душ, так как на санпункте горячей воды сегодня нет, как, собственно, не было вчера и не предвидется завтра. Мой неизменный сопровождающий Николай пытался по поводу экстремального случая разжиться спиртяшкой пытался, но майор медслужбы хмуро ему заявил, что спирт снимает стресс, а красное вино – радиацию. После этого он порылся в каких-то коробках, выудил оттуда два коричневых пузырька с плотно притертыми резиновыми пробками и без наклеек и еще раз предупредил: Сначала вино, а потом уж, если не свалитесь, можете и этого хлебнуть».

Через КПП мы промчались с ветерком, единодушно решив, что с профилактикой затягивать нельзя, а зэковскую робу можно и дома скинуть. Коля оставил меня возле гостиницы и я направился к освещенному подъезду, где, несмотря на поздний уже час, дежурил неизменный швейцар в расшитой золотыми галунами ливрее. Он преградил мне дорогу и потребовал: «Пропуск». Я показал ему целлофановый пакет с одеждой и стал объяснять, что все мои документы, в том числе и визитная карточка гостиницы «Центральная», находятся внутри, но швейцар был непреклонен и твердил одно-единственное «Пропуск».

- Да я уже двенадцать Дей как здесь живу.
- Знаю, – подтвердил швейцар, – в 312-м номере.
- Ну так?..
- Пропуск.

– Ты же видишь, я из Чернобыля приехал, мне в душ побыстрее надо.

– Вижу, что из Чернобыля, в таких шматах только из Чернобыля приезжают. Пропуск.

– Ну, хорошо, отец, дай мне тогда бритвочку какую-нибудь или нож, там, перочинный, а то как же я пакет открою, – попросил я его.

– Не имею права пост покидать, – оставался неумолимым швейцар.

Поняв всю тщетность своих попыток, я вцепился зубами в целлофановый край пакета и стал терзать его. Кое-как надорвав край, я извлек из кармана куртки гостиничный пропуск и протянул его швейцару. Он изучал его так долго, словно видел впервые. Потом вернул мне и сделал широкий приглашающий жест. И тут я схватил его крепко-накрепко, прижал и зашептал в самое ухо: «А вот теперь за безупречную службу я подарю тебе наш чернобыльский поцелуй, чтобы и тебе, бюрократ проклятый от моей дозы тоже перепало». Он рвался из моих рук птицей, попавшей в силки, но я не ослаблял усилий, стараясь смотреть ему прямо в глаза, и выпустив только тогда, когда насладился всласть его животным страхом.

Моя чернобыльская командировка затянулась до сентября. Я мотался с солдатами на эвакуацию жителей пораженных радиацией сел, довелось мне побывать в опустевшем и омертвевшем городе Припять, на искореженном пожаром и

разрушениями Четвертом энергоблоке, да и многое другое пережить во время той командировки. Я не очень-то охотно о ней вспоминаю, но вот иезуита-швейцара почему-то запомнил.

ЗАРАЗНЫЙ КЕФИР

Чернобыльская командировка завершилась для меня больничной палатой. Здесь, в госпитале, познакомился я с легендарным командиром пожарных, тушивших в то страшное утро 26 апреля 1986 года огонь на крыше Четвертого энергоблока, Героем Советского Союза Леонидом Телятниковым. Как Леня выжил при такой невероятной дозе облучения, не понимали даже врачи. Не понимали и оттого, еще больше радовались, что сумели спасти жизнь этого удивительно мужественного человека. Человека немногословного, но очень доброго, Леню все очень любили, навещали его часто и всякий раз друзья извинялись, что пришли в палату с пустыми руками. Врачи строго следили, чтобы никаких продуктов в отделение, где лежали чернобыльцы, не приносили – питание было строго ограничено специально разработанным рационом.

Но как-то раз один из друзей Телятникова все же умудрился пронести с собой бутылку водки. Дождавшись «тихого часа», мы с Ленею выскользнули из палаты и направились было в больничный парк. Но по дороге вспомнили, что за-

куски-то у нас с собой никакой нет, а на ослабевший организм поллитровка может подействовать, ну скажем, неадекватно. Я вызвался «чего-нибудь сообразить». Больница была огромная, отделений множество и я отправился в свой вороватый поиск. Забрел, должно быть, в какое-то желудочное отделение – когда украдкой открыл холодильник, то обнаружил там одни только молочные продукты. Особенно много было кефира. Бутылки просто в штабеля выстроились. Успокоив свою совесть тем, что от нехватки одной бутылки никто тут не пострадает, я быстренько припрятал кефир в карман просторного больничного халата и был таков. В укромном уголке сада мы устроились под ветвями огромного дерева с максимальным комфортом. Насмешив Леню высказыванием, что газета – скатерть журналиста, мы выставили на «Известия» обе бутылки и, не спеша, приступили к «обильной» трапезе. Стояла тихая золотая осень, листья уже были багряными, источая непередаваемый аромат. Мы были живы, беседовали не спеша, хмель приятно будоражил, одним словом, пир удавался на славу. Как вдруг все разом изменилось. В сад, словно буря, ворвался наш палатный врач, за которым, смешно семеня, едва поспевала медсестра. Уж как они прознали о нашей вылазке, и по сей день не ведаю. Да только прознали. Доктор несся на нас стремительно и полы его расстегнутого белого халата развевались на бегу. Как и все мужики, застигнутые за пьянкой врасплох, мы произвели мгновенное и вполне, казалось, правильное действие – од-

ним движением спрятали за толстый ствол дерева бутылку водки, другим движением подвинули ближе к середине газетного листа бутылку кефира и приняли самый безобидный вид. Дескать, что страшного-то случилось? Ну, вышли в сад в неурочное время, эка беда. Врач, подлетев к нам завелся с ходу:

– Как вам не стыдно. Мы вас лечим, стараемся, ночей не спим, государство валюту на иностранные лекарства выделяет, а вы! А вы!..

Он был возмущен до предела, голос его срывался, по лицу шли красные пятна.

– Да что мы-то? Что мы плохого сделали? – попытались мы с Леней перейти в атаку.

– Они еще спрашивают? – окончательно возмутился доктор, взглядом призывая в свидетельницы медсестру. Они не понимают, что он плохого сделали. Вы же кефир пьете! – уже не закричал, а завопил доктор.

Мы поняли всю тяжесть свершенного нами против себя преступления – все, без исключения, молочные продукты, как содержащие белые тельца, в процессе лечения нам были запрещены категорическим.

ВЕРНЫЙ, КАК СОБАКА

Когда мы с Руфатом Рискиевым познакомились, было нам лет по десять и

Бегали мы на занятия боксом в ташкентский Дворец пионеров. Для ташкентских мальчишек это было совершенно особое место. Я, вроде, и пацанов-то таких не знал, кто не побывал бы в этой секции бокса и не прошел уроки у тренера Джаксона.

Вот уж был поистине легендарный человек. Его полное имя Сидней Луи Джаксон, но мы, мальчишки, звали его на русский манер Сиднеем Львовичем, а то и Сергеем Львовичем. Его необычную биографию пересказывали с самыми фантастическими подробностями. А в 1963 году вышел роман писателя Георгия Свиридова «Джексон остается в России» и вот, прочитав эту книгу, мы узнали подробности.

Сидней Джаксон родился в Нью-Йорке, с юных лет занимался боксом и в довольно молодом возрасте стал чемпионом США. В одном из боев получил серьезную травму руки и врачи категорично заявили, что полгода ни о каком боксе и думать нельзя. В этот самый момент к нему обратился некий бизнесмен с предложением поехать в Россию. Он собирался торговать там мясным и консервами в обмен на пушнину и полагал, что такой секретарь и телохранитель, как чемпион Америки по боксу, ему в далекой и загадочной России не повредит. Сидней согласился и они приехали в Архангельск.

С самого начала торговля у незадачливого бизнесмена не заладилась. Охотники-промысловики на мясные американские консервы смотрели с брезгливостью и покупать их, а тем паче обменивать на пушнину не хотели. А потом нача-

лась Первая мировая война, бизнесмен темной ноченькой собрал свои манатки и попросту бежал, бросив своего телохранителя без единого цента в чужой стране. Время было тревожное и смутное, ответ на письмо, отправленное в американское посольство, пришел только через три месяца. Американские власти рекомендовали своему гражданину добираться домой кружным путем, через Китай. Где-то через год Джексон добрался лишь до Ташкента – без денег, в лохмотьях. Нужно было зарабатывать на дальнейшую дорогу, он устроился в портняжную мастерскую, поселился на квартире у пожилого узбека, который, сочувствуя своему бедолаге-квартиранту, приносил по вечерам лепешку и горстку плова. Сидней прижился в Ташкенте, когда немного поправились его дела, открыл первую в Средней Азии секцию бокса, первым в регионе получил звание заслуженного тренера СССР, воспитав целую плеяду чемпионов. И каждый из нас, отправляясь во Дворец пионеров, мысленно видел себя на спортивном олимпе.

Руфат стал одним из тех, кто на этот олимп действительно поднялся. После смерти Сиднея Львовича он занимался у замечательного тренера Бориса Гранаткина, который по сути заменил мальчишке рано ушедшего из жизни отца. Завоевав золотую медаль чемпиона мира в Гаване и серебро Олимпийских игр в Монреале, Руфат Рискиве стал поистине национальным героем Узбекистана. Было решено снимать о нем художественный фильм, который в итоге вышел на экра-

не под названием «На ринг вызывается...» Руфата пригласили на картину в качестве главного консультанта. Актер, занятый в главной роли, оказался не редкость неспортивным человеком. Даже элементарная боксерская стойка ему не удалась и Руфат часами пытался обучить его хотя бы зачаточным навыкам. Тщетно. Однажды кто-то на съемочной площадке обратило внимание режиссера на то, как пластичен Рискиев, как хорошо двигается, раскованно говорит. Отчаявшийся режиссер решил рискнуть. Вот так в итоге заслуженный мастер спорта СССР по боксу Руфат Рискиев сыграл в художественном фильме главную роль, создав образ Руфата Рискиева.

В его жизни все с той поры пошло наперекосяк. Руфат «заболел» кино. Он оставил должность заведующего кафедрой физкультуры политехнического университета, забросил кандидатскую диссертацию, которую начинал с таким воодушевлением, перестал тренировать мальчишек, Поначалу ему еще поручали какие-то роли – почему-то в основном он играл басмачей, потом лишь отдельные крошечные эпизоды и, в конце-концов, перестали снимать вовсе. Жестокий мир кино попросту растоптал его.

Все эти годы мы продолжали дружить, я был рядом и тогда, когда, излечившись наконец от кинематографа, Руфат снова вернулся на тренерскую работу, постепенно становился собой прежним, играя на гитаре, декламируя сонеты Шекспира и рубайи Омара Хайяма, сыпал анекдотами,

которые знал несчетное количество.

Однажды вечером он заехал за мной в редакцию, ждал пока я освобожусь и от нечего делать написал на ватмане четверостишие Хайяма:

«Всех пьяниц и влюбленных ждет геенна. Не верьте, люди этой лжи презренной.

Коль пьяниц и влюбленных в ад согнать,

Рай опустел бы завтра ж несомненно»,

Заглянувшие в кабинет дамы из отдела литературы и искусства пришли в неопиcуемый восторг. Их поразило, что боксер написал стихи без единой грамматической ошибки. Руфата же этот восторг покоробил. «Я чуть не не всего Шекспира наизусть знаю, а они балдеют, что я пишу без ошибок», ворчал он весь вечер.

Как-то раз мои друзья уехали в двухгодичную командировку за рубеж. Меня попросили присмотреть за домом. Это был какой-то несуразно огромный дом из восьми, кажется, комнат. В нем было гулко и одиноко. Я предложил Руфату перебраться ко мне. Мы оба были не женаты, он принял предложение с удовольствием, понимая, что в этих хоромах веселым нашим пирушкам никто не помешает. Дом быстро превратился в проходной двор, многочисленные друзья и подруги приезжали в любое, даже самое неурочное время.

Как раз в этот период приехали в Ташкент коллеги-журналисты из Москвы для подготовки по поручению АПН серии репортажей, посвященных какому-то очередному юби-

лею республики. Утром, уходя из дому, говорю Руфату: «Хочу коллег сегодня домой пригласить. Ты бы съездил на базар, купил все для плова, а я вернусь и приготовлю».

Вот еще, – отмахнулся он. – Гость в дом, счастье в дом, Езжай по своим делам и ни о чем не беспокойся, я и на базар сгоняю и плов приготовлю.

– А ты умеешь?

– Совести у тебя нет, – возмутился Руфат. – Заподозрить узбека в том, что он не умеет плов готовит, значит, узбека оскорбить. А еще друг называешься.

На том и расстались. Весь день мы с коллегами занимались делами, Под вечер заехали в редакцию. Тут я очень кстати припомнил об одной нашей общей с Руфатом шутке, которой мы ловко многих разыгрывали. Говорю коллегам самым невинным тоном. Сейчас ко мне домой поедем, так вы не пугайтесь. Там у меня собака с виду очень грозная, но на самом деле добрая. К тому же говорящая.

– Как понять, говорящая?

– Да так и понять – говорящая. Вы что собак говорящих не видели.

– Фотокор Леша Федоров авторитетно подтверждает, что да, дескать, есть такие бульдоги, они когда зевают, у них зевок такой протяжный, что отдаленно слово «мам» напоминает.

– Да нет, – возражаю Леше, – У меня натурально говорящая собака. Болтает – не остановишь. Ну, а если не верите,

вот телефон, позвоните и убедитесь.

Федоров придвигает к себе телефон, набирает продиктованный мной номер и после гудков слышит на другом конце провода: «Собака Якубова слушает». От неожиданности он даже трубку выронил и кричит: «Поехали немедленно, хочу говорящую собаку увидеть»,

Приезжаем, звоним в дверь. Выходит Руфат, останавливается на пороге, поднимает к груди обе руки и отрывистым голосом вопрошает: «Хозяин, рвать, кусать, или в дом пускать?»

Я важно так отвечаю: «Это друзья, в дом пускать и за стол приглашать». Ребята смеются, один говорит: «Видно ты великий человек, если у тебя чемпион мира Рискиев в доме за собаку живет».

Расселись у стола, закусываем, шутим, байки всякие травим. Я выразительно пощелкал по циферблату часов и вопросительно на друга смотрю. Руфат успокаивающий жест сделал – не беспокойся, отвечает, через пятнадцать минут плов подам. За чем-то пошел я на кухню. Смотрю, на столе огромная миска стоит, доверху наполненная морковью. Самые нехорошие появились у меня предчувствия, но пытаюсь себя успокоить: наверное, Руфат слишком много моркови нарезал и эта лишняя. В этот момент и сам незадачливый повар на кухне появился. Киваю на миску: что это? Рискиев бедный, белее стены стал:

– Убей, – кричит, меня, ишака, я морковь в плов положить

забыл. Чего делать-то теперь. Может, мы ее отдельно потушим, а потом все смешаем?

Короче, как-то мы из этой ситуации выкрутились, но когда гости ушли, стал я на друга ворчать. Настроение, правда, было хорошее, сориться не хотелось, тем более, что Руфат пошутил блестяще: «Подумаешь, плов запорол. Зато у тебя друг – верный как собака. Это сегодня все признали».

Х Х

Х

ГЛАВА 5

Подул ветер перестроченных перемен. И хотя цензуру никто не отменил, у нас в газете появились по-настоящему острые материалы. На смену Николаю Федоровичу Тимофееву, ушедшему на пенсию, пришел другой редактор, по фамилии Неклесса. Первым делом он собрал весь коллектив и прочитал нам стишок о себе: «Я Неклесса – сторонник прогресса». Сторонник прогресса принимал только коллегиальные решения. Так однажды коллектив решил, что меня нужно выбрать председателем профкома редакции. Я об этом узнал, когда меня хитростью, я в этот момент какую-то важную тему копал, заманили на профсоюзное собрание. После собрания я дома посмотрел на себя придирчиво в зеркало и фальшиво пропел: «Я бы мог быть лихим гайдуком, мог шахтером, танкистом, чекистом, но меня выбирают в мест-

ком. Не куда-нибудь, а в местком, потому что характер говнистый». Решив, что характер менять не стану, уснул сном праведника. Председателем профкома я, надо полагать, был никудышним – постоянно торчал в командировках и даже, вернувшись однажды домой, с удивлением обнаружил, что доченька моя уже ходит. А ведь когда уезжал, точно помню, ползала еще. Но хоть одно удовлетворение мне и мои коллегам эта должность принесла.

В творческих кругах Ташкента был печально известен некий Илья Леин. Выпускник журфака, он ни дня в газете не работал. Еще со студенческой поры про Илюшу доподлинно было только одно – стукач. Это свое качество он и сделал основной специальностью. Был он омерзителен до такой степени, что даже жениться не смог.

Как-то повели Илюшу свататься в один дом. Там произрастала дочка, чей отец был по национальности узбеком, а мать еврейкой. Узбеки девочку чурались за еврейскую маму, а евреи не рассматривали ее в качестве невесты из-за отца-узбека. Пришел Илюша. Сели ужинать, пили чай. Потом папа-узбек вывел свата в другую комнату и прошипел:

– Я что, свою дочь на помойке нашел. Забери этава гадина отсюда, пусть дочка всю жизнь со мной живет, чем такому отдам».

Так вот, по окончании университета, стали Илюшу некие невидимые, но весьма влиятельные силы устраивать на работу в различные творческие организации. Но конкретно толь-

ко в те, где предполагалось снять начальника, а снимать было не за что. Илюша должен был нарыть компромат и в мерзком соевем искусстве весьма преуспел. Начальника снимали, Илюшу отправляли в другую организацию и все повторялось сначала. Так, наконец, он добрался до «творческой вершины» – главной газеты республики. Когда секретарь ЦК все еще существующей компартии привел его к нам за ручку, народ встал на дыбы. Мы открытым текстом заявили партийному боссу, что прекрасно осведомлены об истинном роде занятий товарища Леина. Но секретарь, без тени смущения, заявил, что с прошлым покончено и Илья Леонидович рекомендован нам только работать. И больше ничего. Не придя с нами к демократическому консенсусу, секретарь ЦК повелел главному редактору принять Илюшу в порядке партийной дисциплины.

Тогда из Леина взялись мы сами. Как известно, хуже дурака может быть только дурак с инициативой. Будучи профессионально абсолютно непригодным, но привыкшим свой нос совать повсюду, Леин без труда и затей схлопотал себе три выговора с занесением в трудовую книжку, после чего был уволен по соответствующей статье КЗОТа. Он подал на нас в суд, но суд решение администрации газеты оставил в силе.

На следующий после решения суда день Леин заявился в редакцию и сказал, что всем нам теперь хана. Он-де вчера вечером дозвонился по домашнему телефону до предсе-

дателя ВЦСПС Геннадия Янаева Зная его способности, мы и не сомневались, что он не врет. И точно, уже на следующий день в редакцию пришла телеграмма на красном правительственном бланке. Будущий гэкачепист и несостоявшийся президент СССР, а пока еще председатель всемогущего ВЦСПС приказывал: «Председателю профкома газеты «Правда Востока» Якубову. Немедленно восстановить в занимаемой должности корреспондента Леина. Янаев». Поскольку телеграмма была адресована мне, то я, никому ее не показывая, отправился на почту и быстренько накатал ответ: «Председателю ВЦСПС Янаеву. Решение администрации и профкома «Правды Востока» об увольнении Леина утверждено народным судом Ленинского района Ташкента. Вопрос о восстановлении Леина в занимаемой должности может быть решен только по решению вышестоящей судебной инстанции. Председатель профкома Якубов». Шеф узнав о моей выходке, побледнел, тихонечко осел в кресло и прошептал еле слышно: «Ну, теперь тебе точно хана». Я с чувством продекламировал ему фразу из известной песни, которую острословы называли гимном алиментщика: «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз», про себя добавил для Янаева: «А вы ищите нас, девчата, по разным адресам и укатил в очередную командировку.

Но Янаеву было явно не до нас. Леин судился еще долго, но так ничего и не высудил, а что с ним случилось потом, я и понятия не имею.

Вернувшись после в редакцию после долгих странствий, я с радостью узнал, что у нас новый главный редактор. Им стал Рубен Акопович Сафаров. Он уже лет десять как переехал в Ташкент, работал сначала в ЦК партии, потом замминистра печати и вот теперь был назначен главным редактором «Правды Востока». По утрам у нас проходили планерки. Я уселся на свое законное место. В зал вошел Сафаров. Оглядев собравшихся, он сказал: «Сегодня ровно три месяца, как я здесь работаю. И за три месяца у меня первый радостный день – Олег вышел на работу». Недруги мои заскрежетали зубами.

– Я и вправду рад, старик, – сказал Рубен Акопович. – Ты уж не более больше, пожалуйста, да и вообще пора тебе остепениться. Ты же все-таки заведующий отделом, лауреат премии Союза журналистов, заслуженный работник культуры, орденами награжден. Ну, сколько тебе еще по свету мотаться? Давай-ка вместе подумаем о твоей новой должности.

– Спасибо, Рубен Акопович, только зря вы так подробно все мои регалии перечисляли. Моя главная должность – репортер, мне другой не надо.

– Ну, это мне решать, чего тебе надо, а чего не надо, – сурово отрезал шеф, и я понял, что характер у него со дней моей андижанской юности не помягчел.

Слова у него с делом и раньше не расходились. Уже на следующий день главный собрал внеочередное заседание редколлегии, куда зачем-то и меня вызвали.

– Сегодня состоялось заседание бюро Центрального комитета, – проинформировал Сафаров. – Рассматривались и кадровые вопросы. В числе других назначений, членом редакционной коллегии нашей газеты утвержден заведующий отделом информации Олег Александрович Якубов. Должностные обязанности нового члена редколлегии будут определены в ближайшие дни, а пока поздравим нашего коллегу. Вас Олег Александрович, – обратился он ко мне, – попрошу банкетом по поводу новой должности не увлекаться. Завтра к десяти утра вы должны быть у заведующего сектором учета ЦК.

Утром с больной головой, банкетом мы все-таки увлеклись, пришел на прием к завучем ЦК.

– На самом деле вчера на бюро только утверждали твою кандидатуру, а решение было принято еще когда ты в командировке был. Так что заполняй «объективку» и поставь число месяцем назад. Он протянул мне бланк анкеты и я быстро ее заполнил. Заведующий сначала бегло ее прочитал, потом протянул анкету снова мне: «Номер партбилета не проставил».

– А у меня его нет, – ответил я легкомысленно.

– Ну, братец, когда в Центральный комитет партии идешь, партбилет надо при себе иметь.

– Да нет, вы не поняли, у меня его вообще нет.

Чиновник вышел из-за стола, закрыл кабинет на ключ, из сейфа вынул бутылку «Посольской», разлил в два стакана и

молча выпил, призывая меня следовать его примеру. После вчерашнего застолья это было очень кстати, я с удовольствием присоединился. «Ну, а теперь рассказывай, куда партбилет дел. Потерял? Украли? Давай, подробно, без утайки.

– Да нечего мне утаивать. Откуда у меня может быть партбилет, если я беспартийный?

– А как же тебя бюро ЦК утвердило? – не по адресу обратился он.

Когда, вернувшись в редакцию, я подробно изложил разговор в ЦК, Рубен Акопович всплеснул руками: «Вот сколько помню тебя, вечно с тобой все не слава Богу». Но на следующий день вызвал меня и я увидел, что шеф весьма в хорошем расположении духа.

– Сначала я, конечно, получил нахлобучку. Но, поскольку в новой должности, ты еще ничего натворить не успел, то тебя решили в ней и оставить. За основу приняли мое мнение: учитывая процессы перестройки, ввести в редакционную коллегию партийной газеты товарища Якубова, осуществляющего неразрывную связь блока коммунистов и беспартийных. А теперь все же скажи, как ты умудрился за столько лет не вступить в партию, да еще столько наград нахватать? Впрочем, теперь это уже неважно. В партию надо вступить.

Не стану врать, что был я идейным противником компартии. Даже заявление о приеме в КПСС однажды подавал. Мне тогда отказали, сказав, что молод еще. Потом я к этому

не возвращался. К тому же явно видел, что в партию вступают по большей части карьеристы. Были, конечно, и честные, идейные коммунисты, но за последние годы что-то они мне все реже встречались. Так что желание идти с ними в одном строю у меня постепенно и вовсе пропало.

...Я сидел за пишущей машинкой в своем новом кабинете, на которой теперь красовалась табличка «член редакционной коллегии», когда ко мне чуть не строем вошло партбюро редакции в полном составе. Секретарь партбюро провозгласил торжественно: «Товарищ Якубов, партийное бюро «Правды Востока» решило оказать вам высокую честь и рекомендовать вас кандидатом в члены КПСС».

– Чаю хотите? – радушно предложил коллегам.

– Какого чаю? – возмутился партийный лидер газеты. – Ты что, не понял, тебя в партию принимают. Или ошалел от счастья?

– Нет не ошалел, потому и не хочу.

– Чего не хочешь?

– В партию не хочу.

Они молча повернулись и строем, как вошли, так и вышли.

Через минуту в динамике селектора раздался голос главного: «Зайди!»

Зашел. Партийцы сидели в полном составе, надутые как мышь на крупу.

– Объясните нам, товарищ Якубов. – в голосе Сафарова

звенел метал. – У вас что, существуют какие-то расхождения с курсом КПСС.

– Расхождений с курсом КПСС у меня нет. У меня существуют расхождения с отдельными членами КПСС, – заявил я, признаться, неожиданно даже для самого себя,

– Поясните, что вы имеете ввиду.

– Освободите партию от карьеристов, взяточников и негодаев и я в эту обновленную партию вступлю.

– Ты хоть понимаешь, что ты натворил? – спросил меня шеф, когда я вечером по каким-то делам заглянул к нему в кабинет. – Кто тебя за язык тянул говорить это вслух при них. Там же каждый второй – стучит.

– Значит, я прав. Они плохие коммунисты.

Сафаров глянул на меня сожалеюще, как смотрят на ребенка, не способного понять очевидное: «Тяжело тебе теперь будет».

Вовсе и не собирался я никуда уезжать, хотя в Израиль друзья давно звали и даже вызов прислали. А тут, сразу, вдруг, решил: «Уеду»!

На следующий день и уехал, не в Израиль, конечно, а в Фергану, где разыгрались трагические события. Я тогда не знал, что это последняя моя командировка в качестве специального корреспондента центральной партийной газеты «Правда Востока».

ТРИ КОПЕЙКИ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ ИДЕЮ

В июне 1989 года Ферганской области Узбекистана озверевшие бандиты убивали турок-месхетинцев. Официальная версия хотя и выглядела неприглядно, но была все же приглаженной. Якобы турки обосновались самочинно на местных базарах, выдавив оттуда продавцов из числа местной национальности, подмяли под себя пекарни кондитерские цеха. Местные не выдержали такой наглости, вооружились и пошли по турецким домам жечь, грабить, убивать.

На самом деле, еще за несколько месяцев до трагических событий, в оперативных сводках милиции и КГБ, с тревогой отмечалось, что в Фергану хлынул целый поток рецидивистов со всего необъятного Союза. Председателю ферганского областного Управления КГБ в одном из кабинетов, откуда хорошо видна Красная площадь, да и Магадан не хуже проглядывается, сделали «ну-ну-ну» и настрого велели обстановку не нагнетать. Кончилось это тем, чем кончилось. Местные националисты решили зубы власти показать, понимая, что собственных силенок маловато, под свои зеленые знамена привлекли уголовников. Деньги и наркотики сплотили их ряды, а уж кого убивать, было всем абсолютно безразлично. Выбор пал на турок-месхетинцев (армянские и еврейские погромы случились чуть позже), с них и начали.

Турки жили тогда компактно в одном из окраинных районов Ферганы, буквально за одну ночь на воротах каждого турецкого двора появился красный лоскут – дабы не пройти

впопыхах мимо и не упустить жертву. Вооруженные бандиты врываются во дворы, выгоняли жителей из домов, запирали их в погреба, двери погребов снаружи подпирали колом, а то и просто лопатой, так что не вырваться, и подвалы поджигали, так что люди сгорали живьем. Немногим тогда удалось спасти, убежать от расправы. В Фергану были стянуты внутренние войска МВД, возле здания обкома партии выстроилась цепь вэвешников, так как бандиты уже предприняли несколько попыток прорваться в само здание. Солдатам, этим восемнадцати-двадцатилетним юнцам, строжайше было запрещено применять оружие. Бандиты глумились над ними. Какая-нибудь опьяненная наркотиками сволочь подходила к цепи заграждения, отодвигала солдатский пластиковый щит в сторону, плевала смачно в лицо, под гогот, свист и улюлюканье, не спеша, уходила прочь. А бесправный солдат стоял, не смея ничего сделать, и только слезы (я сам видел!) бессилия и обиды текли по мальчишеским щекам.

Вечером первого дня бесчинств в Фергану прилетел спецрейс из Москвы. Правительственные чиновники и партийные лидеры Узбекистана уже ждали представителей советского руководства. Среди прибывших был и председатель Совета национальностей Рафик Нишанов, а также министр внутренних дел СССР Вадим Бакатин. Всем своим видом Бакатин давал понять, что он здесь главный и решение будет принимать самолично. Известно, у кого войска, у того и сила. Я присутствовал, понятно, в качестве журналиста, на

том ночном совещании в Ферганском обкоме партии. Среди многих других наиболее остро обсуждали вопрос о возможности применения внутренними войсками оружия. Бакатин упорствовал, говорил, что на провокации нельзя поддаваться.

– Они же людей убивают, в том числе и ваших солдат, – не выдержав, подал я реплику с места.

– Это еще кто такой? – чванливо и с безгливой миной на лице поинтересовался Бакатин.

Ему пояснили – журналист партийной газеты «Правда Востока».

– Какой еще «Правды Востока»? Я о такой газете даже не слышал, – возмущенно фыркнул Бакатин.

«Остапа понесло»:

– «Правда Востока» – одна из старейших газет Советского Союза, издается апреля 1917 года, и вас, как союзного министра, не красит, что вы об этом не знаете, – безрассудно выкрикнул я.

Поскольку в зале обкома, где проходило совещание, курить было не принято, мне тут же «порекомендовали» пойти покурить. Ранним утром московские небожители улетели, министр внутренних дел приказ о применении оружия так и не отдал. Лишь выходя из здания обкома, он остановился перед строем и многозначительно сказал: «Солдаты, я позабочусь о том, чтобы больше ни один волос не упал с вашей головы».

В ферганской командировке я провел около недели, пока не утихло там все. В одном из подожженных домов, пытаясь открыть подвал, где были заперты люди, получил по плечу камнем – метили, видно, в голову, да, на мое счастье, промахнулись. Спать почти не приходилось – в редакцию ежедневно передавал репортажи. Когда вернулся в Ташкент, равнодушно выслушал сообщение о «присвоении» мне очередного выговора. На сей раз был наказан за то, что мои, уже опубликованные в советской газете репортажи, перепечатывали на Западе и даже, как с особым возмущением было подчеркнуто ответственными товарищами, – в Японии, что, по их мнению, видимо, свидетельствовало о крайней степени моего морального и профессионального падения. Понятно, все попытки объяснить, что при перепечатке никто моего разрешения не спрашивал, никакого действия не возымели. Уже позже непосредственное начальство мне объяснило истинную причину недовольства правителей. В своих репортажах я, насколько мне удавалось это сделать убедительно, последовательно доказывал, что человек, с оружием в руках посягнувший на жизнь любого мирного жителя, именуется не иначе как бандит, судить и наказывать его надо в соответствии с уголовным законодательством и всякие национальные или религиозные погрешности в расчет братья не должны. Такая точка зрения, объяснили мне, слишком экстремальна, с нарождающимися явлениями борьбы за национальное самосознание надо обращаться поуважитель-

нее. В доказательство того, что я натворил своими резкими и необдуманно явленными мне посоветовали инкогнито побывать на одном из первых санкционированных митингов националистов. Я отправился туда и увидел, среди прочих транспарантов, довольно большое зеленного цвета полотнище, где «дифирамбы» в мой адрес были сформулированы одной фразой: «Якубов – враг узбекского народа».

А через несколько дней после этого я получил повестку в народный суд. Там мне было объявлено, что новая общественная организация под названием «Бирлик» подала иск, считая мои репортажи оскорбительными, и требуя меня за эти публикации примерно наказать.

Слово «Бирлик» сами участники организации переводили как «единство», хотя один языковед поведал мне, взяв слово хранить его слова в тайне, что «бирлик» правильнее следует переводить, как «одиночество». Но не в лингвистических тонкостях смысл. «Бирлик» была и остается экстремистской организацией националистического толка, ее деятельность давно уже в Узбекистане запрещена, а лидеры «Бирлика» нашли себе пристанище в далеких странах и теперь из-за бугра льют грязь на свою страну, пытаясь себя выставить великомучениками и последовательными борцами с режимом.

На первое судебное заседание (а всего их было что-то около десяти) бирликовцы подъехали к зданию суда на пяти вместительных автобусах. С гиканьем выскочив из «Икарусов», они развернули свои многочисленные транспаранты и

устремились во внутрь. Но в народном суде крохотные, давно не отремонтированные зальчики, могли вместить ну от силы человек пятнадцать. Так что основной толпе пришлось митинговать на улице, мешая трамвайному движению и отпугивая прохожих.

После одного из заседаний, меня попросила заглянуть к ней в кабинет судья. Молодая еще женщина, усталая и чем-то подавленная, явно не знала, как начать разговор. Потом решилась:

– Я знаю, это недостойно, но я боюсь. Просто физически боюсь. И не столько за себя, сколько за своих детей. Мне звонят по телефону, подбрасывают записки с угрозами в почтовый ящик и под дверь. А вчера мне мое руководство заявило, что в отношении вас я должна принять пусть символическое но обвинительное решение.

За пару дней до этого в моей квартире, метнув камень, кто-то разбил оконное стекло, вечером жена с тревогой сообщила, что по домашнему телефону уже несколько раз звонили и предупреждали, что «если твой муж не угомонится, пострадает вся семья». Я попытался успокоить ее банальным: «кто делает, тот не грозит, а кто грозит, не способен ничего сделать». И все же, от греха подальше, семью перевез. Что я мог сказать теперь этой запуганной женщине-судье?

Наконец, этот утомительный для меня процесс подошел к концу. Судья, посчитав, что какую-то из моих фраз в одном из репортажей, можно истолковать двояко, вынесла ре-

шение: оштрафовать автора статьи на пять рублей. В решении было также сказано, что означенную сумму я должен почтовым переводом отправить на такой-то расчетный счет. Получив в канцелярии решение суда и расписавшись, я на следующий день отправился на почту.

Почтовая служащая равнодушно просмотрев бланк перевода сказала: «Платите три копейки». Пошарил в карманах, мелочи не обнаружил: «А вы знаете, сказал служащей, у меня при себе всего пять рублей. Что делать-то?»

– Да ничего, – ответила она все так же равнодушно. – Вычту из вашей пятерки три копейки за отправку, всего и делов.

Какая богатая мысль, – восхитился я про себя и попросил новый бланк перевода. Заполнив его заново, в графе «для письменных сообщений» сделал приписку: «Поскольку решение суда Ленинского района города Ташкента не определяет, за чей счет должен быть осуществлен почтовый перевод, вычитаю из присужденной мне суммы штрафа 3 (три копейки). Вот так я заплатил за «национальную идею».

Х Х

Х

ГЛАВА 6

Телефон в квартире больше не звонит. Он мочит вот уже три месяца, с того самого дня, когда я подал заявле-

ние об увольнении из «Правды Востока». В первом заявлении я честно изложил причину ухода – в связи с выездом на постоянное место жительства в государство Израиль, потом, уступив просьбе кадровиков, заявление переписал, обозначив причину увольнения пресловутым «собственным желанием». Когда я сообщил о своем решении Сафарову, он спросил: «Ты уже подал документы?»

– Через пару дней подаю, поэтому хочу, чтобы приказ об увольнении был изан раньше.

– Я тебя не гоню, – буркнул шеф. – Понятно, что членом редколлегии ты при сложившихся обстоятельствах оставаться не можешь, но простым корреспондентом – пожалуйста.

– Я слишком хорошо к вам отношусь, Рубен Акопович, чтобы еще и вас под удар подставлять. Предвижу, что шум будет большой, так что лучше мне самому уйти, чем дожидаться, пока меня с треском выпрут. Да и вам так спокойнее будет.

– О себе я как-нибудь сам позабочусь, – вспылил главный и, подписывая заявление, добавил. – Я остаюсь при своем мнении и отношения к тебе не изменю. Удачи.

Потом была традиционная отвальная, где выпивая ставшую в то время дефицитом водку и, поглощая не менее дефицитные закуски, мои, теперь уже бывшие соратники, доступно объяснили, кто я, на самом деле, есть таков. Узнал о себе много нового, о чем раньше и не подозревал. «На пошонок» наименее пьяный и, видно, от того особенно озлоб-

ленный коллега вслух выразил общее мнение: «Ты еще на коленях обратно приползешь, но будет поздно».

Лишенный красной книжечки с золотым тиснением; «Правда Востока». Орган Центрального Комитета Коммунистической партии Узбекистана», я враз превратился в рядового советского гражданина. Да что я говорю, в рядового, в изгоя, бессовестно бросающего родину превратился, вот в кого. Родина ренегата была наотмашь, предпочитая основные удары наносить по карману. Подававших документы на выезд, первым делом лишали советского гражданства. Но юридически-иезуитски от гражданства нужно было отказаться самому и оплатить при этом в сберкассе пошлину – по 700 рублей (напомню, что средний служащий в те годы получал 120-130 рублей в месяц) с каждого члена семьи. Лишение вузовского диплома стоило чуть дешевле – 500 рублей. Самой «смехотворной» была цена военного билета, вернее его возвращения в военкомат – всего-навсего столярник.

О многочасовых очередях в этих инстанциях и говорить нечего.

Но все это, как выяснилось позже, были еще цветочки. Ягодки же оказались такими горькими, что едва-едва удалось их переварить. Дипломатических отношений между СССР и Израилем в те годы не существовало, отправкой репатриантов занималась «консульская группа израильских дипломатов при посольстве Голландии в Москве» – таково было ее официальное название. Собрав необходимые доку-

менты, приехал в Москву, Вместе с другом детства и коллегой Володей Зимоном, он к тому времени уже несколько лет как перебрался в Москву и работал в столичных изданиях, отправились на Ордынку. Очередь у голландского посольства заканчивалась где-то за углом. Прошел записываться. Сидящий на раскладном туристическом стульчике мужчина записал мою фамилию в общую тетрадь и огласил номер: тридцать тысяч какой-то.

– И когда же я попаду?

– Недельки через три, – равнодушно ответил мужчина.

– И где же мне три недели кантоваться? Я же издалека приехал...

– Твои проблемы.

Ног тут Володя все взял в свои цепкие руки.

– Я тут уже все разведал. Вон видишь, ребятишки стоят. Продают всякую израильскую мукулатуру – самоучители иврита, карты Израиля и прочую дребедень. Раз торгуют книжками, значит, продается и все остальное, – заключил Зимон и решительно направился к книжникам.

Витийствовать он не стал, а спросил напрямик: «Здорово, мужики. Кто тут очередью торгует?» «А вон тот, рыженький», спокойно показали ему. Рыженький отпираться и не думал, прејскурант огласил тут же: если хотите попасть в посольство сегодня – 200 рэ. Деньги вперед.

– А не обманешь? – наивно усомнился я.

Рыженький не стал бить себя в грудь и произносить

страшные клятвы, но пояснил деловито: «Это же мой хлеб, кто ж себя хлеба лишает. Обману хоть одного, завтра здесь уже появляться нельзя будет».

Через сорок минут меня вызвали в посольство. Заполнил еще несколько анкет, вместе с документами сдал в окошечко и на следующий день получил ответ: через три месяца можете ехать, и назвали точную дату вылета из аэропорта Шереметьево – 15 декабря. Рубикон был перейден, обратного пути нет.

Три месяца прошли как в угаре. Выяснилось, что ящики для багажа изготавливает один-единственный кооператив на весь Ташкент и заявки расписаны на год вперед. Самодельные ящики таможеней не принимались. Уладил с ящиками, и тут же получил от ворот поворот на таможне – очередь на отправку мне предоставляли лишь в январе. «Решил» и эту проблему. Одним словом, мне из тех трех месяцев запонились бесконечные очереди и поборы, откровенные, неприкрытые вымогательства. Ко всему прочему, буквально за неделю до отправки багажа, выяснилось убийственное для меня обстоятельство. По новой инструкции таможенного комитета СССР было «запрещено вывозить все периодические издания Советского Союза, а также использовать их в качестве упаковочного материала». То есть ни одну из газетных вырезок со своими публикациями за 25 лет я не имел право увозить с собой. У каких только таможенных начальников я не побывал – отказ всюду был категоричным.

Потом меня заставили отдать на экспертизу собранные за много лет значки. Коллекция у меня была невелика, но весьма своеобразна. Я собирал значки, изданные только к тем событиям, которые сам освещал в качестве журналиста. Пожилой фалерист первым делом отложил в сторону правительственные награды, завив «это запрещено. К вывозу разрешены награды только ветеранам Великой Отечественной войны». Затем еще раз перебрал коллекцию и глаза его засветились бешеным блеском, особенно когда в его руках оказался серебристый значок, выпущенный всего в двадцати экземплярах.

– Я бы мог сделать для вас некоторое исключение, если бы вы оставили мне вот это, это и это, – он отодвинул в сторону три значка.

И вовсе не от того, что мне именно этих значков жалко было, в конце-концов, пропади они пропадом, а скорее от омерзения этой сценки, заупрямился я грубо отрезал: «Не надо мне никаких исключений, оформляйте, как положено». Кстати сказать, поступил я, как в итоге выяснилось, весьма разумно: на шереметьевской таможне опломбированный в Ташкенте пакет с коллекцией, решительно вскрыли и проверили еще раз. И неизвестно, чем бы все это закончилось, окажись в пакете что недозволенное.

Потом был сумбур прощания в аэропорту с теми немногочисленными друзьями, которые не побоялись приехать и пожать руку «изменнику родины», холодная промозглая

Москва, туркомплекс «Измайлово».

Измайловская гостиница была тогда единственной, кто принимала лиц без гражданства и даже без советского паспорта. Поселяли на основании единственного оставленного нам документа – выездной визы. Вот уж где раздолье было таксистам. У подъездов гостиницы машин было – море. Цена за проезд на любое расстояние, хоть до ближайшего угла, просто грабительская – 50 рублей. Дорого – не езжай. А вот гостиничные рестораны отъезжающих попросту игнорировали, еды в них не было вовсе.

Вместе с нами в Москву прилетел и мой отец. Вечером он предложил: «Пойдем, сынок, посидим где-нибудь без никого, вдвоем». Было около десяти вечера. Ресторанный зал совершенно пуст. Заняли один из столиков. Не скоро подошла официантка и пробурчала: «Еды нет».

– А что есть? – начал я заводиться.

– Ничего нет, – пожалала она плечами.

Отец успокаивающе положил мне на руку ладонь и умиротворяюще обратился к официантке:

– Вы нас все-таки постарайтесь выручить. Нам ничего особого и не надо. Может, найдете бутылку водки и водички какой. А за хлеб – отдельное спасибо. Цена не имеет значения.

Ни слова не говоря, она удалилась шаркающей походкой, так же молча вернулась и поставила на стол бутылку водку, напиток «Байкал» и тарелку с явно зачерствевшим хле-

бом. Вскоре, смилостивившись, вернулась и «обрадовала» нас: «Случайно две порции рагу осталось. Правда, холодное, кухня уже ушла, греть некому». Согласились и на рагу. Хотя то, что она принесла есть все равно было невозможно. Да не в этом дело... Папа как напороочил – мы с ним никогда уже больше не встретились.

НИШАНОВ ЗНАЛ

Перед самым отъездом в Израиль встретился в Москве с председателем Совета национальностей СССР Рафиком Нишановичем Нишановым. Я был первым журналистом Узбекистана, уезжавшим на постоянное место жительства за границу, для того времени это было событием, ну скажем так, неординарным.

Рафик Нишанович стал внимательно меня расспрашивать, по какой причине уезжаю, даже сделал попытку отговорить, хотя и заметил все же: «Ну, уж если решение принял твердое и обдуманное, то не отступай, и тут же поинтересовался. – Я могу чем-то помочь?»

Вопрос, вероятнее всего был задан из вежливости, а вот должной ответной вежливости, увы, не проявил:

– Можете, Рафик Нишанович. Если бы вы дали мне интервью по поводу проблем мирной конференции между Израилем и Организацией освобождения Палестины, то я был вам очень благодарен.

– Это вопрос политический, – задумчиво сказал Нишанов. – Он касается не только израильтян и палестинцев, от решений этой мирной конференции, если она, конечно, состоится, зависит и судьба Ближнего Востока и в целом политические перемены в мире. Мне бы хотелось подумать, как лучше ответить на твои вопросы. Ведь ты же в интервью укажешь мою должность и, следовательно, это должна быть выверенная позиция советского руководства.

Решив, что совершил бестактность, обратившись с подобной просьбой, попытался дать «задний ход»: «Ну, если не получится, значит, не получится, извините, что побеспокоил вас такой просьбой».

– Да погоди ты извиняться, – досадливо поморщился Рафик Нишанович. – Я же тебе не отказал, а сказал, что хочу подумать. Ты вот что, позвони мне завтра часиков в одиннадцать утра. Запиши-ка мой прямой телефон.

Рафик Нишанович Нишанов – человек удивительной и очень непростой судьбы. Советская проса перестроечных времен была не очень-то к нему благосклонна, считая человеком нерешительным. Это было вопиющим заблуждением. Нишанов умел отстаивать свою точку зрения, проявляя при этом твердость и непреклонность. В свое время, будучи самым молодым секретарем ЦК, он позволил себе отстаивать свои взгляды, идущие вразрез с мнением руководства, за что на долгие годы был отправлен в почетную ссылку послом одной из развивающихся стран. Потом вернулся в родную рес-

публику, стал председателем Президиума Верховного Совета, затем первым секретарем ЦК компартии Узбекистана, позже уехал в Москву, где возглавил Совет национальностей страны.

Как и было условлено, позвонил ему утром.

– Ну что ж, отвечу я на твои вопросы. Даже уже кое-какие тезисы набросал. Но сейчас времени нет совершенно. Ты свои вопросы продиктуй секретарю, она все запишет и мне передаст. А мне позвони в три часа ровно. Договорились?

Это был день накануне отлета в Израиль. С утра оформляли билеты, потом еще какие-то дела накопились. Короче, обычная предотъездная суматоха. Часа в два дня мой друг и коллега Володя Зимон пригласил меня с семьей в ресторан «Арагви», «спрыснуть на дорожку». Во время обеда я все поглядывал на часы, а без пяти три вышел в вестибюль и набрал по телефону-автомату номер Нишанова.

– Ты пунктуален, – одобрительно сказал он. – А я вот не очень. Скажу честно, закутился и весь день ничего не ел, даже не завтракал. А вот сейчас как раз ко мне в кабинет зашел Анатолий Иванович (судя по всему, речь шла о Лукьянове), и мы решили пообедать. Ты сможешь перезвонить мне ровно через двадцать минут? Вот и замечательно, текст готов, я тебе продиктую.

Хорошо, что я получил такой тайм-аут. Как это, интересно знать, удалось бы мне в шумном ресторанном вестибюле разговаривать на столь серьезную тему с одним из руководи-

телей государства, да еще и записывать его ответы. Вернувшись в зал, рассказал о возникшей проблеме другу.

– Ерунда, – откликнулся он. – Я неплохо знаю директора ресторана, пойдем к нему в кабинет, оттуда и позвонишь.

Через пятнадцать минут мы зашли в кабинет к директору. «О, Владимир Ильич!, – с преувеличенным восторгом приветствовал он Зимона. – Какими судьбами?»

– Хочу вам представить моего коллегу, у него небольшая просьба.

– Мне надо позвонить товарищу Нишанову, – сказал директору. – А из автомата неудобно, в вестибюле слишком шумно.

– А Горбачеву вам, дорогой, позвонить не надо? – продемонстрировал чувство юмора директор.

– Пока не знаю. Если скажут что нужно перезвонить Горбачеву, значит, перезвоню.

– Ну-ну, прошу, – подвинул мне телефон директор, включая громкую связь.

После двух-трех вызывных гудков в динамике послышался характерный голос: «Слушаю, Нишанов». С директором произошла мгновенная метаморфоза. Несмотря на солидные габариты, от вскочил, сначала вытянулся во фронт, а потом, поманив моего друга, исчез за дверью собственного же кабинета. Через минут двадцать, когда я, аккуратно записав все ответы Рафика Нишановича, вышел, директор вместе с Володей все еще поджидали меня. Поблагодарив хозяина за

любезность, мы вернулись к столу. По дороге друг мне рассказывает:

– Я его спросил, чего вдруг он из кабинета выскочил. Так он, представляешь, такие глаза страшные сделал и говорит: «Что ты, дорогой, зачем нам при правительственном разговоре присутствовать. Мало, о чем они говорить будут. Не нашего ума дело. А если он потом и вправду Горбачеву звонить станет. И вообще, я на тебя, Владимир Ильич обижен. Мы же друзья. Ты почему не сказал, что с таким дорогим гостем пришел? Сидите в общем зале, как простое население. Сейчас же дам команду, чтобы вам отдельный кабинет засервировали.

Интервью с Нишановым было опубликовано в Израиле ровно через семь дней. А вскоре состоялась и знаменитая мирная Норвежская конференция в Осло, итоги которой Рафик Нишанович спрогнозировал с поразительной точностью.

Х Х

Х

ГЛАВА 8

Талантливый писатель-сатирик Александр Каневский как-то сказал: «Израиль – это больше зеркало. Какую рожу ты перед ним скорчишь, такую же зеркало тебе и покажет в

ответ». Высказывания этого я тогда не знал и рож никаких не корчил. Я, признаться, поначалу просто потерялся. Потерялся от неведомых мне букв ивритского алфавита, которые к тому же справа налево следовало читать, от одурманивающего запаха мандариновых рощ, от всего неведомого, что, как теперь понял ясно, нас отныне окружало.

Первой заметила мое состояние жена и сугубо женской логикой посоветовала: «Иди-ка ты в редакцию».

– Какую еще редакцию? – я чуть не завопил.

– Ну, откуда я знаю, какую? Есть же здесь какие-нибудь газеты, вот туда и иди, – рассудительно посоветовала она.

Мой родственник Толя Шерман, живший к тому времени в Израиле уже больше десяти лет, вызвался меня проводить. Он купил в киоске газету «Наша страна» на русском языке и мы отправились в путь. Не могу сказать, что редактор, когда я объяснил ей, кто я такой, была со мной неприветлива. Простоя явился я не вовремя – выпуск номера был в самом разгаре. «Хорошо, хорошо, сказала она. Напишите, мы посмотрим».

– Да что писать-то? Я же не знаю, какие темы вас интересуют.

– Ну, если вы профессиональный журналист, как только что сказали, то сами и найдите тему, которая нас заинтересует.

– А иначе – в корзину?

– Вы удивительно догадливы. Да, и учтите, рукописи мы

не принимаем. Если нет компьютера, то хотя бы машинописный текст.

– Но у меня пока и машинки нет, она в багаже идет, и когда будет – неизвестно. Может, у вас в редакции можно напечатать?

– А вы умеете?

– Уж лет двадцать как.

Вздыхнув, она поднялась, видимо, решив, что так от меня проще избавиться, показала в соседнем кабинете машинку и предупредила, что воспользоваться ею я могу только после рабочего дня, вечером. Возвращаться из Тель-Авива обратно смысла не было. Я побродил по городу, опыт ориентироваться в незнакомых городах у меня все же был немалый, и вернулся в редакцию. Дабы на полную катушку использовать предоставленную мне возможность, я написал кряду три материала. Глянул на часы – четыре утра. Автобусы, понятно, уже (или еще) не ходили. Но стояла удивительная для декабря теплынь и я с удовольствием прошелся по берегу, вдыхая непередаваемый запах Средиземного моря.

Ровно на седьмой день моего пребывания в новой стране я развернул газету и радостью неопишуемой увидел свой первый материал. В радужных грезах мне мнилось немедленное приглашение на работу, дифирамбы в собственный адрес, ну и все такое прочее. Но, хотя и два других материала в ближайшие дни тоже были опубликованы, из редакции никаких вестей не поступало. И тогда я вновь отправился в «Нашу

страну».

На сей раз прием был чуть более любезным. Рита Старовольская, так звали главного редактора, сообщила, что за публикации мне даже заплатят.

– А обычно не платят? – спросил ее.

– Обычно редакции платит только за те статьи, которые заказывает авторам. А если автор желает публиковаться сам, то сам факт публикации и есть оплата, – разъяснила Рита.

– Может, теперь дадите какое-нибудь задание?

– Послушайте, Олег, – серьезно сказала она. – Я же прекрасно вижу, чего вы добиваетесь. По вашим материалам я поняла, что вы действительно профессиональный журналист, и потому не хочу вас обманывать. Скажу прямо – на работу я вас не возьму. Попросту нет вакансий. У нас люди работают по десять лет. Неужели вы думаете, что я уволю кого-то из старых сотрудников, чтобы освободить вам место? К тому же я бы посоветовала вам подумать о смене профессии. Журналист русскоязычной газеты – это в Израиле, поверьте мне, не та специальность, которая обеспечит вам хороший достаток.

– Но прожить-то можно?

– Прожить можно, – вздохнула она.

– В таком случае, я буду у вас работать.

Рита взглянула на меня недоуменно и я поспешил пояснить: «У меня нет никакой иной специальности. С четырнадцати лет я только и делаю, что пишу. Поэтому выбирать мне

не из чего. Я понимаю, что вы не собираетесь меня брать на работу. Значит, я добьюсь того, чтобы стать для вас необходимым. Не знаю, сколько уйдет на это времени, но добьюсь. До встречи.

Да, речь я отгрохал пламенную. А вот жить-то на что? Нам, конечно, государство выплачивало пособие, но, не умея ориентироваться в местных ценах и ценностях, я и понятия не имел, на что и на сколько хватит этих денег. Одним словом, я пошел на завод. Ну не то чтобы пошел, меня туда отвели мои земляки, с которыми познакомил меня Толик.

Хозяин завода, вернее заводика, глянул на новичка с непонятым сожалением и сказал, что возьмет меня на штамп. Дома я, пытаясь продемонстрировать оптимизм, заявил: «Поздравьте меня, я теперь еврей-штамповщик.

«Карьеру» пролетария я начал лихо. В первый же день изодрал на себе всю одежду и вымазался чем-то черным так, что никакое мыло не брало. На следующий день безнадежно загубил несколько металлических полос, предназначенных для штамповки деталей. Но главный свой «подвиг» совершил на третий день, умудрившись сломать чугунный штамп, что вызвало живейший и, надо признать, всеобщий интерес. Из своей стеклянной каморки, старчески кряхтя и поохивая, спустился в цех даже хозяин завода Марк Шнейдерман. Он глянул на станок, потом на расколотый надвое штамп и осведомился: «Как ты это сделал?» Я лишь пожал плечами. Марк задумчиво, ни к кому конкретно не обращаясь, поведал, что

этот штамп он установил здесь в 1948 году. Реальной возможности его сломать, как до сих пор считалось, не существовало. И все же я это сделал. Меня долго уговаривали показать, на какую конкретно кнопку я нажал, какие производил манипуляции. Но я, как баран на новые ворота, уставился на дело рук своих и молчал аки партизан на допросе. Марк повернулся, молча поманил меня за собой и стал карабкаться по крутой лестнице в свой «аквариум».

– Послушай, сынок, – сильно коверкая русские слова, сказал он мне ласково. – У меня к тебе просьба. Очень большая просьба. Ты видишь вон ту каменную стену. Ты можешь ее сломать. Ты можешь даже весь этот завод взорвать. Я тебе разрешаю. Но одного ты делать не имеешь права. Взрывая и ломая, ты не должен повредить на своей руке даже мизинца. Иди работай и помни, о чем я тебе сказал.

А через неделю американские самолеты обрушили на Ирак первые бомбы, началась война, садамовские ракеты взрывались в Тель-Авиве и других городах Израиля, большинство предприятий, в том числе и наш завод, были временно закрыты.

Это была странная война. Американцы назвали ее «Буря в пустыне». За сорок дней, что бушевала эта буря, иракцы обрушили на Израиль около сотни ракет. Но противоракетные системы «Патриот» сработали четко – ни один из «скадов» существенного вреда не принес. В центре Тель-Авива полопались стекла в одном из высотных зданий и один че-

ловек умер во время бомбежки от разрыва сердца. Тогдашний премьер-министр Ицхак Шамир, получивший среди политиков прозвище «господин нет», даже пошутил по поводу ракетных обстрелов: «В Израильских городах так много машин, что иракские ракеты, не найдя места для парковки, предпочитают «останавливаться» в пустыне».

Штуки шутками, но завывание сирен, извещающих об очередной воздушной атаке, оптимизма не прибавляли. Заслышав этот жуткий вой, первым делом следовало надеть на себя противогаз. Причем, инструкция гражданской обороны предписывала взрослым сначала надевать противогаз на себя, потом уже на детей. В ночь первой бомбежки мы так и поступили. Но наша дочь, увидев папу с мамой «без бровей и с выпученными глазами», пришла в ужас. После манипуляций с противогазами следовало удалиться в загерметизированную комнату. С этим у нас обстояло еще сложнее. В первые дни приезда мы сняли маленькую двухкомнатную квартиру на первом этаже у молодой женщины. Когда уже совсем было собрались подписывать договор, я обратил внимание, что в оконном проеме комнаты есть только жалюзи. Ни рамы ни стекол не было. На недоуменный вопрос хозяйка ответила, что при теплом израильском климате рама и стекла – совершеннейшее излишество, вполне хватает металлических жалюзи. Этим ответом мы и вынуждены были удовлетвориться. Позже выяснилось, что хозяйка-наркоманка, окно в сборе попросту продала. Так что, когда началась вой-

на, мы могли загерметизировать разве что улицу.

Каждое утро, перекинув через плечо сумку с противогазом, отправлялся в киоск за газетой. «Наша страна» была до отказа забита аналитическими статьями, коротенькими информационными сообщениями, но, к моебму изумлению, событийные репортажи отсутствовали напрочь. К концу первой военной недели набрался смелости, позвонил в редакцию и спросил Риту напрямую, почему в газете отсутствуют репортажи.

– Вот вы и напишите, – спокойно ответила она.

– И напишу.

– Ну что ж, мне даже интербесно будет, на каком языке, не зная ни слова на иврите, вы собираетесь с людьми общаться.

– Ничего, понадобится, так и на пальцах объяснюсь.

ТОСТ – НИКОЛАЮ ОЗЕРОВУ

В самый разгар войны в Израиль неожиданно (туристы в то время в те края ездить не решались) приехали известные грузинские артисты Софико Чиаурели и Котэ Махарадзе. Миллионам футбольных болельщиков Советского Союза, Махарадзе был, в первую очередь, известен не как актер драматического театра, а как блестящий футбольный комментатор. Мы с Ксотей (так друзья по-свойски называли Махарадзе) дружили много лет и, узнав об их приезде, я отправился друга разыскивать. Встреча была очень радостной, а после двух бутылок грузинского вина, мы стали вспоминать

всякие смешные истории.

– Помнишь, Костя, во время матча тбилисского «Динамо» и ташкентского «Пахтакора», я как раз с тобой в комментаторской кабине рядом был, ты воскликнул: «Вратарь тбилисцев сильнейшим ударом выбивает мяч из штрафной площадки и пока мяч находится в воздухе, я перечислю вам составы играющих команд».

– Ты нагло врешь! – деланно возмутился Махарадзе, это просто очередной анекдот про меня, я такого сказать не мог.

– Сказал, сказал, Котэ, – подтвердила Софико. – Вы после той игры к нам домой приехали и Олег эту твою фразу весь вечер повторял, а все смеялись.

– Ну, тогда сдаюсь, – Я вспомнил. И смеялись они не надо мной, а над тем, как он неудачно пытается грузинский акцент передразнить, Я еще тогда сказал, что как он не передразнивает грузинский акцент, все равно у него узбек получается. Пусть он лучше тебе свою пародию на Колю Озерова расскажет. Вот это был фурор так фурор.

– Расскажи, – присоединилась к просьбе мужа Софико. – Я слышала, что это какой-то очень смешной тост, но мне воспроизвели только какие-то отдельные отрывки.

Действительно, бала такая пародия-тост. Друзья готовились чествовать самого известного нашего спортивного комментатора Озерова (между собой мы называли его Николяй Ниооляевич) с пятидесятилетним юбилеем. Я вспомнил те времена, когда увлекался КВН и, что называется, трях-

нул стариной. Тост-пародию следовало произносить исключительно с интонациями и придыханиями самого Озера, а вот с этим как раз у меня не все ловко выходило. Но все же понять было можно. Пародия звучала, за стопроцентную точность теперь уже не поручусь, примерно так:

«Внимание, вниманеи! Наши телевизионные камеры и микрофоны устанорвлены в самомо знаменитом спортивном зале Америки – «Мэдисон сквер-гарден», где сегодня проходит финал уникальнейшего турнира, чемпионата мира по алкоголизму. Из наших предлыдущих репортажей, вы, дорогие друзья, конечно же знаете, что в финал соревнований вышли представители трех стран – Англии, Америки и, естественно, Советского Союза. Сейчас наши телекамеры выхватили фрагмент подготовки к решающему поединку американского спортсмена. О!, не стоит смотреть на это чуждое советскому человку зрелище. Такие спортсмэны нам не нужны! А вот англичанин в своем углу вытворяет что-то совсем уж безобразное. И такие спортсмэны нам не нужны. А вот сейчас мы с вами видим нашего соответственника, Ивана Ивановича Иванова, который в своем углу разминается на красеньком. Ну что ж, пожелаем ему удачи.

Звучит гонг. На помост выходит английский спортсмен. Он выпивает литр, второй, третий, четвертый, пя... Нет, не сумел одолеть пятого литра, упал на помосте. Гонг! На помосте американский финалист. Литр, второй, третий, четвертый, пя... Нет, и американец не сумел одолеть пятого лит-

ра, упал на помост. Вновь звучит гонг. Я надеюсь, это звучит гонг нашего триумфа. Гонг повторяется. Где же Иван Иванович? Ай-ай-ай, увлекся разминкой, не расслышал гонга. Но вот секунданты приводят его в вертикальное положение, выводят на помост и Иван Иванович приступает к решающей фазе соревнований. Литр, второй, пятый, седьмой. Иван Иванович стоит в растерянности. В технической комиссии жюри заминка. Какая непростительная небрежность. У организаторов турнира закончились спиртные напитки. Но тут чудеса предусмотрительности проявляет наш соотечественник. Он вынимает из кармана поллитровку, взбалтывает ее, выпивает прямо из горлышка и, очевидно, исключительно ради солидарности с поверженными соперниками, падает рядом с ними.

Итак, мы с вами, дорогие товарищи, стали свидетелями удивительного триумфа отечественного спорта. А вот в жюри продолжаются жаркие дебаты. Ведь английский и американский спортсмены выпили равное количество спиртных напитков и непонятно, кто из них будет вторым, а кто – третьим.

Меня переполняет гордость. Так поступают советские люди! Иван Иванович приподнимается на помосте. В его руке зажат рубль. Он протягивает его главному судье соревнований и говорит: «Я буду третьим».

Х

...Моя дочь устроила меня на работу. Косвенно, конечно, но все же именно ей я во многом обязан тем, что меня в итоге взяли в «Нашу страну». «Буря в пустыне» была в самом разгаре, когда однажды Рита спросила; «Вы, кажется, говорили, что у вас есть маленький ребенок».

– Дочь, – уточнил я. – Ей скоро пять исполнится.

– Замечательно. Мы хотим опубликовать материал о том, как переживают войну недавно приехавшие в Израиль дети, ну, их эмоции, переживания, даже какие-то характерные фразы. Надеюсь, вы понимаете...

– Понимать-то понимаю, но как же мне писать о своей дочери? Вроде, неловко.

– А вы что, какого-то чужого ребенка знаете лучше, чем своего? – резонно спросила Старовольская.

– Нет, но...

У меня, признаться, были основания для сомнений. Незадолго до увольнения из «Правды Востока» на первой странице нашей газеты был 1 июня, в День защиты детей, была опубликована довольно большая фотография моей дочери. Мы с ней гуляли по детскому парку и нас встретил наш фотокорреспондент. Янка в тот момент все никак не могла поймать «солнечного зайчика», очень забавно сердилась и чудо как была хороша. Когда, накануне Дня защиты детей. Фотокор выложил на столе перед ответсекретарем с десятков снимков детей, тот выбрал снимок моей дочери. Его не ин-

тересовало, чей это ребенок, оценивалось качество снимка, не более того. На следующий день разразился скандал. Одна бдительная наша сотрудница «сигнализировала» в вышестоящие партийные органы и там праведно возмутились. Короче, мы с фотокором получили хорошенькую взбучку. И вот теперь мне спокойно предлагают написать материал именно о собственной дочери.

Написал. Опубликовали. Рита позвонила по телефону, попросила срочно приехать.

– На ваши военные репортажи пришло много читательских откликов, – сказала она. – А материал про вашу Янку нам в редакции понравился всем. Особенно мне. Короче говоря, я хочу вас взять на работу. Да погодите вы радоваться. Хотеть хочу, но вакансий нет. Что-нибудь, конечно, придумаем, но пока я вам советую как можно чаще публиковаться. Это всего лишь совет. Я знаю, что вы работаете, а для того, чтобы себя зарекомендовать, с работы надо будет уйти, потому что редакционными заданиями я вас загружу. Так что решать вам, я настаивать не имею права.

К тому времени, хотя война еще не закончилась, завод уже открылся. Поднялся в каморку хозяина и сказал ему напрямую: «Марк, я хочу попробовать вернуться к своей специальности. Не знаю, получится, или нет, но попробовать надо».

– Правильно, сынок, попробовать надо, одобрил он. – Послушай меня внимательно. – Ты – не для этого завода, и это

завод – не для тебя. Я это понял сразу. Но кто-то должен был дать тебе кусок хлеба и я подумал, а почему не я. Иди, и ничего не бойся. У тебя все получится. Вот увидишь, ты еще вспомнишь слова старого Марка и скажешь мне «спасибо».

Через полчаса его секретарша вручила мне чек. По самым скромным подсчетам хозяин выписал мне на пятьсот шекелей (по тогдашнему курсу 250 долларов) больше, чем я заработал.

И по сей день я говорю Марку «спасибо». Не за пятьсот шекелей, хотя и за них тоже, а за его напутствие и отношение.

Публиковался я теперь каждый день. А вакансия все не появлялась. Но тут объявили набор на курсы для русскоязычных журналистов. В Израиле существует так называемая Высшая школа журналистики. Только закончив ее, журналист может претендовать на статус профессионала. На набор в школу на конкурсной основе принимали тридцать человек. Я оказался в их числе.

ПРЯМОЛИНЕЙНЫЙ ГУБЕРМАН

В годы, свободные от цензуры, разухабистый шоумен Николай Фоменко провозгласил: «Я матом не ругаюсь, я на нем говорю». Николай, не обижайтесь, вы матом не говорите, вы на «ем» мычите, а говорит на чистородном русском (впрочем, другого и не существует) мате еврей Губерман. Отмен-

ный знаток идеом, он возвел нецензурщину в степень ироничной поэзии, и эстетствующие дамочки, краснея и, не глядя на сидящих рядом мужей, притворно возмущаются, но искренне Игорю аплодируют.

Сегодня в любом книжном магазине можно при желании приобрести с десяток книг Игоря Губермана, начиная от его знаменитых «гариков» до полного жезнеописания. Если бы в каком-то из вузов вздумали открыть факультет юмора, его книги могли бы стать незаменимым практическим пособием. Ну, а как преподаватель этого изысканного курса, он бы снискал себе славу, не меньшую писательской.

Конечно же, с Губерманом я познакомился заочно, еще в Союзе читая его самиздатовские четверостишия.

Знаменитое: «Не стесняйся, пьяница, носа своего – он ведь с красным знаменем цвета одного», знали все, но цитировали на кухне шепотом самые отчаянные. Ибо самым отчаянным было известно, что автор этого хулиганства где-то в местах весьма отдаленных лес валит. За ударный труд Губермана «премировали путевкой», настоятельно посоветовав ему из Союза убираться подобру-поздорову. Он и убрался. В Израиль. С Игорем мы оказались однокашниками по Высшей школе журналистики.

Захожу в первый же день занятий в аудиторию, где всего два человека было – куратор нашего курса Лариса Герштейн и какой-то кудлатый мужик.

– Вот, Гарик, знакомься, – представила Лариса. – Это Олег

Якубов. А это – Игорь Губерман.

– Ого, – сказал Губерман. – Я же только тебя уже несколько месяцев читаю.

– Ого, – ответил ему в тон. – Я же тебя многие годы читаю.

– Гарик сплошное совершенство, – продолжала Лариса. – Если бы он научился после каждых двух-трех слов не проносить слово «жопа», ему бы вообще цены не было. Вот скажи, Губерман, смог бы?

– Легко, – ответил Игорь и, пару секунд подумав, взял листок бумаги, что-то на нем почеркал и продекламировал с чувством, – «Я с детства не любил овал. И все же жопу рисовал». Вот такой я прямолинейный, – прокомментировал Игорь.

Впускной Вечер у нас состоялся 30 августа. А 1 сентября меня приняли на работу в «Нашу страну». На полставки. Но это было неважно. Я снова обрел свою специальность.

ВИНО ДЛЯ РАИСЫ МАКСИМОВНЫ

Чета Горбачевых приехала в Израиль в 1992 году. И хотя все бывшие должности первого и последнего президента СССР начинались теперь с приставки «экс», почести Михаилу Сергеевичу были возданы поистине королевские. Хотя одна шероховатость все же возникла, причем сразу же. Выяснилось, что Раисе Максимовне, соответственно с протоколом, охрана не положена. Горбачев огорчился настолько заметно и искренне, что ответственный за пребывание вы-

сокого гостя поспешил заверить: безвыходных ситуаций не бывает, что-нибудь да придумаем. Придумали, надо сказать, тут же. Михаила Сергеевича охраняла, естественно, израильская служба безопасности. А личная охрана Горбачева, прилетевшая с ним из Москвы, всецело стала опекать его супругу.

Во времена правления Горбачева людская молва, как известно, Раису Максимовну не очень-то жаловала. Всегда со вкусом и модно одетая, хорошо причесанная, она настолько отличалась от жен предыдущих советских лидеров и так часто сопровождала своего супруга в деловых зарубежных поездках, что ее немедленно окрестили и «железной леди» и «генсекком в юбке», да и вообще в обществе охотно муссировались слухи, что государством руководит не Горбачев, а его жена. Аккредитованный в группе израильских журналистов, я имел возможность с Раисой Максимовной общаться и она произвела на меня впечатление умной интеллигентной женщины, любящей жены, матери и бабушки. В целом же было совершенно очевидно, с каким неподдельным вниманием, заботой и нежностью относятся супруги друг к другу.

Приезд Горбачевых в Израиль совпал с крупным православным праздником – днем Святой Троицы и потому вся делегация отправилась вечером в иерусалимский Храм Святой Троицы, где состоялась торжественная служба. После этого делегация отправилась в апартаменты гостиницы «Царь Давид», где всегда по традиции останавливались го-

стоящие в Иерусалиме главы государств. Во время ужина Михаил Сергеевич вспоминал свое детство, проведенное в деревне, рассказывал, что на праздник Святой Троицы бабушка его непременно жарила на каждого яичницу-глазунью из трех яиц на свиных шкварках, которая подавалась на огромной чугунной сковороде, мужики обязательно выпивали по три рюмки водки и обязательно пели народные песни. Тут же нашлись желающие сделать Михаилу Сергеевичу сюрприз и старинный ритуал немедленно повторить. Свиное сало в восточном Иерусалиме с трудом, но все же найти удалось. Хуже обстояло с другим. Повар, обслуживающий высокого гостя наотрез отказался подавать яичницу в сковороде. Он заявил, что кормил практически всех глав государств, когда-либо приезжавших в Израиль, и ни разу не нарушил этикета. Он был столь категоричен в своем возмущении, что заявил: «я лучше руки на себя наложу, чем подам блюдо не в положенной для него посуде!» Но человек слаб, а миром, как известно, правит информация. Шеф-повар отеля «Царь Давид» в Израиле человек известный, о нем много раз писали газеты, он давал интервью на телевидении и рассказывал, что главным его увлечением являются фотографии. И не какие-нибудь там художественные фотки, а именно те фотографии, где он, повар, запечатлен, с теми именитыми гостями, которых ему довелось кормить. Короче говоря, поборник этикета «сломался» на том, что ему была обещана фотография с «самим Горби». Через несколько минут

он внес в столовую Горбачева гигантских размеров сковороду со шкворчащей яичницей. Изумлению и радости всех присутствующих не было предела. Естественно, уничтожили «деликатес» мгновенно, выпив при этом, как и положено, по три рюмки водки, и песни позже тоже пели. Одним словом, настроение у всех было замечательное.

А на следующий день высокие гости отправились в город Хайфа. Это третий по величине израильский город, где есть огромный морской порт, множество крупных промышленных предприятий. Не зря распространена в Израиле такая поговорка про города: «Иерусалим молится, ТельАвив гуляет, Хайфа работает». В Хайфе существует крупнейший на Ближнем Востоке технический вуз – технион, почетным академиком которого Михаила Сергеевича Горбачева и избрали. На ритуал чествования нового академика народу собралось множество. Все было красиво и торжественно. Горбачева обрядили в мантию, ректор техниона произнес проникновенный спич в честь вновь избранного академика, а потом сказал:

– В нашем вузе есть добрая традиция, о которой все знают. В наших подвалах хранится бочка старого вина. В одном-единственном случае мы наливаем вино из этой бочки – когда чествуем нового академика, и наполняются при этом всегда два бокала, для нашего нового избранника и для вашего покорного слуги – ректора техниона.

После этих слов на сцену вынесли на серебряном подносе

два серебряных же кубка, Горбачев и ректор выпили вино, и торжественная процедура избрания и чествования была на этом завершена.

Тут надо сказать, что на людях супруги Горбачевы обращались друг другу на «ты», но по имени и отчеству. Так вот, выпив вино, Михаил Сергеевич, сделал шаг в сторону Раисы Максимовны и шепнул ей: «Ты знаешь, Раиса Максимовна, я никогда в жизни не пробовал такого дивного вина».

– Они нахалы! – вспыхнула Раиса Максимовна. – Могли бы и даме предложить.

– Но ты пойми, – это же ритуал, – стал увещевать ее, но тщетно, Михаил Сергеевич.

Горбачева стояла на своем: «Для дамы могли бы сделать исключение». Одним словом, настроение высокой гостьи из-за этого пустяка было явно испорчено.

После торжественной части ректор пригласил Горбачевых и нескольких сопровождающих его лиц на фуршет. Не выдавая репортерских секретов, скажу лишь, что мне удалось на тот фуршет «просочиться».

Израильтяне шутят, что хорошенько поесть – это в стране вид спорта номер один. И поскольку я не Дюма-отец, то от описания фуршетного стола воздержусь. Через несколько минут ко мне подошел пресс-секретарь Горбачева Владимир Ильич Тумаркин, отозвал в сторону и, кивком показывая на Горбачеву сказал:

– Смотри, Раиса Максимовна ничего не ест. Михаил Сер-

геевич с ректором все время беседует, подойти к ней не может, но все видит и очень по этому поводу нервничает. Ты все-таки по-русски говоришь и местную кухню знаешь, предложи ей чего-нибудь, ну хотя бы фруктов...

Горбачева одиноко скучала на другом конце зала, чтобы пробраться к ней, я прошел через импровизированную кухню. И тут я заметил на одном из столов поднос и те два, уже вымытых, серебряных кубка, в которых несколько минут назад подавали на сцене вино новому академику и ректору. Шальная мысль возникла мгновенно. Я подозвал официанта и попросил самое лучшее красное вино, из привезенных для банкета, подчеркнув при этом, что вино это для «мадам Горби». Официант перебрал несколько бутылок и удовлетворенно заметил: «За это вино Израилю стыдно не будет». Остальное было делом техники. Наполнив вином серебряный кубок и накрыв туго накрахмаленной салфеткой, я вручил его официанту и мы отправились к Горбачевой. Не давая ей опомниться, затараторил с ходу:

– Раиса Максимовна, оказывается, из той самой знаменитой бочки в подвале было наполнено, не два, а три кубка. Но поскольку во время торжественной части традицию нарушать нельзя, то вино для вас оставили здесь и вот теперь просят вас его отведать.

– А почему именно вы мне это все передаете? – подозрительно спросила Раиса Максимовна.

– Так переводчик сейчас занят с Михаилом Сергеевичем,

а на фуршете больше никого нет, кто русский язык знает, вот меня и попросили.

Я кивнул официанту, он протянул бокал, Горбачева отдала вина и произнесла: «Михаил Сергеевич был прав, вино действительно изумительное и совершенно необычное. Ничего подобного не пробовала»...

На следующий день я, осмелев, подошел к Горбачеву и попросил его дать газете «Наша страна», в которой тогда работал, эксклюзивное интервью. Но в этом месте необходима небольшая предыстория. В первый же день приезда, еще у трапа самолета, Михаил Сергеевич сказал окружившим его журналистам: «Давайте, господа, условимся сразу. Пресс-конференции я буду проводить ежедневно, во времени вас постараюсь не ограничивать, в разумных, разумеется, пределах, в количестве вопросов и их направленности можете себя не лимитировать. Но что касается эксклюзивных интервью – увольте. Пусть все будут на равных условиях». Среди журналистской братии пронесся ропот. Можно сказать, что Горбачев взмахнул перед нами «красной тряпкой» – каждый теперь почитал делом чести взять у экс-президента СССР именно эксклюзивное интервью, Но Горбачев оставался верным своему слову. А тут еще масла в огонь подлил один мой коллега, уже много лет работающий в израильской прессе и слывший одним из самых пронырливых репортеров. Мы оказались с ним рядом на одной из пресс-конференций. Никаких вопросов он Михаилу Сергеевичу не

задавал, а на фуршете заявил, что и задавать не собирался, так как этот репортерский «общак» ему неинтересен.

– Представляешь, – делился он со мной. – Вчера в редакции зашел разговор о визите Горбачева. Наш шеф говорит: «Вот уж я вам, репортеришкам, всем нос утру. В программу визита входит посещение Горбачевыми моей виллы, так что я во время чаепития у него такое интервью возьму, что вам и не снилось». Я сначала заскучал, конечно, понимая, что уж кого-кого, а своего брата-журналиста шеф в дом не пустит. А сегодня узнал, что никакого чаепития не будет, визит из-за жары сокращается на целых два дня и программу ужали до невозможности. Так что Горбачев теперь мой.

– А ты что, уже договорился с ним на эксклюзив? – ревниво спросил коллегу.

– Тоже мне проблема, – усмехнулся мэтр. – Учись, мальчик, сейчас покажу тебе мастер-класс.

Небрежной походкой, не выпуская из рук стакана с виски и дымящейся сигаретой, он направился к Горбачеву и стал что-то быстро ему говорить. Михаил Сергеевич в этот момент беседовал с кем-то из сотрудников израильского МИДа, не прерывая разговора, а лишь слегка повернувшись, отрицательно покачал головой, и охрана тут же оттерла незадачливого репортера в сторону. Задержавшись на минуту у бара и снова наполнив стакан виски, коллега подошел ко мне и беспечно заявил: «Пока облом, но главное сделано – он меня уже видел».

– Зря ты так, – не удержался я от подковырки. – Теперь твое запоминающееся лицо приснится Горби ночью, он проснется в холодном поту, станет в отчаянии заламывать руки и горевать, почему ты не приходишь и не задаешь ему своих эпохальных вопросов о влиянии коммунистических партий России и Израиля на сексуальную жизнь летучих тараканов Африки.

– Это юмор, или оскорбление? – холодно поинтересовался коллега.

– Вызов, – неожиданно для себя огорошил его я.

... И вот теперь, обращаясь к Горбачеву с просьбой об эксклюзивном интервью, я отчаянно дрейфил, предполагая, что немедленно получу столь же равнодушный отказ. Но Михаил Сергеевич неожиданно улыбнулся и спросил: «А, это, кажется, вы вчера на банкете в Хайфском технионе умудрились каким-то волшебным образом угостить Раису Максимовну, – и тут же, вполне серьезно добавил. – Но вам же известно, что я не собирался никому делать исключений.

– Понимаю, Михаил Сергеевич. Но газета «Наша страна», которую я представляю, самая старая из русскоязычных газет Израиля...

– И редактор вам сказал, чтобы вы без интервью не возвращались, – перебил Горбачев.

Дабы не врать, я лишь неопределенно пожал плечами и изобразил смущенную улыбку.

– Ладно, – решительно произнес Михаил Сергеевич. – Раз

газета самая старая, нужно уважить. Полчаса вам хватит, – не спросил, а утвердительно резюмировал Горбачев.

Нарушая все дозволенные правила и свои водительские возможности, мчался я из Иерусалима в ТельАвив и, не переводя дух, бросился к компьютеру, чтобы успеть сдать интервью в номер. Когда главный редактор «Нашей страны» Рита Старовольская прочитала текст, то без слов расцеловала меня в обе щеки. Но тут же, умерив эмоции, взглянула на часы и, стремглав, помчалась к владельцу газеты – время сдачи газетных полос в типографию катастрофически истекало, а за каждую минуту опоздания редакция платила непомерные штрафы.

О скупости господина Гимельфарба в журналистской среде ходили легенды. Говорили, что когда он открывает кошелек, оттуда моль вылетает. Но на этот раз Рита добилась невозможного – выпуск номера был задержан и интервью появилось на первой полосе уже утром.

А вечером того же дня я был впервые допущен в святая святых нашей газеты – кабинет владельца газеты Шабтая Гимельфарба. Его предки были выходцами из России, хотя и с сильным акцентом на русском он все же изъяснялся.

– Я весьма доволен, что наша газета получила эксклюзивное интервью с Горби, – без какого бы то ни было проявления эмоций сообщил он, не отрываясь от просмотра каких-то финансовых «простыней». Я решил тебя премировать, но потом подумал, что эти деньги можно истратить с

большей пользой. Таких фруктов, как в Израиле, нет нигде и семья Горби, в знак признательности нашей газеты, должна получить в подарок коробку с фруктами. Я уже знаю, какие официальные подарки дарит ему Израиль. А вот подарить фрукты никто не додумался. Додумался только я, – и на его устах мелькнула и враз пропала какая-то гримаса, видимо, означавшая улыбку.

Дальнейший разговор скорее напоминал инструкцию привередливой хозяйки, отправляющей нерадивого пасынка в овощную лавку. Я услышал полный перечень фруктов, которые мне надлежало купить, способ упаковки, а также указание положить в коробку не менее десяти экземпляров газеты. Господин Гиммельфарб на глазах превращался в истинного мота.

На следующий день Горбачевы улетали и я, груженный коробкой с фруктами, весившей килограммов пятнадцать, приперся в зал правительственных делегаций аэропорта. Подошел к пресс-секретарю Горбачева Тумаркину:

– Володя, тут вот в подарок от нашей газеты фрукты кой-какие...

– Вот здорово, – рассмеялся Тумаркин. – Подарков надали кучу, а о фруктах никто не подумал. Ну, а нам самим неловко было намекать. Не знаю, как шеф, а Раиса Максимовна просто счастлива будет. Она даже говорила, что ей так хотелось бы угостить израильскими фруктами внуков. Так что огромное спасибо и тебе, и твоей газете.

Делегация распрощалась с радушными израильтянами, Раиса Максимовна, улучив мгновение, подошла ко мне и поблагодарила за фрукты. Зал опустел, я уж было собрался уходить, когда ко мне подошел плечистый, средних лет человек и крепко, так что не вырвешься, взял чуть повыше локтя. В ухе у него торчал наушник, от которого вьющаяся проволочка пряталась где-то за лацканом пиджака. В принадлежности этого господина к определенным службам сомневаться не приходилось.

– Ты что передал господину Тумаркину?

– Фрукты.

– Фрукты! – передразнил он меня. – Ты передал ему запечатанную коробку, которая наша служба безопасности не сумела проверить. Не могли же мы ее выдирать из его рук. А если там не фрукты?

– Я сам в лавке отбирал, и заворачивали их при мне и коробку при мне заклеивали. Вы же наверняка знаете, что я в газете работаю.

– Да, знаем мы тебя, нахала, знаем. Вечно лезешь впереди всех. Заклеивали при тебе, а потом без тебя кто-нибудь расклеил, что надо подложил и снова заклеил. Ты можешь гарантировать, что такого не было.

– Могу. Коробка все время при мне находилась.

– Короче так. Самолет приземлится в Москве через четыре часа. Пока не получим сообщение о благополучном прибытии самолета, будешь сидеть. И моли Бога, чтобы твоя ко-

робка не рванула. Таким образом моя аккредитация на визите Михаила Горбачева была поневоле продлена еще на четыре часа.

НЕОБИДЧИВЫЙ ЛИОН

В самом центре Тель-Авива, возле знаменитого Дизенгоф-центра, есть магазин под названием «Книжная лавка». Хозяюку магазина Шему Принц не только знают книжники многих стран мира, но и российские артисты. Приезжая в ТельАвив, они непременно заходят к Шеме, где она угощает их вкуснейшим ароматным кофе, приготовленному по только одной ей ведомому рецепту. Наш брат-репортер тоже Шему стороной не обходит, ибо знает – в «Книжной лавке» можно порой встретить такую знаменитость, что эксклюзивное интервью само в руки рвется. У Шемы Принц довелось мне встречаться с Алексеем Баталовым и Евгением Матвеевым, здесь встречался я с Аркадием Хайтом и Лионом Измайловым. Помню, с Измайловым даже сфотографировались на память. А встретились много лет спустя на Московской международной книжной ярмарке, куда меня ни в какую пускать не хотели.

Честно говоря, подвела самонадеянность. На ярмарке была представлена одна из моих новых книг, вышедшая в московском издательстве «Вече». Главный редактор издательства Сергей Николаевич Дмитриев позвонил мне на мобиль-

ный телефон и спросил, куда отправить приглашенный билет. Как раз в день открытия выставки я с утра прилетал в Москву, сказал Сергею Николаевичу, чтобы он не забивал себе голову такой мелочью, мол, как-нибудь в павильон проберусь. Утром приезжаю на ВВЦ, у шлагбаума останавливает охранник. С гордостью объясняю ему, что я автор, моя книга презентуется на выставке, а билета у меня нет, потому что только что прилетел и прямиком из аэропорта – сюда. Охранник, судя по-всему, выслушал меня в пол-уха, равнодушно, хотя и достаточно вежливо пояснил, что писателей пруд-пруди, а для проезда на выставку нужен приглашенный билет. Понимая всю бесполезность дальнейших препирательств, я поинтересовался у водителя, есть ли здесь какой-нибудь иной вход. «Да почитай не меньше десятка», ответил водитель. Когда по моей просьбе мы подъехали к другой проходной, я важно завил охраннику:

– Я главный инженер водоканала, у вас тут в семнадцатом павильоне трубу прорвало, а там как раз сейчас международная книжная выставка открывается.

Охранник стал что-то мямлить по поводу того, что у него на вахте никакой заявки об аварии нет.

– Нет, так нет, – с деланным равнодушием процедил я. – Пусть там хоть все ваши книжки зальет, Доложу по начальству, что машину не пропустили, и поеду пиво пить.

– Нет-нет, – явно испуганно всполошился охранник. – Езжайте давайте, ишь ты, что придумал, пиво он пить поедет.

А кто чинить будет?

На выставке нескольким приятелям рассказал я этот забавный эпизод. Был среди них и Лион Измайлов. Я напомнил ему о встрече в Тель-Авиве. Почти не сомневаюсь, что Лион Моисеевич меня в тот момент не признал, но не виду не подал, похвалил за находчивость, мы еще какое-то время обсуждали увиденные книги, потом вместе попали на фуршет. Одним словом, знакомство укрепилось.

Особенно часто мы встречаемся в компании Сергея Михайлова, с которым оба близко дружим. Лион человек очень коммуникабельный, в общении легкий, на шутки горазд. Правда, кое-кто считает его чрезмерно обидчивым. А поэт Михаил Танич даже написал эпиграмму: «Лион проснулся в неглиже, а обижается уже». А Лион вовсе не обидчив, а напротив добродушен. Просто он не любит, когда люди проявляют непунктуальность, равнодушную забывчивость. Но он и обижается-то ненадолго. И в своем юмористическом цеху у него почти со всеми лад да дружба.

Помню, прямо из аэропорта приехал я на какое-то дружеское веселье. Зашел в зал, а там Евгений Петросян что-то возмущенно рассказывает. Выяснилось, что готовится к выходу в эфир новая программа Лены Степаненко, а продюсер телевидения потребовал, что название программы состояло из двух слов, объединяло в себе событие и место действия. Петросян жаловался, что представил уже с десятков различных названий, но продюсер недоволен. Лион увидел меня и

воскликнул: «Вот, Якубов писатель, он сейчас и придумает». Я поинтересовался у Евгения Петросяна и Елены Степаненко, о чем, собственно программа. Они мне напробой стали рассказывать, что придумали образ этакой вальяжной мадам Кыш, которая у себя в доме будет принимать знаменитых артистов.

– Кышкин дом, – чего там еще думать, – выпалил я первое пришедшее в голову.

Петросян тут же схватил мобильник, стал названивать продюсеру и, дозвонившись, со строгими интонациями произнес: «Рядом со мной сидит профессиональный писатель. Он для Лениной передачи придумал название. Как ты и требовал, из двух слов – «Кышкин дом». Выслушал ответ и несколько даже растерянно произнес: «Принято».

По-моему больше всех радовался удаче Лион, без ложной авторской ревности провозгласивший: «А мне и в голову не пришло...»

Как-то в узкой компании собрались мы в одном ресторанчике вечером 7 марта. Как известно, мужчинам вовсе не обязательно присутствие женщин, чтобы отметить их праздник. Вот и мы в сугубо мужском обществе весело ужинали. Лион посмотрел на часы, заявил, что пора домой и, быстро распрощавшись, уехал, забыв в спешке свой мобильный телефон. Трубка звонила беспрерывно, явно мешая нашему веселью. Потом один из присутствующих высказал предположение, что это сам себе Измайлов звонит, чтобы проверить,

где забыл телефон. Ближе всех трубка лежала ко мне, после очередного звонка, нажал кнопку вызова и услышал: «Здравствуйте, Лион Моисеевич, это из дирекции одесской юмористы вас беспокоят. Ничего, что так поздно?»

– Ничего, – неожиданно сам для себя буркнул я, вместо того, чтобы объяснить ошибку.

– А что у вас с голосом, Лион Моисеевич?

– Простыл немного, – продолжал резвиться я и деланно закашлялся.

– Поправляйтесь Лион Моисеевич. Но я хотел по поводу договора уточнить. Вас там все устраивает?

– Ничего меня там не устраивает. Вы что, меня за начинающего мальчишку принимаете. Гонорар надо удвоить, предоплата должна быть стопроцентной.

– Но, Лион Моисеевич, мы же так не договаривались, – попытались возражать в Одессе.

– Я все сказал, – непреклонно заявил я и отключился.

Через секунду телефон затрезвонил вновь. Теперь это точно, Лион, решили все собравшиеся и я снова взял трубку. Не узнать говорившего было невозможно – это был Михаил Николаевич Задорнов. Уж ему-то врать, что с ним говорит Измайлов, не имело смысла, голос друга он бы узнал мгновенно. Дух розыгрыша обуял меня и я нахально заявил, что Измайлов ненадолго отлучился, а меня попросил отвечать на звонки и потом сообщить ему, кто звонил.

– Ну, скажите, что звонил Задорнов, – пророкотал в труб-

ку сатирик.

– Этой какой Задорнов, бывший министр финансов?

– Каких еще финансов?! Это писатель Михаил Задорнов.

– А что, есть такой писатель?

– Вы что себе позволяете? – возмутился Задорнов.

– Ну, не обижайтесь, Михаил Николаевич. Это Олег Якубов. Я вас, конечно, сразу узнал, но решил пошутить.

– Нашел, кого разыгрывать, – обидчиво буркнул Задорнов.

Решив больше судьбу не искушать, телефон Измайлова мы выключили. Он дозвонился утром, пригласил в Сандуны, где мы и встретились. Поехали с приятелем, который всю дорогу бубнил, что я должен Лиону немедленно все рассказать, дабы не натворить ему каких-нибудь проблем с дирекцией одесской юморины. Без того сожалея о вчерашнем розыгрыше, я проворчал, что самые праведные люди это раскаявшиеся грешники, а поскольку приятель, на мой взгляд, и поныне грешит, то не хрен ему меня поучать.

Лион встретил нас радушно. Сказал, что Задорнова по поводу бывшего министра финансов я разыграл классно и что Задорнов на розыгрыш вовсе и не сердится.

– А еще кто звонил? – осторожно поинтересовался Лион.

– Понимаешь, Лиончик, – начал я лепетать. – Мы вчера крепко выпили, не все помню. Вроде из Одессы звонили, что-то там насчет какого-то договора бормотали.

– А, – беспечно махнул рукой Измайлов. – Это ерунда.

Они чего-то там в договоре пересмотрели, причем условия улучшили. Сегодня мне позвонили, так я что, дурак отказываться?

...Как-то раз оказались мы в одном самолете. Группа юмористов передачи «Аншлаг» отправлялась на гастролы в Ташкент. Я летел в родной город с друзьями повидаться. Сидел в салоне самолета рядом с Лионом Измайловым. Подошла стюардесса, протягивает блокнот и просит у Лиона Моисеевича автограф. Лион уже руку к блокноту протянул, как я вмешался: «Минуточку, девушка. Вы ведь, верно, думаете, что это знаменитый Лион Измайлов, а на самом деле это его двоюродный брат-двойник. И к писателю он никакого отношения не имеет, они даже не дружат». Девушка в замешательстве убрала руку с блокнотом.

– Да не слушайте вы его, девушка, это он вечно шутит. Я и есть Лион Измайлов, давайте ваш блокнот, оставлю автограф.

– Ну, хорошо, – не унимался я. – Если ты действительно Лион Измайлов, то, вместе с автографом, напиши девушке и записку, чтобы ее на концерт «Аншлага» пустили.

– А что, и напишу.

Вообще, вполне, кстати, объяснимую слабость Измайлова к автографам известна всем его друзьям. Однажды специально для него я даже процитировал один из знаменитых «гариков» – четверостиший поэта Игоря Губермана:

«Мне с самим собой любую встречу

Стало тяжело переносить.

В зеркале себя едва замечу –
Хочется автограф попросить.»

Когда мы прилетели в Ташкент, Лион мне говорит:

– Знаешь, я девятнадцать лет в Ташкенте не был. Здесь, небось, уже и люди поменялись, да и неизвестно, над какими шутками они теперь смеются, Все-таки другая страна. Ты вот что. Когда на концерт придешь, посади рядом парочку друзей и после моего выступления громко крикните: «Браво, Лион!» Меня это здорово поддержит. Хоть буду знать, что в зале родные люди есть.

Начался концерт. Одним из первых на сцену вышел Лион Измайлов. Блестящему сатирику, ему и в этом городе можно было не волноваться. Едва он появился на сцене, раздался гром аплодисментов. Лион поклонился, но только успел произнести: «Здравствуйте, дорогие ташкентцы», как откуда-то из центра раздался оглушительный рев: «Браво, Лион!» Это старались проинструктированные мной приятели. Этот вопль они исправно дублировали буквально после каждой фразы Измайлова и первый номер сорвали ему напрочь. Потом, приструненные, угомонились, и дальнейшее выступление прошло гладко и с большим успехом.

Чего греха таить, Лион за эту выходку на меня обиделся. Но не надолго. Лион человек необидчивый.

ВОН ИЗ ЛДПР!

Телефонный звонок раздался в моей израильской квартире около часу ночи.

– Вас беспокоят из канцелярии премьер-министра, – сообщил вежливый голос. – Завтра утром господин Рабин улетает с официальным визитом в Россию. Принято решение включить вас в состав сопровождающей группы израильских журналистов. В шесть утра вы должны быть в VIP-зале аэропорта имени Бен-Гуриона.

– Но у меня нет российской визы,..

– Представитель российского консульства оформит вам ее на месте, пожалуйста, не опаздывайте.

Уже в самолете от пресс-секретаря Ицхака Рабина я узнал, чем вызвана была такая внезапность моего отъезда. К первому официальному визиту главы израильского правительства в Россию готовились, понятное дело, загодя и довольно тщательно. В том числе, без всякой спешки комплектовали и группу журналистов, куда вошли виднейшие израильские политические обозреватели газет, радио и телевидения. Но в последний момент кто-то выразил недоумение по поводу того, что в группе журналистов, отправляющихся в Россию, нет ни одного репортера русскоязычной прессы. Надо сказать, что в то время русскоязычных газет в Израиле было совсем немного и котировались они весьма слабенько. Короче говоря, стали перебирать кандидатуры, на моей остановились, в том числе, и по той технической причине, что у меня к тому времени уже был оформлен загранпаспорт.

Начало было чудесным – правительственный аэропорт Внуково-2, военный караул, красные ковровые дорожки, комфортабельные автобусы, в сопровождении милицейских машин с мигалками домчавшие нас до гостиницы «Метрополь». Потом начались заминки. Выяснилось, что наш багаж отвезли в какую-другую гостиницу и привезут попозже. Потом сообщили, что не могут найти гостиницу, куда отправили багаж и потому чемоданы доставят с утра. Я отправился к дежурной и попросил дать мне зубную щетку и хотя бы одноразовую бритву, на что дежурная беспечно ответила, что уже ночь, запросто можно обойтись и без того, и без другого. На робкое замечание, что еще Владимир Маяковский рекомендовал: «Зубы чисть дважды. Каждое утро и вечер каждый», дежурная просто не отреагировала, у нее было слишком много забот – в служебном помещении собирались праздновать чей-то день рождения, так что ей не до назойливых просителей было.

Гостиничные рестораны по позднему времени уже были закрыты, отправился в бар. Там уже галдели мои коллеги, которые, увидев меня, оживились, пригласили к своему столику и стали расспрашивать о Москве, поскольку никто из приехавших израильтян, как выяснилось, ни разу в российской столице не был. За столиком чуть поодаль сидела стайка девушек, бросавших в нашу сторону весьма красноречивые взгляды и недвусмысленные улыбки. Сомневаться по поводу причины их нахождения в гостиничном баре не приходи-

лось. И все же один из коллег спросил: «Это кто, русские проститутки?»

– Не знаю, я сам в этой гостинице первый раз, – ответил я.

– Но ты же говоришь по-русски, позови их, поговорим.

На предложение разделить нашу компанию девушки откликнулись охотно, и мгновенно подхватив сумочки, перебрались к нашему столу. Мужчины галантно заказали им выпивку, сначала шел общий треп, потом кто-то, убедившись, что одна из девушек сносно говорит на английском, перешел к конкретике. И тут же раздались изумленные возгласы – выяснилось, что неземное удовольствие, полученное от общения с каждой из девушек в течение часа, обойдется джентльмену в восемьсот американских долларов. Было высказано мнение, что цена непомерно высока, на что единственная обладательница небольшого запаса английских слов обиженно возразила, что и расход у нее не мал: «Швейцару плати, ментам плати, у бармена каждые полчаса хоть что-нибудь да закажи, иначе попрет отсюда, да и попку прикрыть надо, на ходить же сюда в польских шматках. Впрочем, добавила девица, обращаясь к одному из мужчин, если ты такой нищий, то я тебе скидку сделаю на сто боксов».

Журналисты вежливо поблагодарили девушек за оказанное им внимание, но когда те уже поднялись, один вдруг сказал:

– Нет, я не могу упустить такую возможность. Раз она просит всего за один час восемьсот долларов, значит, умеет что-

то особенное, чего никто не умеет, – и решительно воскликнул. – Погодите, я с вами.

Утро следующего дня было для группы журналистов свободным, накупив свежих газет, я стал придумывать чем бы заняться. В одной из газет прочел, что сегодня отмечает свой день рождения лидер ЛДПР Владимир Жириновский. О либерально-демократической партии России и ее лидере Владимире Жириновском в Израиле ходили слухи самые эпатажные и я решил, что взять интервью у Жириновского в такой день – хорошая репортерская работа. Раздобыл через справочную телефон штаб-квартиры ЛДПР и уже через пару минут разговаривал с кем-то из его идеологов. Интервью с лидером он мне не гарантировал, но сам, после недолгих уговоров, побеседовать со мной согласился.

Меня любезно встретили у входа во внушительный старинный особняк, проводили на третий этаж, я познакомился с идеологом, включил диктофон и начал откровенно тянуть резину. Расчет у меня был простой: рано или поздно лидер появится в своей канцелярии, а уж попасть ему на глаза и задать несколько вопросов – дело техники. Расчет оказался, в принципе, верным, но бдительная охрана мои планы исковеркала враз. Кто-то, явно обличенный гораздо большими, чем идеолог, полномочиями, ворвался вихрем в кабинет и, увидев диктофон, завопил с возмущением: «Эт-то что такое! Почему диктофон, почему посторонние в офисе. Через пятнадцать минут папа приедет, а ну – вон отсюда!» Идео-

лог робко пролепетало, что беседует с израильским журналистом, но это лишь подлило масла в огонь. Услышав, что в офисе иностранец, да еще и из Израиля, да еще и входящий в правительственную делегацию, свирепый охранник просто озверел от злости. Ситуация явно требовала моего вмешательства. Я поднялся со стула, сунул церберу под нос карточку пресс-центра ООН, где был аккредитован, и с расстановкой произнес довольно туманную фразу:

– Своими действиями вы нарушаете те принципы, которые отстаивает и последовательно защищает Организация Объединенных Наций.

Как ни странно, ооновское удостоверение произвело должное впечатление и грозный страж забормотал:

– Поймите, никаких личных претензий к вам у нас нет. Но сегодня у господина Жириновского день рождения, он сейчас едет сюда и мы хотим отметить его дату в тесном партийном кругу. Надеюсь, это не идет вразрез с принципами ООН, – добавил уже язвительно.

В сопровождении «почетного» вооруженного эскорта меня выпроводили из здания, проследили, чтобы я перешел на другую сторону дороги. Раздраженный, вернулся в гостиницу. Ну, напишу несколько язвительных строк о том, как израильского журналиста выперли из партийной канцелярии – тоже мне репортаж, скорее констатация собственного профессионального бессилия, чем скандал. Уязвленное самолюбие не давало покоя, я снова взялся за телефонную трубку,

тем более, что номер мне уже был известен, да и кое-какой терминологии я в офисе успел поднахвататься. Импровизировал по ходу:

– Здравствуйте, моя фамилия Никифоров, из Челябинска, – сказал дозвонившись.

– Ну, и чего тебе надо, Никифоров? – спросили на другом конце провода.

– Да вот, хочу папу с днем рождения поздравить.

– А ты член ЛДПР?

– А то? конечно член, еще какой член.

– Ну, ладно. Передадим папе твои поздравления. Как, говоришь, твоя фамилия?

– Ты чо!, – начал я себя накручивать. – Какое-такое «передадим», совсем с ума посходили. Я, может, первый раз в этом году в баню ходил, помылся специально для такого дня. Ишь ты, передадим. А ну, давай трубку папе, а не дашь, так я сейчас пойду на городскую площадь, оболью себя бензином и сожгу на хрен.

– Да тиши, тише ты, псих, – стал увещевать меня говоривший. – погоди минутку.

Потом в трубке послышалась скороговорка, из которой я понял, что мой собеседник докладывает о разговоре – звонит какой-то псих из Челябинская, хочет папу поздравить, а если ему этой возможности не дадут, то грозитя сжечь себя на городской площади.

– Может, и правда соединить его с папой, глядишь, Воль-

фовичу приятно будет.

И через несколько мгновений я услышал в трубке: «Слушаю, Жириновский».

– Здравствуйте, Владимир Вольфович, – заговорил я, обдумывая каждое слово, чтобы разговор не прервался сразу. – Моя фамилия Якубов. Я израильский журналист, нахожусь в Москве в составе группы сопровождения премьер-министра Ицхака Рабина. Звоню вам с единственной целью поздравить с днем рождения.

– Да-да, я слышал о приезде израильского премьера, – заговорил Жириновский. Ну что ж, спасибо, мне очень приятно ваше поздравление. Желтая пресса клеймит меня антисемитом, и я очень жалею, что вас сейчас нет рядом, я бы рассказал вам, какой я антисемит.

– А вы позовите, Владимир Вольфович, я мигом приеду, – вкрадчиво сообщил я.

– Понимаете, мы тут сейчас отмечаем день рождения в очень узком семейном кругу, заранее договорились с соратниками, что посторонних не будет, – Жириновский замаялся, умолк на несколько секунд, потом решительно сказал. – Вечером у меня банкет в ресторане «Будапешт», я распоряджусь, вам привезут приглашение. Вы в какой гостинице остановились?

Вскоре зазвонил телефон. Предельно вежливый голос сообщил, что приглашительного билета не понадобится, моя фамилия включена в узкий список гостей, которых Влади-

мир Вольфович пригласил лично. Мне лишь надо подъехать к ресторану «Будапешт», наличие паспорта обязательно.

В назначенное время я уже входил в ресторан под завистливые взгляды своих коллег из израильского телевидения, которые вынуждены были отступить, когда им объяснили, что эксклюзивное право съемок на банкете Жириновского выкупила на корню телекомпания CNN.

Меня провели к юбиляру, он выслушал мои поздравления, на просьбу уделить хоть несколько минут для беседы, благосклонно кивнул, заметив: «Понятно, не сейчас, попозже. Вам сообщат».

Банкет набирал обороты, Уже плясал на сцене, расчетливо сбросив пиджак на руки помощнику, Жириновский, ревели, как слоны, свое традиционное «Любо!» казаки, охотно фотографировались со всеми желающими длинноногие юные красавицы, накачивались специально изготовленной водкой «Жириновка» партийные массы. Прошло уже часа четыре и я решил, что обо мне попросту забыли в угаре веселья. Несколько предпринятых попыток самому протолкнуться к имениннику закончились неудачей – охрана была бдительной и непреклонной. Я уж было решил покинуть это шумное сборище, но интуиция подсказывала – жди. И мое терпение было вознаграждено. Кто-то легонько тронул меня за плечо: «Идемте быстрее, Владимир Вольфович ждет вас. Только имейте в виду – всего несколько минут».

Жириновский стоял в кольце плотного окружения, вокруг

грохотала музыка и я с досадой подумал, что на диктофон ничего записать не удастся. Но едва, мы заговорили, в зале волшебным образом воцарилась тишина. Жириновский был деловит, собран, фразы формулировал четко, я с удивлением отметил, что либо на него хмель не действует, либо он не пил вовсе.

В баре «Метрополя», ожидавшие, как выяснилось, именно моего появления, израильские коллеги, встретили меня чуть ли не овациями и потребовали подробностей. Но какой же репортер поделится с таким трудом добытой информацией? Я ссылаясь на усталость, рассказывал о каких-то ничего не значащих деталях. Потом под предлогом, что нужно срочно расшифровать диктофонную запись интервью, улизнул в номер. И все коллеги меня, хотя и своеобразно, но все же опередили. Мое интервью вышло в Израиле лишь через день, а уже на следующий день все крупнейшие газеты страны опубликовали на своих первых полосах практически один и тот же заголовок: «Израильский журналист на дне рождения у Жириновского». Словно, я в клетке со львом побывал.

НА ЯЗЫКЕ РОДНЫХ ОСИН

Все официальные делегации, приезжающие в Израиль, непременно посещают в Иерусалиме музей Катастрофы еврейского народа «Яд ваш ем». Собственно говоря, это му-

зей-парк и территория его огромна. Поэтому для официальных лиц, в зависимости от плотности программы их пребывания, экскурсии делают либо полные, либо «усеченные». Но при любых обстоятельствах обязательно в программу посещения входит так называемый детский зал музея. Это совершенно необычное место, где любой нормальный человек не может не испытать сильнейшего эмоционального напряжения.

На самом деле в детском зале нет ничего, казалось бы, особенного. Да и самого зала как такового никто не видел – он полностью затемнен. И когда после яркого солнечного света попадаешь в зал, то сразу тонешь в этой густой темноте. Потом начинаешь различать какое-то мерцание. Поднимаешься по лестнице и оказываешься на довольно большой высоте. А внизу – свечи, море свечей. Каждая свеча зажжена в память о погибшем в годы Второй мировой войны еврейском ребенке. В зале полнейшая тишина и только монотонный голос диктора произносит детские имена, имена погибших...

Израильские репортеры в музее «Яд ва шем» иногда попросту дежурят, особенно в дни приезда каких-либо известных политических деятелей. Вместо того, чтобы гоняться за ними по всей стране, проще приехать в музей, дожидаться посещения и спокойноенько взять интервью. Но бывало, что и в музее гости не задерживались и тогда интервью срывалось. Именно поэтому для себя самого я систему получения ин-

тервью, можно сказать, усовершенствовал. В конце экскурсии любого высокого гостя непременно подводили к небольшой трибунке, где уже загодя была приготовлена книга отзывов почетных гостей. Эта трибуна установлена прямо у выхода из детского зала и огорожена густым кустарником. Я обычно выжидал, когда на трибуну положат книгу отзывов – это был сигнал, что через пару минут делегация из зала выйдет – тут же подходил и устраивал возле книги включенный диктофон. Гость делал запись, я стоя поодаль, просил, чтобы запись прочитали вслух, а уж задать после этого еще несколько вопросов особого труда не составляло. Схема действовала безотказно, но нет такого механизма, который бы не давал сбой. Так случилось и у меня во время визита министра иностранных дел России Андрея Козырева.

Поначалу все шло как по маслу, то бишь, по давно отлаженной схеме. Служители музея вынесли книгу, я установил диктофон, отошел в сторонку и спокойно ждал нужного момента. Козырев сделал в книге запись, я выкрикнул привычное «Андрей Владимирович, прочтите, пожалуйста, вслух, какую запись вы сделали музею». Но именно в этот момент кто-то из сопровождавших российскую делегацию, обратился к министру с вопросом. Он отвлекся, клича моего не услышал и я стал продираться вперед, что вопрос повторить. И вот это была моя главная ошибка. Схема не давала сбоев до тех пор, пока я смиренно стоял за обозначенной охраной чертой и не нарушал демаркационной, так ска-

зять, линии. Как только я сделал шаг вперед, как меня тут же стала оттискивать охрана. Интервью было под угрозой, что может быть для репортера страшнее, и я ломился вперед, не видя преград. Тут же охрана взялась за меня основательно. При этом свое профессиональное мастерство и особую рьяность демонстрировали, в основном, охранники, приехавшие вместе с министром иностранных дел России. Ну, а поскольку говорили мы на одном языке, то я постарался им объяснить, насколько они не правы. Вероятно, в пылу дискуссии несколько увлекся, так как применял слова, которые в программе спецкурса факультета русской филологии обозначены, как «жаргонная и бранная лексика деклассированного элемента». Я энергично рекомендовал охранникам отправиться по короткому и очень четкому адресу, высказывал готовность немедленно вступить в половую связь с мамой каждого из них, обвинял их в пристрастии к содомии, ну и так далее. Министр сначала обернулся на возникший шум, потом стал совершенно явно прислушиваться к столь непротокольным высказываниям и, наконец, от всей души рассмеялся.

– Что там у вас случилось? – спросил Козырев в итоге.

Охранники не успели и ртов раскрыть, как я уже встрял: «Да вот они, Андрей Владимирович, не разрешают мне задать вам вопрос...»

– А вы свои вопросы собираетесь задавать мне в той же тональности? – шутливо спросил министр.

– Ну что вы, Андрей Владимирович, я только хотел спросить, какое впечатление произвело на вас посещение музея Катастрофы, – елеиным голосом проговорил я ему.

Козырев ответил на этот вопрос, потом на несколько других, но в конце этого импровизированного интервью не удержался от едкого замечания: «Давненько не приходилось мне на протокольных мероприятиях выслушивать столь эмоциональных речей».

– Нет худа без добра, – позволил я себе еще одну наглую выходку. – В конце-концов, Андрей Владимирович, вы получили возможность убедиться, что репатрианты из Советского Союза, несмотря на длительность проживания в Израиле, не только не забыли русского языка, но и не утратили понимания всех его тонкостей и особенностей.

– Умеете излагать, – все так же одобрительно подвел черту нашему диалогу Козырев.

X X

X

...Английский миллионер Максвелл решил внести свой вклад в репатриацию советских евреев в Израиль. На свои деньги он открыл газету «Время» – она издается и по сей день. Все делалось основательно и денег миллионера не жалели. Помещение арендовали в редакции крупнейшей израильской газеты «Маарив», закупили компьютеры, утвердили

немаленький штат с хорошими зарплатами, обеды в редакционной столовой были бесплатными, репортерам оплачивали расходы на бензин. Мне предложили контракт в новой газете.

Рита откровенно огорчилась и посоветовала пойти к Гиммельфарбу: может, он прибавит зарплату, тогда и уходить незачем будет. Поплелся к боссу. После первой же фразы он меня перебил:

– Я уже все знаю. Иди и подписывай контракт. Ты сейчас у меня сколько получаешь, – и сам ответил, – 1200 шекелей. А там тебе предложили 4500. О чем тут думать? Брось свои советские штучки и думай о собственной карьере.

Репортеры во «Времени» были в цене. Газета формировалась по чисто западному образцу, репортаж, как и положено, главенствовал на полосах. К тому времени у меня уже была машина и я исколесил страну вдоль и поперек. В Израиль стали приезжать на гастроли российские артисты, интервью с ними стали неотъемлемой рубрикой нашей газеты.

ТРИ АВТОГРАФА НИКУЛИНА

Юрий Владимирович Никулин приехал в ТельАвив для съемок своей передачи «Белый попугай». Был он к тому времени уже неизлечимо болен, съемки давались ему с явным трудом, но он бодрился, сам настаивал, чтобы неудавшиеся, на его взгляд, эпизоды переснимались по несколько раз, по-

ка не добивался нужного результата. В завершающий день съемок его прямо с площадки увезли в больницу с сильнейшим сердечным приступом. В больнице он пробыл два дня и, несмотря на настояния врачей, вернулся в гостиницу, пообещав беречь себя и аккуратно проходить все назначенные ему процедуры. Интервью с Никулиным у меня было назначено заранее, но я опасался, что из-за плохого самочувствия оно сорвется. Но Никулин встретил меня вполне радушно, сказал, что раз обещал – беседа состоится. Осматривающий его в тот момент врач с явным неудовольствием нахмурился, отвел меня в сторонку и сердито пробурчал: «Пощадили бы вы его. Он очень плохо. Короче – двадцать минут и ни минутой больше.

– Постараюсь управиться доктор, – пообещал я эскулапу, на ходу включая диктофон.

Ног моя прыткость Юрию Владимировичу пришлась явно не по душе.

– Ты что, куда-то торопишься? – спросил он меня с явно недовольной интонацией.

– Помилуйте, Юрий Владимирович, – поспешил я его заверить. – У меня вопросов куча, но врач...

– Да ладно, он же ушел, так что сиди спокойно. Вот мы сейчас с тобой чайку заварим, под чаек и разговор душевнее будет.

Мы беседовали несколько часов, настолько оба были увлечены разговором. Каких только тем ни касались – и профес-

сиональных и просто, что называется, за жизнь общались. Никулин даже спел мне недавно на его стихи написанную песню, для чего с гитарой из соседней комнаты позвал сына Максима. Когда уже беседа подходила к концу, я сказал: «Еще один вопрос для интервью, Юрий Владимирович. В Израиле, понятное дело, вы для «Белого попугая» снимали еврейские анекдоты. А какие анекдоты планируете для следующей передачи?»

– На Чукотку поедем, анекдоты про чукчей будем записывать, – лаконично ответил Никулин.

Тут я возьми, да брякни. Я тоже один анекдот смешной про чукчу знаю, для передачи он, правда, не подойдет, но вдруг вы его не знаете, и вам для коллекции интересно будет.

Никулин рассмеялся и закричал: Максим, Максим, иди сюда скорее.

Из своей комнаты снова вышел Максим.

– Посмотри на этого нахала, – обратился Юрий Владимирович к сыну. – Утверждает, что знает какой-то анекдот, который я не знаю.

Максим довольно флегматично ответил: «Ну, а что тут такого, может, и вправду не знаешь».

– Так, – ошарашенно развел руками Никулин. Значит, вы заодно. Ну, хорошо же. Вот лежат три мои книги, – он кивнул на журнальный столик. Одну из них я предполагал тебе подарить с автографом. А теперь ставлю тебе условие. Если рассказываешь анекдот, который я не знаю, подписываю те-

бе все три книги, если я анекдот знаю, не получишь ни одной. Ну что будешь рисковать?

– Буду, – я согласно кивнул.

– Нет, ты вправду нахал, мне даже нравится.

– Да никакой не нахал, – запротестовал я. Просто ничем не рискну. – И с этими словами открыл портфель, в котором у меня лежала специально захваченная с собой книга Юрия Владимировича. – Как видите, я не наглый, а запасливый. И о том, чтобы не уйти без вашего автографа позаботился заранее.

– Ладно, задорно рассмеялся Никулин. Твоя взяла, рассказывай свой анекдот.

А анекдот у меня был такой. Чукча приезжает в Москву, в последний день ходит по магазинам, покупает родне подарки. Забрел в магазин фирмы «Свет» и ошалел от сияния. Подозвал продавщицу и кивая на каждый незнакомый ему предмет «цокает». «Это цо?» «Это торшер», отвечает продавщица. «А это цо?» «Это бра». «А это цо?, кивает чукча на люстру. Надоело это бесконечное «цо» продавщице, она возьми, да брякни. «Жопа это». «Сколько стоит зопя?», интересуется чукча. «Тысяча двести рублей». Чкуча покопался в карманах, но наскреб только тысячу и, огорченный, вышел из магазина.

Вернулся он домой, собрал родных и друзей, делится московскими впечатлениями, в том числе и про поразившую его люстру рассказывает: «А в одном магазине зопу выдел, вся

с висюльками, сияет, переливается, вот только денег купить не хватило.

Прошло пару лет, поднакопил чукча деньжат, снова в Москву отправился, но теперь уже первым делом в магазин «Свет» приходит. Только продавщица была там другая. Чукча с ходу к ней: «Девушка, мне за тысячу двести зопу покажи». Та ошалела и бегом к директору: «Иван Иваныч, там какой чудак с севера приехал и просит, чтобы я ему за тысячу двести рублей жопу показала.

– Ну что ж, Машенька, за такие деньги, я считаю, – можно.

Продавщица манит чукчу в подсобку, задрав юбку, показывает ему.

– Не, недовольно качает головой чукча, – мне не такую, мне с висюльками. Снова продавщица бежит к директору: «Иван Иванович, он, оказывается, не мою, он вашу посмотреть хочет...»

Юрий Владимирович смеялся от души, а я покидал знаменитого артиста, унося в портфеле три книги с автографами Никулина.

ПО ЖЕЛАНИЮ ПОЭТА

Поэт Евгений Евтушенко гурман известный. Он великолепно разбирается в приготовлении коктейлей, сам изобрел несколько оригинальных рецептов, ценит и любит национальные кухни. В Израиль Евтушенко приехал для уча-

ствия в международной книжной выставке и выступал со своими творческими вечерами. Газета «Время», в которой я тогда работал была информационным спонсором книжной выставки, я встречал Евтушенко в аэропорту. Прилетел он поздним вечером, по дороге в гостиницу поинтересовался, чего бы гость хотел отведать, не преминув заметить, что в Израиле есть рестораны многих народов мира.

– Тогда вопрос на засыпку, – тут же откликнулся Евгений Александрович. – А грузинский ресторан есть?

– И не один, – заверил я его.

– Что и хаш делают? – с недоверием поинтересовался поэт.

– Всенепременно. – Я лично знаю, хозяина ресторана «Кавказ», который приготовление хаша никому не доверяет, готовит исключительно собственноручно. Поэтому хаш у него даже вечером подают.

– Что даже сейчас, в такое вот время можно хаш отведать, – снова выразил недоверие Евтушенко.

– Без проблем, – легкомысленно откликнулся я.

– К черту гостиницу, успеется, – заявил гость, – а сейчас едем на хаш.

Мы отправились в «Кавказ», где хозяин ресторанчика, вечно заросший щетиной Илюша из уважения к классику обслуживал его лично. Евтушенко ел хаш с большим аппетитом, нахваливал его, потом поинтересовался у меня: «Сам-то ты откуда родом». «Из Ташкента», – ответил я. «О, узбек-

ский плов и лагман – это чудо!», воскликнул поэт.

– Ну что ж, в ближайший ваш выходной прошу к себе домой, приготовлю и плов, и лагман, – пригласил я его.

– Что сам, приготовишь.

– Сам приготовлю.

– Тогда вот что. Ты меня не просто к столу зови, ты скажи, когда начнешь готовить, я весь процесс хочу от начала до конца увидеть.

Мы заглянули в программу работы выставки, сверились с датами творческих вечеров и тут же определили, когда у поэта будет ближайший выходной. Часиков в девять утра назначенного дня Евтушенко уже звонил в мою дверь. В приготовлении блюд он возжелал принять самое деятельное участие, заявив, что уж что-что, а лук или там морковь он почистить сумеет не хуже любого повара. К обеду мы управились, пришло еще несколько человек и мы компанией уселись за стол. И плов, и лагман, да и другие блюда удались, похваляюсь, на славу, застольная беседа текла весело и непринужденно. Рассказчик Евгений Александрович отменный, да и слушать собеседника умеет. Одним словом, замечательное было у нас застолье. Поев, мы, отдуваясь, уселись в кресла и на диван, кто-то предложил на память сфотографироваться, я достал «поларойд». На одной из фотографий Евтушенко сделал мне стихотворную надпись, которой я по сей день горжусь и бережно этот снимок храню. Как раз в тот момент, когда мы фотографировались, пришла из школы моя дочь.

Если память мне не изменяет, училась она тогда во втором классе. Евтушенко тут же расцеловал ее в обе щеки и предложил: «Садись ко мне на колени, сфотографируемся с тобой».

– Зачем? – не поняла дочка.

– Как зачем? – даже опешил Евтушенко. – Вот твой папа нас сейчас сфотографирует, ты эту фотографию сбережешь, а когда вырастешь, будешь всем показывать. Девочка кивнула, уселась к поэту на колени, но перед тем, как фотографироваться заявила: «Ладно уж, раз тебе так хочется...»

Совсем недавно встретились мы с Евгением Александрович нежданно-негаданно в одном московском ресторане. Вспомнил он и свою израильскую поездку, посмеялись мы над детской выходкой моей дочери, которая не признала классика, а потом Евтушенко и говорит: «Да, плов у тебя тогда был изумительный, до сих пор вспоминаю. А ты, кстати, помнишь, какую надпись я тебе на фотке сделал?»

– Конечно, помню, разве такую надпись забудешь?

– Врешь небось, – усомнился поэт. – А давай-ка на бутылку хорошего коньяку поспорим.

– Нет. Не хочу спорить.

– А, значит, не помнишь, раз спорить не хочешь.

– На бутылку не хочу, – уточнил я. – Давай на ящик коньяку поспорим.

– На ящик? – протянул он. – Раз на ящик готов спорить, может, и вправду помнишь.

– Ладно, развею твои сомнения, – Ты мне написал после обеда так: «Верю я в Якубова Олега, он мой брат, мой повар, мой коллега». Ну, разве могу я забыть, что живой классик меня и братом и коллегой назвал?

САБЛЯ ДЛЯ ЯКУБОВИЧА

С Леонидом Якубовичем я познакомился еще в те годы, когда они вместе с Владом Листьевым работали на «Поле чудес». Знакомство было коротким – обычное, мало чем запоминающееся интервью, и расстались на долгие годы. Впоследствии заново нас знакомил Леонидом нынешний директор его программы Анатолий Гольдфедедер.

Когда-то Анатолий был организатором первого советского конкурса красоты. Когда он приехал в Израиль, то чуть ли не первым делом явился в редакцию газеты «Время» и предложил провести под эгидой газеты всеизраильский многоэтапный конкурс красоты. Мне идея понравилась, начальство удалось уговорить на удивление быстро, потому что, по идее, придуманной и разработанной Гольдфедедером, особых материальных вложений не требовалось, а привлечение к газете новой читательской массы было почти очевидным. И действительно, конверты с фотографиями потенциальных конкурсанток стали поступать в редакцию мешками, а все родственники и друзья красавиц органично становились нашими читателями. Мы назвали конкурс пышно и претенциозно, использовав название газеты: «Красавица нашего вре-

мени». Незадолго до финала конкурса мне пришлось перенести операцию на глаза, месяца три я ничего не видел и ходил в очках с настолько черными стеклами, что они даже яркого солнечного света не пропускали. Вот в этих как раз очках я, выписавшись из больницы, и явился к месту сбора финалистов и членов жюри. Толя Гольдфедед и артист Ян Левинзон, бывший капитан знаменитых «джентльменов» – одесской команды КВН, он был у нас членом жюри и ведущим финального представления, дружно надо мной подшучивали и интересовались, как я буду определять достоинства финалистов, на ощупь должно быть. Я огрызался и утверждал, что нужно срочно подать заявку в книгу рекордов Гиннеса, поскольку являюсь единственным в мире слепым – председателем жюри конкурса красоты. Конкурс мы провели, красавицу более зрячие, чем я, члены жюри выбрали.

Потом была веселая эпопея со всемирным фестивалем КВН, который Александр Масляков вместе с Гольдфедедом проводили в Израиле. Потом у Толи случился инфаркт, он отнес болезнь на счет жаркого израильского климата и вернулся в Москву. В Израиль все же при каждом удобном случае приезжал и вот как-то они приехали на недельку отдохнуть, в море поплескаться. На следующий после приезда день Толя позвонил мне и спрашивает: «Леня какой-то антикварный магазин разыскивает в старом Яффо, а я понятия не имею, где это. Может, ты знаешь?»

– А что он конкретно ищет?

– Саблю какую-то.

– Знаю я магазин в Яффо, где старинные сабли и кинжалы продаются.

Договорились, не откладывая в долгий ящик, не следующее утро туда и отправиться. Видно, потому, что я единственный знал дорогу, ехать решили на моей машине. По дороге Леонид Якубович рассказал предысторию. Эту саблю заметил он еще несколько лет назад. Но она слишком дорого стоила, и он о ней почти забыл. В следующий свой приезд в Израиль, снова побывал в том же магазине. Сабля стоила уже дешевле, но все еще дороговато. Теперь Якубович решил вновь посмотреть, не продана ли сабля, а вдруг она к тому же еще дешевле стала. «Вот долларов за семьсот я б ее без звука купил», мечтал Якубович.

Приехали в Яффо, разыскали нужный магазин и в полумраке Леня разглядел вожделенную саблю. Спрашиваю у хозяина, сколько она стоит и слышу в ответ – семьсот долларов.

– Вот и сбылась твоя мечта, – говорю Лене. – Покупай.

– Еще чего?! – возмутился он. Кто ж в лавке за назначенную цену вещи покупает, а поторговаться?

Выполняя роль переводчика, начинаю торг. Объясняю, что у господина намерения купить этот паршивый ножичек самые серьезные, но надо бы на этот кусок ржавого железа цену сбросить. Хозяин на мои уничижительные слова не обижается, а напротив, обстоятельно мне объясняет. Ножичек, дескать, ни что иное как турецкая сабля, а если в тем-

ноте плохо видно, то он готов ее и на свету показать. Что же касается меньшей цены, то об этом сегодня и речи быть не может. Дело в том, поясняет хозяин, что он ее, саблю эту, только сегодня утром уже уценил и продает нынче по новой, сниженной цене. И она должна сегодня быть выставлена именно так, потому что если он ее сегодня продаст дешевле, то не будет ему впредь торгового форта. Все это я Якубовичу обстоятельно перевел, на что он возражать не стал, а извлек из кармана пятишекелевую монету (по диаметру точь-в-точь российские пять рублей)) и попросил меня снова переводить. Леня объяснил владельцу антикварного магазина правила русской игры в орлянку и предложил сыграть на своих условиях. Если-де монета падает на «орла», он, Леня, в данном случае покупатель, забирает саблю за пятьсот долларов, ну, а если выпадет «решка», то заплатить за нее восемьсот. Хозяин таким поворотом заинтересовался несказанно, о подобной игре он никогда и слыхом не слыхивал, а человеком, видно, оказался азартным. Сказано-сделано. Подкинули монетку и по торжествующему Лениному возгласу я понял, что сабля досталась ему за пятьсот. «Всю жизнь в игре, глубокомысленно прокомментировал победу друга Толя, тебе ли не выиграть». Хозяин лавки упаковал саблю с тем учетом, что отправляться ей в дальние края, мы забросили вожеленный предмет в багажник и стали держать совет, как дальше проводить день, так замечательно начавшийся.

Гольдфедер не тонко намекнул, что шальные деньги долж-

ны уйти так же легко, как и пришли. Якубович в принципе был «за», но сомневался, чтобы мы сумели достойно потратить их в столь ранний час. Мы его дружно уверили, что никаких проблем с достойной тратой не возникнет и заканчивали переубеждать не очень-то упирающегося шоумена уже сидя за столиком портового кафе, у самой кромки воды. Нам немедля приволокли целую кучу всяких экзотических салатов, пообещали зажарить рыбку немедленно, как только катер вернется с морским уловом, обратив внимание, что катерок уже где-то неподалеку и мотор тарахтит вполне явственно. Одним словом, жизнь явно удалась. Морской ветерок, непринужденная беседа, да находившаяся поблизости и уже обретшая своего хозяина сабля способствовали нашему настроению в не меньшей степени, чем ледяное пиво, которым мы запивали и впрямь

замечательно изжаренную для нас рыбу.

Вечером, возвращаясь домой, я пригласил друзей себе и остановился возле маленького магазинчика, чтобы чего-нибудь к чаю прихватить. В магазинчике, кроме одной, довольно пожилой супружеской пары, никого не было. Он – щуплый юркий мужичок, она – внушительного роста гранд-дама, в длиннополом платье и с явно проступающими на верхней губе усиками. Поначалу, когда мы зашли, внимания на нас не обратили – супруги препирались по поводу какой-то покупки. Первым среагировал на Якубовича мужичок, да и то не на него самого, а его характерный, известный всем, кто смот-

рит телевидение, голос. Еще неб веря себе, мужчина оглянулся на Леню, потер глаза, ущипнул себя за бок, а потом забавно, как мячик подпрыгивая, стал верещать, ужасно картавя: «Фира, Фира, ты только посмотри! Это же живой Якубович!» Оставив продавцам и двум поздним покупателям автограф, Леня снова уселся в машину, обозвал меня за плохое вождение Шумахером и мы отправились пить чай. По дороге Якубович все резвился и говорил, что когда вернется в Москву, все общим друзьям расскажет, как я воду машину: «Олег держит руль правой рукой, а левую постоянно высовывает в окно, чтобы ощупывать бампер впереди идущей машины».

Да, Леня был явно в ударе. Он вспоминал свое кавээновское прошлое, всякие забавные байки, мы все смеялись от души. Потом он вознамерился показать нам, как подходит к роялю Александра Пахмутова. Но для того, чтобы изобразить ее стремительную, и чуть семенящую походку, ему нужен был достаточно длинный проход. Леня открыл входную дверь нашей квартиры, вышел на лестничную площадку и, дабы укоротить гротесково рост, встал на колени. В этот самый момент по лестнице спускался сосед, живущий этажом выше и тоже много лет назад приехавший в Израиль из Союза. Он поздоровался, аккуратно нас обошел, и, бормоча себе под нос: «Нормальные люди в доме живут, Якубович у них перед дверью на коленях стоит», как ни в чем не бывало, продолжал идти своей дорогой.

ПРИНЦЕССА ГУНДАРЕВА

Теплоход Тарас Шевченко прибыл к берегам Израиля с культурной, так сказать, миссией. На борту теплохода находилась огромная группа – человек, помнится, триста – известнейших актеров, деятелей литературы и искусства. Общество израильско-российской дружбы и культурных связей решило, что такое событие нужно непременно отметить и на борту «Тараса Шевченко» закатили грандиозную пьянку, простите, банкет. Журналистов пускали неохотно – видно, в порыве гостеприимства культурное общество превысило свой бюджет и вынуждено было количество израильских приглашенных ограничить. Все же мне удалось на этот прием просочиться и, предвидя, что интересных интервью здесь можно будет набрать кучу, я запасся целой упаковкой диктофонных кассет.

Собственно, ожидания мои оправдались. Среди гостей было множество интересных людей, непринужденная банкетная обстановка разговору способствовала как нельзя лучше и диктофон выключать почти не приходилось. Часа через два за одним из скромно стоявших в углу столиков заметил Наталью Гундареву. Мне давно хотелось взять интервью у этой талантливой актрисы, да вот только никак не представлялось случая. Я напрямик направился к ее столику и с радостью увидел давнего своего приятеля-сценариста. Поздо-

ровавшись общим поклоном и присев возле приятеля, я стал нашептывать ему в ухо, чтобы он меня Гундаревой представил, а уж об интервью я как-нибудь сам договорюсь.

– Боюсь, что ничего у тебя, старичок, не выйдет, – вздохнул приятель. – Наталья, отправляясь на банкет, каютной дверью палец прищемила, боль дикая, но она, бедняжка, терпит и не уходит.

– О чем это вы там шепчетесь? – капризным тоном, словно почувствовав, что разговор идет о ней, спросила актриса.

– Да вот, здешний журналист, хочет у тебя интервью взять, а говорю, что у тебя пальчик болит, – поведал ей мой приятель.

– Ах, и пальчик болит и вообще все нескладно сегодня, – пожаловалась Наталья. – Представляете, мне так расхвалили необыкновенные израильские бананы, что я и на этот круиз в основном из-за них согласилась. Только банкет начался, стали разносить бананы, а до нашего стола так и не донесли – говорят, закончились. Ну что же это такое? И Палец прищемила, и бананы перед моим носом закончились. Пойду вот и утоплюсь.

– Ни в коем случае, – горячо возразил я актрисе. – Неужто вы можете допустить мысль о том, что я не раздобуду для вас бананов, причем не таких паршивеньких, какие за столами вижу, а самых распрекрасных.

С этими словами я отправился по теплоходу в поисках бананов. Бродил я от одного официанта к другому, наталки-

ваясь в лучшем случае на вежливый отказ, а то и на откровенные оскорбительные ухмылки. Не столько потеряв терпение, сколько поняв, что на этом уровне мне искать нечего, отправился напрямик к шеф-повару. Мне показали издали тучного вальяжного грузина и по его виду и манерам видно было сразу: снега зимой тоже на коленях просить придется. Тактика скромного униженного просителя здесь явно не годилась.

– Ну что, допрыгались до международного скандала? – грозно спросил я кандея (так на флоте поваров называют).

– Какой скандал, дорогой, о чем ты говоришь? Все так прекрасно проходит. Какой такой скандал-мандал?

– Обыкновенный международный скандал. Вы про государство Берг собачьей кости слышали когда-нибудь?

– Я что, тупой или безграмотный, – даже обиделся шеф. – Конечно, слышал, кажется, мы даже в круиз туда ходили, не моргнув, соврал он.

Так вот, у вас сейчас среди приглашенных находится царствующая принцесса этого государства.

– Царствующая, это значит царица, да? – блеснул эрудицией повар.

– Царица, царица, – подтвердил я ему. – Из-за нее и скандал. Дело в том, что эта самая царица, когда уезжает из своей страны, то за границей не есть ничего, кроме бананов. А как раз бананов ей и не досталось.

– Э, слушай, в чем проблема? Сейчас пойду на кухню, са-

молично отберу ей самые лучшие, один к одному, бананчики, сам и отнесу.

– Вот это правильно, – похвалил его. – Бананы должны быть самыми лучшими. Вот только относить, от греха подальше, лучше я буду, а то вы их этикета не знаете, еще не так подадите.

– Сделай одолжение, дорогой, – уже ворковал шеф-повар, – отнеси ей эти бананы, я тебе еще бутылку настоящего грузинского коньяка подарю.

К столу Гундаревой я возвращался, торжественно неся на вытянутых руках целый поднос превосходных бананов и, зажав под мышкой, бутылку «настоящего грузинского» коньяка. Наталья одарила меня незабываемой улыбкой и столь же незабываемым для меня интервью.

ПРОГУЛКИ С ХАЗАНОВЫМ

Геннадий Хазанов вышел из проходной после интервью на израильском русскоязычном радиоканале «РЭКА». Мы, не спеша, шли с ним автостоянке. Подходит улыбчивый молодой человек и так, запанибрата, кричит на всю улицу: «Здорово, Гена, насилу тебя дождался. Пойдем скорее, а то водка стынет».

– Куда я должен идти? – таким ледяным тоном поинтересовался артист, что у любого сразу должна была отпасть охота к подобному амикошонству.

Но только не у нашего незнакомца:

– Пошли, пошли, здесь совсем рядом. И ждет тебя такой сюрприз – обалдеешь.

– Вы меня извините, – Геннадий Викторович заговорил тем тоном, каким обычно родители разговаривают с капризным ребенком, требующим немедленного полета на луну. – Я сейчас устал, да к тому же и временем не располагаю. Так что давайте ваш сюрприз перенесем.

– Эх, Гена, Гена, – укоризненно покачал головой этот назойливый тип. – Так уж и быть, раз ты такой упрямый, сознаюсь. Только ты меня не выдавай. Мы из рекламы знали, что у тебя запись на радио, поэтому я тебя здесь и караулил. А за столом тебя ждет твой брат, вот такой сюрприз.

– Но у меня нет брата, – возразил Хазанов.

– Ну, конечно, – снисходительно улыбнулся приставала. – Он так мне и сказал, что ты сразу не припомнишь. Это твой двоюродный брат, с которым вы много лет не виделись.

– Ах, вот оно что, ну, хорошо, диктуйте ваш адрес и телефон, я вам позвоню и попозже постараюсь приехать, – согласился Хазанов.

Кое-как мы от этого человека избавились, а когда сели в машину, я спросил: «У тебя действительно здесь двоюродный брат живет?»

– Да нет у меня на свете ни единого брата, ни двоюродного, ни даже какого-нибудь пятиродного,

– А что ж ты ему прямо так и не сказал?

– Ну, во-первых, надо же было от него как-то избавиться. А во-вторых, неловко как-то в лицо незнакомому человеку, даже такому нахалу, говорить: «Ты, братец, либо просто лжец, либо мошенник».

А буквально через два дня Хазанова от назойливости наглецов – иначе и не скажешь – выручила охрана концертного зала, в котором он выступал. Было это в одном из самых южных городов Израиля, концерт начинался в пять часов вечера и жара стояла невыносимая. Приезжаем в зал, администратор говорит: «Геннадий Викторович, у нас ЧП – вырубился кондиционер. Обещают в течение часа починить, но ремонтники еще даже не приехали. Что делать?»

– А что ты можно сделать? Будем начинать без кондиционера, – вздохнул артист.

– Так, может, вы хоть первое отделение без пиджака работаете, не выдержите ведь, – чуть не стонал администратор.

– Вы мне еще предложите в шортах на сцену выйти. Зрители должны видеть перед собой Артиста, – подчеркнул Хазанов и стал облачаться в черный, специально подготовленный для концерта, смокинг.

В перерыве между отделениями, он бросился в примерную и первым делом начал стаскивать себя прилипший к телу костюм и сорочку с галстуком-бабочкой. И тут, без стука, в примерку врываются два разнузданных молодых человека. Сцена была достаточно комичной. Актер стоит с полуспущенными брюками, а к нему врываются два парня и за-

являют:

– Гена, мы хотим с тобой сфотографироваться.

Но чувство юмора и тут артисту не изменило.

– Погодите, ребята, я вот только трусы сниму. Вы ведь хотите со мной, с голым, сфотографироваться?

Но юмор Хазанова цели не достиг.

– А чо, прикольно, сфоткаемся с голым Хазановым, – заржали парни.

Но тут уж свои прямые обязанности выполнила охрана и нахалов попросту выставили за дверь.

Х Х

Х

...У Максвелла были привычки, присущие миллионерам. Он путешествовал на собственной яхте, как-то ночью решил поплавать в открытом море и утонул. Редакцию стало лихорадить. Менялись владельцы, вместе с ними – редактора. Однажды нам представили нового главного редактора. Им стал Аркадий Сегаль. За глаза его называли «рыжий». Рыжий когда-то торговал телевизионными антеннами, сколотил капитал, создал русскоязычную газету «Новости недели», потом, после гибели Максвелла, нацелился на «Время». С собой он привел несколько человек и открыто заявил, что газету теперь будет делать его команда, а мы, бездари, доживаем здесь последние дни.

Объектом номер один для уничтожения он почему-то

выбрал меня. Материалы мои публиковались по-прежнему каждый день, но каждый день Рыжий говорил мне, что они газету только портят. К тому же я с ним еще и поссорился по поводу творчества Вилли Токарева. Токарев гастролировал в Израиле. Я взял у него интервью. Главный редактор поморщился и сказал, что Токарев типично кабацкий певец и истинный интеллигент его никогда слушать не станет. Я возразил, что неплохо бы узнать по этому поводу мнение истинного интеллигента. Рыжий намек, несмотря на явную прозрачность и даже неприкрытое с моей стороны хамство, все же не понял. Тогда я сказал, что у Токарева свой самобытный стиль, что на смелых песнях этого человека выросло несколько поколений. Главнюк попросту отвернулся и игнорировал мое присутствие. Все бы момент так и закончилось, но вечером следующего дня я его увидел на концерте вместе со всем семейством. Мне бы благоразумно смолчать, но осторожность, как и хорошая мысль, приходит опосля. Самым невинным тоном я осведомился: «На кабацкую лирику потянуло, Аркадий»? Он ничего, конечно, не ответил, а я, довольный своей выходкой направился за кулисы. Кстати сказать, с Вили Токаревым дружу и по сей день, весьма почитаю этого талантливейшего человека. Он и друг прекрасный, щедрый. Как-то недавно процитировал Вилли на память Роберта Бернса:

«Он умер оттого, что был он скуп.
Не полечился – денег было жалко.

Но если б знал он цену катафалка,
Он ожил бы, чтобы нести свой труп».

Добрый и открытый, Токарев ненавидит скряг, не случайно, запомнил он именно это четверостишие.

Впрочем, я отвлекся. В конце-концов Рыжий вручил мне в конверт, в котором находилось пресловутое письмо, извещавшее, что «редакция благодарит меня за проделанную работу и ставит в известность, что в моих услугах более не нуждается». Понятно, я воспринял это, как настоящую трагедию. Но утром, явившись в редакцию, чтобы собрать своей нехитрый скарб, узнал сногсшибающую новость – ночью Рыжего уволили. Выяснилось, что он втихую открыл еще одну газетку, издает ее на полиграфической базе и на материалах «Времени», не тратя на это ни копейки собственных денег. Об этом стало известно владельцам «Маарива», они нагрянули ночью с проверкой и схватили Аркадия, что называется, за руку. Рыжего в одночасье попрели вместе с его командой.

Я продолжал работать, когда с заманчивым, как мне тогда казалось, предложением обратился один знакомец, именем которого мне не хочется марать эти страницы. Он заявил, что у него достаточно денег для открытия новой солидной газеты и предложил мне сразу должность главного редактора.

– А какого направления газету ты собираешься издавать? – поинтересовался я.

– А мне без разницы. Содержание – это твоя головная боль. Для меня главное – бизнес. А издательский бизнес во всем мире считается и преуспевающим и почетным.

Я, после нескольких дней раздумий, предложил ему выпускать международную газету, на что легко получил согласие. Правда, вскоре выяснилось, что, по законам Израиля, главным редактором какого бы то ни было международного издания может быть только специалист, имеющий базовое образование, полученное в стране, звание журналиста-международника и состоящий в национальном союзе журналистов. Высшую школу журналистики я закончил, в израильский союз журналистов меня еще год назад приняли, да и лицензия журналиста-международника у меня к тому времени уже полгода тоже как была. В общем, все срослось.

ПАЛЕСТИНСКОЕ СЛОВО

Во время недавнего визита в Москву председатель палестинской автономии Махмуд Аббас (политический псевдоним Абу-Мазен) просил Россию стать его защитником в политическом конфликте с лидерами радикально настроенного ХАМАСа, завладевшего парламентской властью. А мне припомнился 1996 год. Тогдашнему премьер-министру Израиля Биньямину Нетаниягу, чуть ли не как приватному адресату, пришло письмо от Ясера Арафата. Арафат писал, что в течение ближайших шести месяцев текст палестинской

Хартии будет значительно изменен и израильское правительство, а господин премьер-министр Нетаниягу в первую очередь, должны понимать, что это исключительный политический акт, который в корне изменит взаимоотношение Израиля и Палестинской автономии. Но, как полагал Арафат, и Израиль сейчас должен сделать решительные шаги для позитивных перемен, не дожидаясь тех самых шести месяцев, когда текст Хартии будет изменен, поскольку, можно считать, это уже акт свершившийся.

Не лишним будет, наверное, напомнить, что палестинская Хартия на протяжении всего времени, с момента ее принятия, была одним из серьезнейших камней преткновения во взаимоотношениях Израиля с палестинцами. Израиль говорил о том, что невозможно вести полномасштабные переговоры с организацией, избравшей курс на полное уничтожение израильского государства и всех евреев. В те годы палестинская Хартия, а в автономии и стар и млад с гордостью говорили, что сей документ по сути – Конституция палестинцев, ровно наполовину всего своего текста действительно состояла из пунктов, призывающих к уничтожению Израиля, как государства, а равно и всех евреев. И вдруг такое письмо израильскому премьеру от палестинского лидера...

Рассказывали, что, получив сие послание, Нетаниягу поначалу даже несколько растерялся, хотя к людям слабохарактерным его никто не относил. Но было отчего. Письмо, как я уже подчеркнул, пришло по отнюдь не официальным кана-

лам, но в то же время заявление было сделано вполне официальное и названы конкретные сроки исполнения. Кое-кто из советников израильского премьера даже высказывал мысль, что соратники Арафата могут не знать ни то что о письме и его содержании, но и о самой вероятности изменений текста Хартии – это было вполне в духе «раиса», как называли Арафата в автономии. Аккредитованные при израильском парламенте журналисты, разумеется, о письме узнали, но большого ажиотажа оно не вызвало, так как никто к этому серьезно не отнесся.

А спустя какое-то время в Рамалле, не помню уж по какому поводу, состоялась пресс-конференция журналистов с лидерами ПА. Рамалла – небольшой холмистый городок, прислонившийся к одной из окраин Иерусалима. Чистенькую, опрятную, застроенную зданиями белого камня Рамаллу, палестинцы торжественно именовали своей деловой столицей. В отличие от грязной, неопрятной, хаотичной и погрязшей в зловонии Газы, с ее узкими и кривыми улочками, в Рамаллу и впрямь не стыдно было пригласить иностранцев, да и самим лидерам ПА, наверное, доставляло удовольствие полюбоваться сверху на вольготно простиравшийся вожде- ленный Иерусалим.

На той пресс-конференции, о которой я веду речь, присутствовали как израильские, так и зарубежные журналисты. Никогда я не любил пресс-конференций (уж извините за столь откровенное признание), мне скучно и неинтересно на

них было, потому как ценился во все времена только эксклюзив. Вел пресс-конференцию Абу-Мазен, незадолго до этого официально провозглашенный приемником Арафата. Махмудом Аббасом его в те годы никто не называл, да подозреваю, что мало кто и знал настоящую фамилию «правой руки» Арафата. Когда пресс-конференция завершилась, я под каким-то предлогом задержался, остановил уже выходящего из зала Абу-Мазена и без лишних слов протянул ему свою визитную карточку. На мое репортерское счастье, он не сунул ее тут же в карман, а вежливо прочитал. Узнав, что подаватель визитки – главный редактор «Международной газеты», Абу-Мазен очень любезно сказал, что у него есть несколько свободных минут и он готов ответить на мои вопросы. Мы недолго поговорили о международных связях ПА, потом, отвечая на мой вопрос о политической биографии самого Абу-Мазена, он обмолвился, что докторскую диссертацию защищал на кафедре истории Ленинградского госуниверситета. Сам по себе этот факт сенсацией не являлся – многие представители арабских стран учились в советских вузах, но темой докторской диссертации я поинтересовался.

– Я писал докторскую о сионистском движении и его распространении в мире.

– Довольно удивительно, что именно вы выбрали такую тему, – заметил я.

– Ну что же здесь удивительного? – возразил мой собеседник. – Учение врага и его идеологию нужно знать не хуже

самого врага. – И тут же, поняв, что сказал лишнее, добавив в последующую фразу шутливую интонацию, поправился. – Ну, это мы тогда считали, что сионисты – наши враги.

– Сейчас, стало быть, так не считаете? – не упустил я возможность как следует обработать почти даром доставшийся «мяч».

И тут же получил подарок, поистине для журналиста сказочный. Не отвечая напрямую на мой слишком уж прямолинейно построенный вопрос, Абу-Мазен заговорил об ином:

– Вы, как я понял, гражданин Израиля. Так вот, известно ли вам что-нибудь о нашем намерении изменить текст палестинской Хартии и об изъятии из него тех пунктов, которые касаются Израиля и евреев?

– Известно, что Нетаниягу получил письмо по этому поводу от Арафата, но особых подробностей, честно говоря, не знаю.

– Вот видите, – с удовлетворением отметил Абу-Мазен. – Даже израильская пресса не удосужилась сконцентрировать свое внимание на этом поистине историческом для нас всех моменте. Как же вы не понимаете, что Хартия имеет для нашего народа особое, святое значение? Это и наша Конституция, и наше знамя, и наша идеология. Да, еще вчера палестинцы и думать не могли и не смели, что текст Хартии может быть изменен, а сегодня мы эту работу уже проводим. У нас даже готов вариант, рабочий конечно, в котором изъятые все касающиеся Израиля пункты. Понятно, что мы

испытываем сильнейшее сопротивление внутренней оппозиции и для того, чтобы это сопротивление преодолеть, нужно время и время немалое. Я уж не говорю, что сам технический процесс – составление нового текста, его обсуждение, да, в конце-концов, чисто техническое издание новой Хартии – на все это тоже требуется время. И когда мы говорим, что новая Хартия не просто будет составлена, а уже и опубликована через полгода, в Израиле нам не хотят верить. Разве это не обидно? – заключил он свой горячий монолог.

И тут у меня появилась поистине шальная мысль, которую я тут же и озвучил:

– Господин Абу-Мазен, вы уже знаете, что я главный редактор «Международной газеты». Эта газета распространяется в Израиле и еще в одиннадцати странах мира. И я хочу предложить следующее. Вы предоставляете мне сейчас текст Хартии в том виде, каким он является сегодня, и подчеркиваете те пункты, которые намерены из документа изъять. Я, как главный редактор «Международной газеты», обязуюсь на двух развернутых страницах опубликовать оба варианта. Это будет очень наглядно: на левой странице – текст существующей Хартии, на правой – проект предполагаемой. Разумеется, в своем комментарии я укажу, что новый текст представляет из себя рабочий вариант. Если через полгода, как вы утверждаете, будет опубликована новая палестинская Хартия, эта газета, а она официально зарегистрирована министерством юстиции Израиля, станет лучшим докумен-

тальным подтверждением вашей правоты и намерений.

Абу-Мазен задумался надолго, я уж стал опасаться, что его молчание – форма вежливого отказа, когда он вновь заговорил:

– Это очень интересное предложение. Но я не могу принять решение по такому важному для нас вопросу единолично. Насколько я знаю, Арафат уже приехал. Подождите здесь, я попробую к нему зайти переговорить с ним.

Его не было около часу. Но побыть в одиночестве мне не давали. Каждые несколько минут появлялся какой-то человек, вежливо, но настойчиво предлагающий мне поочередно то кофе, то чай, то прохладительные напитки или сэндвичи. Я полагал, что мои отказы дадут понять, что в его услугах я не нуждаюсь, но он, с видом человека, который добросовестно выполняет порученную работу, появлялся вновь и вновь. Наконец, вернулся и Абу-Мазен.

– Идемте, у председателя очень мало времени, но вас ждут, – поторопил он меня...

Арафат в своем просторном кабинете явно демонстративно стоял возле палестинского флага. Выглядел он точно так, как на портретах, известных всему миру. «Раис» произнес одну-единственную фразу: «Я согласен», и на этом аудиенция была закончена. Вполне возможно, он считал, что сделал для израильского журналиста и так слишком много, удостоив его чести лицезреть себя. Как бы там ни было, но уже через несколько минут мне принесли текст Хартии на русском

языке и в брошюрке чьей-то аккуратной рукой были отмечены пункты-призывы, предлагающиеся забвению. Конечно же, я все это опубликовал, но по прошествии полугода никаких изменений в Хартии не произошло и материал этот, как говорится, канул в Лету.

А теперь – анекдот времен парвления Арафата. На одной из конференций по проблеме урегулирования израильско-палестинского конфликта, кто-то из выступающих со стороны Израиля политиков сказал:

«Прошу заранее прощения за небольшой экскурс в древнюю историю в качестве вступления к моей речи. Когда Моисей вывел народ свой к земле обетованной, то увидел он реку Иордан. Снял с себя Моисей одежды, ступил в прозрачные струящиеся воды святой реки, смывая с себя пыль пустынных песков и сорокалетнюю усталость, и вознес хвалу Господу Богу за то, что помог ему вывести евреев из рабства. А когда Моисей вышел на берег, то обнаружил, что одежды его нет, ее украли палестинцы...

– Наглая ложь! – гневно прервал израильтянина вскочивший со своего места Арафат. – Никаких палестинцев здесь тогда еще и в помине не было.

– Вот как раз об этом я и хочу сегодня поговорить более подробно, – ответил израильтянин.

Х Х

Х

...Весь год, что издавалась наша «Международная газета», я недоумевал, на кой ляд это сдалось моему издателю. Ларчик открылся очень просто. Как-то на три дня улетел в Москву на всемирный конгресс русскоязычной прессы. А когда вернулся, узнал, что газета продана. Юридически наше партнерство с издателем оформлено не было, все зыбко держалось на джентльменских договоренностях, так что на сей раз я, действительно, оказался безработным.

Вот тогда-то мне и пришла в голову идея создать международное информационное агентство. Его регистрация в израильском министерстве юстиции заняла у адвоката двадцать минут и агентство «Континент» в 1996 году пустилось в самостоятельное плавание.

ОКНО СВОБОДЫ

С Сергеем Михайловым мы познакомились сначала заочно. Как-то, дежуря по номеру в израильской газете «Время», увидел коротенькое официальное сообщение пресс-службы в полиции. В сообщении говорилось, что в тельавивской гостинице «Хилтон» обнаружены два трупа, идентифицированные, как граждане России Аверин и Михайлов. Год спустя, я уже был главным редактором международного информационного агентства «Континент», встречаю заметку: «В Женеве арестован гражданин России Михайлов».

Позвонил знакомому адвокату, зная, что он большой любитель криминальной хроники. Тот, услышав мой голос, аж закричал:

– Ну, надо же, какое совпадение. Я тебя повсюду ищу, а ты сам звонишь.

– А что стряслось-то?

– Понимаешь, в Женеве арестован Сергей Михайлов, там у него есть кое-какие эпизоды, связанные с Израилем, так что я еду в Швейцарию. Но дело даже не в этом, а в том, что человека арестовали абсолютно без всяких на то оснований. И я тебе хотел кое-какие материалы показать. У тебя сейчас как со временем, а то я вечером улетаю.

– Если устроит, через час подъеду. Ты мне только скажи, это не тот Михайлов, про которого год назад писали, что его труп в «Хилтоне» обнаружен.

– Тот самый, то самый! – воскликнул адвокат. – И тогда ввали, и сейчас о нем в Европе такого вранья понаписали, что самое время кому-то объективно разобраться.

Я познакомился с документами. Арест Михайлова выглядел, по меньшей мере, каким-то недоразумением. Бельгийская газета «Ле суар» опубликовала статью, где сообщала своим читателям, что Сергей Михайлов возглавляет русскую мафию, замешан во всех мыслимых и немыслимых преступлениях. «Бельгийцы написали, швейцарцы охотно поверили и тут же арестовали – чушь собачья, еще б написали, что он детей малых ест, -подумалось мне, – с такими обвинениями

через пару дней отпустят.

Надуманность обвинений была настолько очевидна, что в скором освобождении не сомневался ни сам Михайлов, ни его адвокаты. Мне так прямо и заявил об этом известнейший бельгийский адвокат, бывший президент коллегии адвокатов Бельгии и потому носящий титул «батонье» Ксавье Магне, единственный из европейских адвокатов награжденный орденом Почетного легиона.

Знакомство с Магне началось для меня не очень приятно. Условившись заранее о встрече, я приехал к нему в брюссельский офис. Чуть не с порога Магне заявил мне, что этот порог вот уже больше десяти лет не переступал ни один журналист.

– Отчего же? – поинтересовался я у мэтра.

– У меня была самая большая в Европе коллекция карманных часов. Лучшие экземпляры в специальных шкафах находились в этом офисе. Однажды ко мне пришел репортер, который хотел узнать, за что я награжден орденом Почетного легиона. Я сказал, что не смогу удовлетворить его любопытства, так как дело, которое я вел, связано с интересами сразу нескольких государств Европы и время приоткрыть завесу тайны еще не наступило. Репортер ушел, а на следующий день у меня украли коллекцию. Правда, не всю, но то, что сейчас вы видите, лишь жалкое подобие бывшего собрания.

– Так вы полагаете, что после моего визита у вас украдут остатки коллекции?

– Время покажет, – без тени улыбки произнес мэтр.

В этот момент в кабинет батонье зашла секретарь в строгом темном костюме. На серебряном подносе стояла крохотная рюмочка с каким-то янтарным напитком и внушительно размера хрустальный стакан, доверху наполненный водкой. Магнэ взял рюмочку, водку же предложили мне.

– Прошу прощения, мадам, но я не пью водку.

Секретарь опешила, потом произнесла строгим наставительным тоном: «Господин адвокат сказал, что у него будет сегодня русский. Я читала Достоевского, русские пьют водку».

– Сожалею, мадам, но с некоторых пор пить водку мне не велят врачи.

Удовлетворенная этим объяснением, она с достоинством удалилась.

А мэтр долго, со вкусом, рассказывал мне о своей жизни, о любви к музыке, но когда мое терпение иссякло и я довольно невежливо напомнил ему, что пришел за комментариями по поводу дела Михайлова, Магнэ заявил, что никакого дела нет, раздуть его не удастся и вскоре мсье Михайлова несомненно освободят.

Тогда еще никто не ведал, что швейцарская юстиция затеяла не уголовный, а сугубо политический процесс и что Михайлову предстоит томиться в одиночной камере два года и два месяца.

Каждые три месяца в женевском Дворце юстиции заседа-

ли судьи и каждый раз объявляли подследственному и его адвокатам, что не видят оснований для изменения меры пресечения. На каждом из этих заседаний, что для дальнейшего рассказа немаловажно, мне довелось присутствовать. Но вот, наконец, дело было передано в суд, методом лототронного жребия избрано жюри из шести присяжных и шести дублеров присяжных, процесс начался.

В самом начале прокурор Жан Луи Кроше (с французского языка «кроше» переводится как «крючок») сделал обескураживающее для меня заявление. Он потребовал от председателя суда Антуанетты Стадлер немедленно удалить меня из зала, пояснив при этом:

– Я считаю господина Михайлова криминальной личностью. А журналист Якубов на протяжении двух лет, единственный в мире, защищал господина Михайлова в своих статьях. Поэтому я считаю господина Якубова криминальным журналистом и требую его удаления из зала судебного заседания». Председатель суда проверила мою аккредитацию на процессе, лицензию журналиста-международника, на основании которой я был аккредитован во Дворце юстиции и сказала, что у нее нет юридических оснований запрещать господину Якубову выполнять свои профессиональные обязанности на данном процессе.

Судебные заседания продолжались две недели. В итоге жюри присяжных вынесло вердикт: не виновен. Антаунетта Стадлер объявила, что все издержки по содержанию под-

следственного Михайлова в тюрьме, а также расходы на производство судебного процесса она относит на счет юстиции кантона Женевы. В этот самый момент произошло невероятное. Одно из окон, находившееся под самым потолком зала заседаний, вдруг, само по себе, распахнулось и зал наполнился свежим декабрьским ветром.

Процесс завершился и остававшиеся на этот час в зале свидетели защиты бросились поздравлять Сергея Анатольевича с освобождением. Попытался протиснуться сквозь толпу и я. Оказавшись довольно близко от Михайлова, выкрикнул: «Сергей Анатольевич, полагаю, что и нам пришло время познакомиться лично».

– А кто вы? – резко обернувшись, спросил Михайлов.

Я представился, не понимая, чем вызвано такое удивление. Уже позже Сергей пояснил, что все два года, приходя на заседание суда, он принимал за меня совершенно другого человека. Ну, а пока мы обменялись крепким рукопожатием и расстались. По процедуре, установленной в Швейцарии, из зала суда никого не освобождают. Подсудимый, даже признанный невиновным, должен вернуться туда, куда его доставили в суд, то есть в тюрьму, а лишь оттуда его выпустят на свободу.

На высоких ступенях Дворца юстиции толпилась группа телевизионщиков. Они подошли и попросили о коротком интервью.

– Скажите, вас обидело, когда в первый день суда проку-

прокурор Кроше попросил вашего удаления из зала? – прозвучал первый вопрос.

– Напротив, я очень благодарен господину Кроше за то, что он присвоил мне звание самого справедливого журналиста мира.

– Как это? – не понял коллега.

– Да очень просто. В первый судебный день прокурор Кроше официально заявил, что я – единственный из всех журналистов, кто писал позитивные статьи о господине Михайлове. Поскольку сегодня жюри присяжных единогласно признало Михайлова невиновным, то, следовательно, я оказался самым справедливым из журналистов...

А на следующий день адвокаты Михайлова узнали, что швейцарские власти приняли решение депортировать Сергея в Россию. Была суббота, и адвокаты решили, что спокойно могут до понедельника отдыхать, так как никто этим делом в выходные дни заниматься не станет. Я же про себя решил, что депортируют именно сегодня, не дожидаясь начала новой недели. Причем, отправят непременно не самолетом швейцарских авиалиний, а рейсом Аэрофлота. О жадности и расчетливости швейцарцев рассказывают легенды и анекдоты. Бытует даже такая шутка, что швейцарец никогда не отправится спать, прежде чем не пересчитает несколько раз тот единственный франк, который заработал за минувший день. На этом фундаменте и основывалось мое логическое построение. Риск, конечно, был велик, но кто не рискует, тот

не берет эксклюзивных интервью. К тому же мне очень хотелось первым поприветствовать Сергея на свободе.

Купив билет на самолет Женева-Москва, я сожалением убедился, что Михайлова на борту самолета нет. Не решусь повторять здесь слова по поводу собственных умственных способностей, которые я мысленно адресовал сам себе. Пассажиры уже начали проявлять беспокойство в связи с задержкой вылета, когда в проеме люка возник Михайлов. Не сдержав эмоций и с возгласом: «Какой я гениальный», я приветственно взмахнул рукой.

– Откуда ты здесь? – изумился Сергей.

– Я тебя вычислил, – ответил я ему фразой из дремучего анекдота.

После недолгих переговоров со стюардессой, мы заняли два соседних кресла, и я предложил выпить за свободу Сергея. Он отказался. «Тогда позволь мне выпить за твою свободу одному», внес я неоригинальное предложение. «Нет уж, позволь мне тебе этого не позволить», легко засмеялся Сергей и мы хлопнули по рюмке.

– Скажи, пожалуйста, а что случилось с окном в зале суда, когда огласили вердикт о твоей невиновности. Это что, кто-то из служителей тебя решил так здорово поздравить? – задал я Сергею вопрос, который точил меня со вчерашнего дня.

– В том-то и дело, что нет, – возразил Михайлов. – Я потом специально у служащих интересовался. Утверждают,

что те самые окна, что под потолком, можно открыть только при помощи специального приспособления – это, во-первых. А во-вторых, специальная техническая инструкция Дворца юстиции категорически запрещает открывать окна в залах, когда там находятся люди. короче, за всю историю Дворца юстиции ничего подобного не было. Но я тебе более удивительную историю из вчерашнего дня расскажу. Я человек верующий.

– Да, мне твои друзья рассказывали.

– Так вот. За несколько минут до того, как выйти в зал и выслушать вердикт присяжных, я открыл Библию, ибо в ней все и о каждом из нас сказано. Открыл, заметь наугад и фразу прочел тоже наугад. Вот, слушай, что я прочел из Апостола Павла: «И будете оправданы не потому, что невиновны, а потому, что веруете в Бога». Так что вердикт я, можно сказать, уже знал.

О многом мы успели поговорить за тот рейс. Показал я Сергею в полете и фотографию своей дочери. Он разглядывал ее довольно долго, потом неожиданно говорит:

– Что-то у нее с горлышком неладно.

– С чего это ты взял?

– Вижу, – лаконично ответил он.

В Москве была радостная встреча Сергея с друзьями, родными, я тоже был приглашен. Домой прозвонил лишь на следующий день. Спросил, как здоровье дочери. Жена ответила, что, в целом, все нормально, небольшая ангина, правда,

прицепилась, но ничего страшного, просто девочка мороженым увлеклась.

ВСЕ ЦЫГАНЕ – БРАТЯ

У крупных российских предпринимателей и меценатов Сергея Михайлова и Виктора Аверина был в молодости старший друг – цыганский певец Николай Пономарев. Дядя Коля, как они его называли, так же, как и мальчишки, обожал голубей и, несмотря на значительную разницу в возрасте, возился с пацанами, ходил с ними на рыбалку, не чурался вместе лазать на голубятню. Ну, а когда дядя Коля рал в руки гитару, мальчишки просто замирали.

Недавно московский поэт Игорь Шкляревский обратился к меценатам с просьбой помочь ему издать книгу стихов о цыганах. Никогда прежде не было еще такой книги, где были бы собраны стихи всех известных русских и зарубежных поэтов, написанные за многие века о цыганах. Сергею Анатольевичу и Виктору Сергеевичу идея сборника пришла по душе, они охотно поддержали этот проект, а вышедшую «Цыганскую книгу» посвятили своему покойному другу Николаю Васильевичу Пономареву. Помимо стихов в этой книге опубликовано много фотоиллюстраций, которыми поделилась вдова Николая Васильевича – Антонида.

История любви Николая и Антониды сама заслуживает отдельной книги, она романтична, как вся цыганская жизнь.

...Эшелон, в котором вместе с другими эвакуированными ехала семья Пономаревых, попал под бомбежку. Тщетно искал тринадцатилетний Коля своих родителей. Больше месяца скитался он по бескрайней России, пока не набрел однажды на воинскую часть. Кудрявого пацаненка отмыли и накормили, впервые за долгое время он уснул не на лесных ветках, а завернувшись в солдатскую шинель, которая показалась ему, измученному долгими скитаниями и страхом, мягче самой пушистой перины. Сын полка Николай Пономарев праздновал Победу вместе со своими однополчанами и вся рота лихо отплясывала под звуки его гитары.

После войны артист цыганского ансамбля песни и танца с гастролями исколесил всю страну. Где только не довелось ему побывать – Комсомольск-на-Амуре и Магадан, Хабаровск и Алма-Ата... В 1948 году приехал он на гастроли в Новосибирск, и в клубе, где выступали, увидел юную танцовщицу со звучным именем Антонида. Они только взглянули друг на друга и каждый понял – судьба.

О таких, как Николай Васильевич, говорят: душа нарасташку. Он уже давно ушел из жизни, а люди вспоминают его только добром. И не удивительно, что именно ему посвятили «Цыганскую книгу» Сергей Михайлов и Виктор Аверин.

Когда книга вышла, решили устроить презентацию нового издания. Сергей Анатольевич подсказал: «Книга о цыганах, вот и презентацию надо устраивать среди цыган. Театр «Ромэн» – вот самое подходящее место». Как автор предид-

словия и один из составителей книги, я взял организационные хлопоты на себя. Позвонил в театр «Ромэн, представился, стал объяснять: вышла книга, впервые собравшая на своих страницах лучшие стихи о цыганах. Хотим провести презентацию книги в театре «Ромэн», а также подарить артистам только что увидевшие свет экземпляры. После долгого молчания меня спрашивают: «Зачем?» Дальше все было как в миниатюре Жванецкого, гениально исполненной Карцевым и Ильченко: был у нас доцент тупой и студент Аваз. Я, как заведенный, повторял историю про книгу, натываясь всякий раз на обескураживающий вопрос – зачем. Потом в нашем однообразном диалоге появилось некоторое разнообразие. После очередного изложения фабулы меня спросили: «А что нужно взамен?»

– Если книга понравится, нужно будет обязательно сказать «спасибо».

Я понял, что иронией не добился нужного результата, ибо тут же получил встречный вопрос: «А что еще кроме «спасибо»?»

Но вода, как известно, камень точит. Театральные администраторы посоветовались с художественным руководителем «Ромэн» народным артистом Советского Союза Николаем Сличенко и Николай Алексеевич дал «добро».

Для презентации был выбран день очередного спектакля. Зрители, собравшиеся в фойе, на нашу инициативу отреагировали живо, подарочные экземпляры книги расхватили

минут за десять. Вместе со мной в театр приехали сыновья Николая Васильевича Пономарева – Николай и Эдуард. После презентации мы поднялись на служебный этаж, поздороваться со Сличенко и подарить ему книгу. Выяснилось, что худрук еще не приехал, но будет с минуты на минуту. В коридоре прохаживались уже переодетые и загримированные для спектакля артисты. Они поглядывали на нас с явным любопытством, потом один из них подошел к Николаю, старшему из братьев Пономаревых, не скрывая, стал его разглядывать, а потом не столько спросил, сколько сказал утвердительно: «Ты – Коля. Пономарев».

Николай несколько растерялся, но, естественно, подтвердил.

– Ха! – торжествующе возликовал артист, облаченный в пурпурный плащ и широченные черные шаровары. – Ты же мой двоюродный брат.

Повторилась еще одна классическая сцена, когда Балаганов, пытаясь избежать справедливого возмездия, тискал Паниковского и с фальшивым восторгом кричал: «Коля, узнаешь брата Васю?», с той, конечно, разницей, что здесь все было вполне искренне.

Когда артист умерил пыл восторга, он спросил Николая, сколько ему теперь лет и, выслушав ответ, воскликнул: «Ничего удивительного, что ты меня не узнал, мы почти сорок лет не виделись».

– А как же вы-то его узнали? – не удержался я от вопроса.

– Голос крови! – самодовольно воскликнул актер. – Этот голос никуда не спрячешь и он никогда не обманет. Да, кстати, – спохватился он. – Тут же еще твои братья есть и сестры тоже.

Через мгновение Николая и Эдуарда окружила плотная группа артистов, Многие из них, те, кто постарше, прекрасно помнили и отца Пономаревых и их маму Антониду.

В самый разгар этой бурной эмоциональной встречи появился блистательный Сличенко. Был он в эффектном светло бежевом пальто, такого же цвета широкополой шляпе и звучный его голос легко перекрыл общий гам: «Могу я узнать, что здесь происходит в то время, когда все должны быть на сцене?!»

Николаю Алексеевичу наперебой начали объяснять, какое диво дивное произошло только что в театре «Ромэн» – после сорокалетней разлуки встретились близкие родственники. Сличекно принял соломоново решение мгновенно, скомандовав: «Артисты – на сцену, гости – в зал, а после спектакля прошу ко мне в кабинет. Грех не отметить такую удивительную встречу».

После спектакля все потянулись в кабинет к Сличенко, где уже был накрыт стол – об этом тоже заблаговременно позаботились меценаты Михайлов и Аверин. Стали заново рассказывать, как произошла удивительная встреча братьев, помянули добрым словом Николая Васильевича Пономарева. А потом Николай Алексеевич Сличенко подошел к кабинет-

ному роялю и без всякой наигранности, а очень искренне сказал, обращаясь к братьям Пономаревым: «Я хочу спеть и посвятить эту песню вашей маме». И кабинет наполнился звуками его дивного голоса, которым Сличенко покорял весь мир.

МНОГОЛИКИЙ ВИНОКУР

Позвонил Владимиру Винокуру по телефону, чтобы договориться с ним об интервью и неожиданно получил отпор в довольно резкой форме: «Мне сейчас не до интервью». Отказ был тем более неожиданным, что с Владимиром Натановичем знакомы мы были к тому времени уже много лет и интервью я у него брал не единожды, и в дружеских компаниях вместе сживали.

– Что-то случилось, Володя? – не торопился я обижаться на отказ.

– Случилось-случилось, еще как случилось. Не успел на израильскую землю ступить, и на тебе – сюрприз. Девочку у меня одну, артистку, депортировали.

– Володя, давай все же встретимся, расскажешь все подробно, может, я чем-то помочь смогу.

История, которую рассказал Винокур, была действительно вопиющей. Когда артисты его театра, прилетевшие в тель-авивский аэропорт имени Бен-Гуриона, проходили паспортный контроль, пограничник предложил одной из девушек отойти в сторонку. Вскоре явился офицер, актрису куда-то

увели. Не было ее довольно долго, больше часа. Винокур забеспокоился, отправился на поиски. Когда ему наконец удалось разыскать нужного чиновника, тот объяснил, что гражданка России Елена Мартынова депортирована из Израиля и уже находится в самолете, улетающем в Москву. «За что?» – обомлел Винокур. Офицер все так же бесстрастно пояснил, что гражданка Мартынова была замечена в занятиях проституцией.

– Нет, ну представляешь, Ленка и проститутка! – неистово возмутился Винокур. – Да ей едва-едва восемнадцать исполнилось. Чистый ребенок. Она, по-моему, еще и с мальчиками не целовалась.

– Погоди, погоди, Володя, – урезонивал я его. – Давай все по полочкам разложим. Тебе сказали, что твоя артистка не подозревается, а замечена в проституции. Так?

– Ну, так, – согласился он.

– А сколько раз до этого она приезжала на гастроли в Израиль?

– Ни разу, – оторопел Винокур. – Она в театре-то несколько месяцев работает и это вообще ее первые гастроли.

– Ну, может, она без театра, просто туристкой когда-нибудь сюда приезжала?

– Тоже нет. Я точно знаю, что она первый раз за границу выехала, я же сам ей помогал загранпаспорт оформлять, получать визу в израильском посольстве в Москве.

– Ну, тогда все не так уж трагично. Паршиво, конечно,

что ее депортировали, да еще с такой мерзкой формулировкой, но, я думаю, надо поднять большой скандал вокруг этого дела. Тут либо какая-то досадная ошибка, либо, что скорее всего, произвол местных властей.

Мы выработали, как говорится, стратегию и тактику наших действий. Винокур отправился в российское посольство, в израильский МИД, а я отправился в редакцию и по горячим следам написал материал. Эта публикация появилась на страницах многих газет Израиля, в том числе, самых крупных и авторитетных. Российское посольство, благодаря стараниям своего чрезвычайного и полномочного посла Александра Евгеньевича Бовина сделало достаточно энергичные запросы в МИД Израиля. Одним словом, скандал вышел отменный и ровно через неделю молоденькая актриса Елена Мартынова уже радовала своим талантом израильских зрителей. В аэропорту Бен-Гуриона, когда она вернулась, ей принесли извинения, сказав, что произошло недоразумение по чисто технической причине. Год назад в Израиле якобы и впрямь побывала некая Елена Мартынова, была уличена в проституции, из страны выслана. Но у той, дескать, Мартыновой иное отчество, а нерадивый чиновник на паспортном контроле вовремя этого расхождения не заметил. Объяснение, что и говорить, шито белыми нитками, но, учитывая, что результат все же был получен должный, решили на том и успокоиться.

Винокур разом повеселел, был снова острометным, энер-

гичным Винокуром, каким его все привыкли видеть.

Как-то перед очередным концертом, во время все тех же израильских гастролей, к нему подошла довольно пожилая дама и пустилась в пространные объяснения, перечисляя множество фамилий людей, которых должен был хорошо знать и сам Володя Винокур и его родители. В итоге суть ее долгого монолога свелась к тому, что Владимир Натанович непременно должен после концерта почтить своим посещением ее дом и разделить вместе с ее семьей субботний ужин. «Отказываться от ужина в шабат – грех, – угрожающе произнесла дама и многозначительно добавила, – можете приходиться с друзьями, мы будем рады всем».

После спектакля сын этой дамы пришел в концертный зал, чтобы проводить гостей в дом, который оказался совсем близко. Винокур сказал, что он прекрасно здесь ориентируется, попросил дать ему адрес и, сославшись, на занятость, сказал, что прибудет через полчаса, ждать его не надо пусть все садятся за стол. Гомонящая веселая компания отправилась на ужин, в темноте не замечая, что руководитель театра идет, чуть поотстав, следом.

У подъезда Владимир Натанович выждал минут десять, потом, сверившись с бумажкой, поднялся на нужный этаж и позвонил. Когда хозяйка с любезной улыбкой, полагая, что, наконец, явился долгожданный почетный гость, гостеприимно распахнула дверь, то увидела перед собой мерзкого горбатого карлика, замотанного в плащ с капюшоном.

– Хозяйка, дай водички пить, – прохрипел жутким голо-
сом карлик.

– Нет у меня никакой водички, пошел прочь, прочь отсю-
да! – завизжала хозяйка, но карлик, не слушая ее, проскочил
буквально мимо ее ног.

Он ворвался в комнату, посередине которой сверкал све-
чами обильно накрытый субботний стол. Ох, как он бесчин-
ствовал! Шныря по всей комнате с каким-то утробным ры-
чанием, он опрокинул вазу с цветами, выпил из кувшина
вино, схватил со стола куриную ножку и целиком запихал
ее в рот. Немая сцена безмолвствия длилась недолго. Народ
опомнился, все бросились ловить негодяя. Но не тут-то бы-
ло. Карлик удивительно ловко и довольно долго уворачивал-
ся от цепких рук преследователей, а когда его все же прижа-
ли к двери, вдруг, ко всеобщему изумлению, выпрямился,
стал вдвое выше, сбросил с себя плащ-хламиду и предстал
перед всеми... Владимиром

Винокуром.

БАРАШКА ЖАЛКЛ

Позвонил по телефону Юрию Антонову, договорится об
интервью в связи с юбилеем певца. Разговора, можно ска-
зать, не получилось. Юра то и дело вскрикивал «брысь», от-
гоняя своих назойливых любимец. Кошек у него дома к тому
времени уже четырнадцать было. И вообще о любви Анто-

нова к животным ходят легенды.

Однажды он отдыхал в Турции. Встретил Сергея Михайлова. Сергей пригласил Юрия в ресторан, где прямо на глазах у гостей готовят на вертеле молодого барашка. Ресторан и сам по себе экзотический. Основная площадка, где установлен стол человек на десять, расположена на могучих ветвях высоченного дерева. Так что к столу приходится подниматься по крутой деревянной лестнице. В общем, обстановка весьма необычная. Подали барашка. Все ели с наслаждением, блюдо было приготовлено изумительно.

– На как тебе барашек? – поинтересовался Сергей у Антонова.

– Жалко, – довольно непонятно ответил Юра.

– Что – жалко? – переспросил Сергей.

– Барашка жалко, – печально произнес Антонов. – Он ведь еще такой молоденький был.

X X

X

БЕЗЫМЯННЫЙ КОСМОНАВТ

Знаменитый ведущий телевизионной передачи «Клуб кинопутешественников» Юрий Сенкевич снимал передачу об Израиле. Мы с ним по всей стране проехали, мне было очень интересно слушать рассказы Юрия Александровича. Он не просто весь мир объездил, но умел увлекательно об этом рас-

сказывать. Взгляд у него был острый, он подмечал такие детали, на которые никто, кроме него, и внимания-то не обратил.

Как-то сидели мы в открытом кафе и разговорились о полетах в космос. Сенкевич стоял, можно смело сказать, у истоков советской космонавтики, еще до старта Гагарина участвовал в подготовке собак к полету в космос.

Я легкомысленно назвал имя первой собаки, побывавшей в космосе – Лайка. Юрий Александрович меня тут же поправил:

– О Лайке, Белке и Стрелке узнал весь мир. А сколько питомцев нашей лаборатории погибло и от опытов на земле, да и в космосе тоже. Наука иногда бывает очень жестокой, ничего не поделаешь. Ну, а если говорить о первой собачке, полетевшей в космос, то она погибла и даже я сейчас ее настоящей клички не помню. Дело в том, что где-то в документах о ней, конечно, существуют все официальные данные. Но мы собаку дразнили кличкой неприличной, так что в печати, особенно в те годы, она просто появиться не могла.

– Так как же вы ее звали?

– У этой ласковой псины были какие-то характерные особенности желудка. И звали мы ее – Пердун. На космонавта номер один совсем такое имя не тянет.

Х Х

Х

ОПЕРА ЗВЕЗДИНСКОГО

Перед самым отлетом из Анталии встретили в аэропорту Михаила Звездинского. Уже в самолете Сергей Михайлов спрашивает Звездинского:

– Миша, у тебя билет в какой класс?

– Бизнес, – отвечает тот.

– Жалко, у нас в первый, а то бы сидели вместе. А знаешь, – радушно предложил Сергей. – Давай-ка попробуем, вдруг да свободные места найдутся.

Не обремененный ненужными комплексами, Звездинский тут же согласился. Зашли в самолет. В первом классе как раз оказалось одно свободное место и Звездинский расположился рядом с Михайловым.

Сразу после взлета грузная немолодая стюардесса, такие, наверное, только в «Аэрофлоте» и остались, посчитала пассажиров по полетной ведомости и обнаружила «зайца». Вернее сказать, она не поняла, кто именно проник в салон первого класса без соответствующего билета, но лишний пассажир был налицо. Стюардесса стала сверять посадочные талоны. Кто-то талон нашел, у кого-то он запропостился неведь куда. И все же седьмым каким-то чувством бдительная бортпроводница Михал Михалыча вычислила. Стала она на него бухтеть, Миша довольно вяло огрызался. Михайлов попытался урезонить проводницу:

– Послушайте, такой известный человек летит с вами, а вы

сердитесь на него. Давайте сделаем ему исключение, пусть летит в нашем салоне.

– Какой еще известный? – опять возмутилась проводница. – Лицо, правда, знакомое, вроде летал уже с нами. А известный он, или неизвестный, откуда мне знать.

– Тут я решил шуткой разрядить обстановку.

– Послушайте, обратился к стюардессе. Вы же оперу «Лебединое озеро» по телевизору смотрели? Ну, припомните, кто там главную роль играет.

Стюардесса еще раз, уже пристальнее, взгляделась в Звездинского и пробурчала:

– Так бы сразу и говорили. Ладно, так уж и быть. Пусть летит, «Лебединое озеро».

Х Х

ГЛАВА 9

Зимнее солнце сумело пробиться сквозь тучи, ветер разогнал облака, и небо окрасилось в такой нежно голубой цвет, какой бывает только весной.

– Вы бы открыли окно, воздух сейчас – одно наслаждение, – буркнул электрик, который пришел в гостиничный номер заменить перегоревшую лампочку.

Я еще возился с оконными шпингалетами, когда где-то невдалеке раздался звук, напоминающий мощный взрыв. За-

дребезжали стекла, люстра под потолком ходуном заходила.

– Видно, газовый баллон у кого-то бабахнул, – предположил электрик.

Но в это самое время звук взрыва повторился, а спустя пару минут бабахнуло еще раз. Послышался вой сирены – должно быть, мчались пожарные машины или «скорая помощь». Мне невольно вспомнился Афганистан – уж слишком хорошо запомнил я эти страшные звуки. Но тут же отогнал от себя, как казалось, шальную мысль – какие могут быть взрывы в центре Ташкента. Я вышел из гостиницы. Куда-то бежали явно взволнованные или чем-то напуганные люди, одна за другой промчались не меньше десятка пожарных машин.

– Да я своими глазами видел, как машина выше трамвайных проводов подлетела и грохнулась, – горячо доказывал какой-то мужчина группе окруживших его людей.

Через несколько минут приехал на машине приятель, моя ташкентская командировка заканчивалась, ночью я собирался улетать, и нужно было заехать в аэропорт, забронировать место на московский рейс. Едва отъехали, дорогу нам перегородил милицейский сержант, нервозно указывая жезлом, что двигаться мы должны в обратном направлении. Пришлось подчиниться. Однако не проехали и пятисот метров, как еще один сотрудник ГАИ снова изменил направление нашего движения.

– Что у вас в городе происходит? – спросил я приятеля.

– Сам толком ничего не пойму. Вроде чего-то взорвали. Говорят, на площади какая-то перестрелка была.

– Да будет тебе. Какая перестрелка, что ты сплетни всякие слушаешь, – пристыдил я его.

Приятель ничего не возразил – мы снова вынуждены были подчиняться команде милиционера и в очередной раз изменить маршрут. Исколесив чуть не полгорода, мы, наконец, оказались на дороге, ведущей в аэропорт. Езды нам оставалось две-три минуты, когда опять, теперь совсем рядом, раздался взрыв. Наш старенький «форд» тряхнуло, как на крутом ухабе, и занесло на обочину дороги. Благо в непосредственной близости не было ни одной машины, иначе столкновения избежать не удалось бы. Приятель что-то говорил, но я ничего не слышал – у меня заложило уши. Прошло не меньше четверти часа, пока я наконец снова обрел способность полноценно воспринимать окружающий мир. Вокруг творилось что-то невообразимое – снова мчались пожарные машины, слышались крики, вооруженные милиционеры мгновенно перекрыли дорогу. «Неужели взорвали аэропорт!» – мелькнула мысль и я схватился за мобильный телефон, еще толком не сообразив, кому звонить. Впрочем, и дозвониться было невозможно – телефон безмолвствовал. Было совершенно очевидно, что в аэропорт, во всяком случае, в ближайшее время, мы не попадем. Развернулись и поехали в центр, опять объездными путями, и дорога вместо привычных пятнадцати минут заняла почти час.

Центр был непривычно безлюден. Казалось, кроме вооруженных милиционеров, в городе никого больше нет. Я зашел в редакцию местной газеты, надеясь у коллег узнать, что произошло. Но то, что услышал, звучало настолько же неправдоподобно, насколько и нелепо. Говорили, что в город прорвалась банда, что в результате взрыва погибло множество людей, количество раненых исчисляется чуть ли не сотнями. Как водится, тут же нашлись очевидцы, которые видели трупы на центральной площади города.

Это случилось 16 февраля 1999 года. В этот день из своей загородной резиденции президент Узбекистана Ислам Каримов отправился в кабинет министров, где на 11 часов утра было назначено совещание республиканского руководства. Полоса движения президентского кортежа была освобождена, и машины мчались с привычной крейсерской скоростью 120-130– километров в час. Кортеж уже находился в городе, когда в головной машине ожила рация. «Где вы, где вы?» – вопрошал сотрудник ГАИ с поста на площади Мустакилик (Независимости).

– В связи с чем вопрос? – поинтересовался начальник охраны президента.

– Да у нас тут что-то непонятное происходит, – сообщил офицер ГАИ.

– Разберитесь толком и доложите, – последовала команда из головной машины.

Буквально через минуту в рации раздался тот же вопрос:

«Где вы сейчас?» И не дожидаясь ответа, офицер с площади закричал: «На площадь не заезжайте! Как поняли меня? Повторяю, на площадь не заезжайте, у нас тут взрывы... и стреляют!» В тот момент президентскому кортежу до площади оставалось ехать чуть больше минуты. Машины, не снижая скорости, свернули в одну из параллельных улиц и уже через несколько мгновений въезжали во двор рабочей резиденции. Ислам Каримов прошел к себе в кабинет, где выслушал доклад о том, что произошло на площади. Услышанное потрясло президента, но не удивило. Один из немногих в центральноазиатском регионе политиков, если не сказать единственный, президент Узбекистана уже на протяжении долгого времени жил в предчувствии этой беды. Это предчувствие не было интуитивным ощущением, но основывалось на его четком, беспристрастном анализе, и Ислама Каримова поражало, даже приводило в негодование то, что вокруг никто, казалось, не хотел замечать надвигавшейся беды.

Услышав о взрывах, президент размышлял всего несколько минут. Он снова надел плащ и скомандовал:

– Едем на площадь!

– Пока еще опасно, Ислам Абдуганиевич, – попытался возразить начальник его охраны. – Обстановка до конца не ясна, мы бы хотели разобраться.

Но президент его не слушал, он уже направился к выходу. Отдавая не бегу распоряжения, начальник охраны устремился за ним. На площади президент появился в окружении

охранников, вооруженных автоматами.. Впервые им пришлось взять в руки тот вид оружия, которым до сих пор охранники пользовались только на тренировочном стенде.

...Эта светло-голубая старого образца «Волга» – ГАЗ-21 появилась на площади неведь откуда. Позже, когда сотрудники специально созданной оперативно-следственной бригады опрашивали работников ГАИ, никто так и не смог ответить вразумительно, кто конкретно пропустил машину на площадь. Правда, внешне в ней не было почти ничего такого, что могло бы привлечь внимание. Хотя и старая колымага, но чистенькая, опрятная. Разве что багажник, как впоследствии удалось выяснить, был не закрыт, а завязан какой-то бечевкой – то ли груз мешал, то ли замок сломался, тут гадать можно разное. Машина, не превышая дозволенной скорости, проехала по площади и подкатила непосредственно к семиэтажному зданию кабинета министров. Ткнувшись о высокий бордюр, «Волга» беспомощно остановилась, мотор заглох. Ну, такого безобразия гаишник допустить не мог. Он ринулся к машине, на ходу крича:

– Куда, куда тебя занесло?! Отъезжай немедленно!

В машине находились двое. Тот, кто за рулем, приспустил боковое стекло возле себя и совершенно спокойно возразил:

– Ну как же я отъеду? Ты что, сам не видишь, мотор заглох.

Президентский кортеж должен был появиться на площади с минуты на минуту. Какие тут могли быть рассуждения –

милиционер начал лихорадочно дергать дверную ручку машины, чтобы самому разобраться, что там происходит. И в этот момент со стороны улицы, проходящей вдоль площади, раздался взрыв. Начальник милицейского поста ГАИ застыл как вкопанный. За долгие годы службы в автоинспекции ему пришлось повидать многое, но вот летающих машин видеть не приходилось. Высоко над трамвайными проводами, даже не задев их, взлетел белый автомобиль. Зависнув на мгновение в воздухе, машина, как ему показалось, плавно начала снижаться, и только после ее соприкосновения с землей раздался оглушительный взрыв, а к небу взметнулся столб огня. Замешательство не помешало офицеру связаться с президентской охраной и сообщить об опасности. Он еще не выключил рацию, когда услышал автоматные очереди.

Сержант ГАИ не видел автомобильного полета, все его внимание было поглощено застрявшей чуть ли не у центрального входа в кабинет министров «Волгой», будь она проклята.

– Вылезай, вылезай, – кричал он водителю. – Я сам отгоню твою машину, – и хватал его за рукав, пытаясь вытащить наружу.

Наконец этот увалень открыл дверцу, и как бы не спеша, вышел из машины. На его руке болтался то ли свитер, то ли трикотажная кофта. Раздосадованный милиционер пытался отпихнуть неповоротливого парня, и в этот момент свитер упал на землю, а в руке у водителя «Волги» оказался авто-

мат. Он тут же направил ствол в сторону милиционера и дал очередь поверх его головы. В это время из машины выскочил и второй бандит. Они отходили спиной, беспорядочно поливая веером из автоматов, и в итоге оказались возле мостика через быстротечный канал Анхор – оттуда легко можно попасть на оживленный проспект имени Алишера Навои.

... Диля приехала на площадь утром, чтобы забрать фотографии. В пятницу вечером она гуляла здесь с подружками. Студентки медучилища сфотографировались на память. Сообща решили, что за фотографиями поедет Диля, она была на хорошем счету у преподавателей, пропустит одну лекцию, а ко второй успеет вернуться – ничего страшного не случится. Судьба и злой бандитский умысел распорядились иначе, для двадцатилетней Дильрабо Халмуминовой уже никогда не будет обратного пути. Убегая с площади, бандиты отстреливались, очевидно, в спешке ни в кого конкретно не целясь, им важно было расчистить себе путь для отступления. Шальная пуля оборвала жизнь этой девочки, одной из шестнадцати погибших в тот день.

В огромном здании в этот момент находилось практически все руководство Республики Узбекистан. Участники совещания были уже в конференц-зале на шестом этаже, когда здание вздрогнуло от взрыва, посыпались стекла, ранившие многих из тех, кто был здесь. К тому моменту, когда на площадь приехал президент, эвакуация людей из здания уже подходила к концу. Ислам Каримов внимательно осмотрел

образовавшуюся воронку, спросил у прибывших сотрудников прокуратуры, МВД, Службы национальной безопасности:

– Удалось кого-то поймать?

– Пока нет, Ислам Абдуганиевич. – Один террорист взорвался в машине, остальные отстреливались, прорвались на проспект Навои, там захватили машину, потом еще одну. Мы ведем преследование, оповещены все службы...

Докладывающий не успел закончить фразы, когда снова раздался взрыв, на этот раз со стороны стометровой телевизионной вышки. Уже через несколько мгновений по радиации сообщили, что взорвана машина возле здания национального банка, есть жертвы.

Прошло еще около часа, и Ташкент потряс новый взрыв, на это раз в районе неподалеку от аэропорта. В домах на тихой улочке, где произошел этот последний взрыв, не осталось ни одного целого стекла. Разворотило близлежащее кафе. Благо там не было людей.

Никто в тот день не решился бы предложить президенту выступить с телевизионным обращением к народу. Да еще сразу через несколько минут после взрывов Он сам сказал, что желает обратиться к согражданам и что со своим народом будет говорить не из кабинета и не из телевизионной студии, а непосредственно с площади, то есть с того места, где произошли взрывы, где погибли люди. Речь Ислама Каримова была размеренной и четкой. Он говорил о том, что

этот террористический акт направлен непосредственно против него и имел своей целью физическое устранение президента, свержение в стране законной власти. Президент призвал своих граждан к спокойствию, ибо террористы рассчитывают как раз на то, что в народе начнется паника.

– Преступники будут задержаны и сурово наказаны. Я обещаю вам это, – сказал президент.

Поздним вечером я дозвонился до редакции одной из крупных израильских газет и продиктовал коротенькое сообщение в номер:

«Сегодня в Ташкенте неизвестными лицами был осуществлен террористический акт, ответственность за который пока не взяла на себя ни одна из террористических организаций. Было произведено пять взрывов, в результате которых пострадали общественные и жилые здания. По предварительным данным 16 человек погибли, более 110 получили ранения различной тяжести. Существует несколько версий того, кто и с какой целью совершил в столице Узбекистана это злодеяние. Однако наиболее правдоподобной и реальной выглядит версия о том, что теракт совершили религиозные экстремисты с целью уничтожения президента Узбекистана Ислама Каримова и высших руководителей государства, захвата и свержения конституционного строя».

– Слушай, старик, а ты как в Ташкенте-то оказался? – спросил меня дежурный редактор, после того как принял мое сообщение.

– Приехал по делам, отсюда еще собирался в Москву, а потом уже домой в ТельАвив. Но здесь такие дела...

– Так может, задержишься на пару дней, наверняка какие-то подробности узнаешь, подготовишь подробный репортаж, – предложил редактор.

– Посмотрим. Может, и задержусь...

Конечно же, я задержался, а потом приехал на судебное заседание, видел этих бандитов из так называемого исламского движения Узбекистана (ИДУ) на скамье подсудимых, слышал приговор, который для шестерых из них определил смертную казнь.

Из материалов следствия:

«Из дома № 22 по улице Абдуллы Каххара, находившегося возле ташкентского аэропорта в сторону центра города одновременно выехали четыре автомашины, начиненные взрывчаткой, – «Волга»-ГАЗ-21 и три «Запорожца». В центре машины рассредоточились. Одна из них направилась к зданию МВД, две других к площади Независимости, четвертая – к высотному зданию национального банка Узбекистана.

Взрывы были произведены:

1. Место взрыва – улица Юсуф Хос Хотибба. Время приведения взрывного устройства в действие – 10 часов 40 минут. Взрывное устройство – заряд самодельного взрывчатого вещества весом до 200 килограммов. Исполнительный механизм – часовой, с таймером замедления. Параметры взрыва – ударная волна на расстоянии 200 метров от эпицентра

взрыва. Размеры взрывной воронки – диаметр поверху 3,1 метра, понизу вороник 2,7 метра, глубина воронки 1,2 метра.

2. Место взрыва – проспект Шарафа Рашидова, в двадцати метрах от станции метро «Площадь Мустакилик». Время приведения взрывного устройства в действие – 10 часов 55 минут. Взрывное устройство – заряд самодельного взрывчатого вещества весом до 200 килограммов. Параметры взрыва – ударная волна на расстоянии 200 метров от эпицентра взрыва. Размеры взрывной воронки – овальной формы 1,8 – 3,1 метра, глубина – 0,75 метра.

3. Место взрыва – угол здания кабинета министров. Время приведения взрывного устройства в действие – 10 часов 58 минут. Взрывное устройство – заряд самодельного взрывчатого вещества весом до 400 килограммов. Параметры взрыва – ударная волна на расстоянии около 200 метров от эпицентра взрыва. Размер взрывной воронки прямоугольной формы – 2,7 – 3,2 метра, глубина 1,2 метра.

4. Место взрыва – улица Амира Тимура, в торце здания национального банка. Время приведения взрывного устройства в действие – 11 часов 20 минут. Взрывное устройство – заряд самодельного взрывчатого вещества весом до 200 килограммов. Параметры взрыва – ударная волна на расстоянии около 200 метров от эпицентра взрыва. Размекр взрывной воронки – диаметр поверху 3,3 метра, понизу 2,7 метра, глубина 1,2 метра.

5. Место взрыва – частный дом №22 (тот самый дом в

районе ташкентского аэропорта, откуда выехали машины со взрывчаткой – О.Я.) по улице Абдуллы Каххара. Время приведения взрывного устройства в действие – 12 часов 00 минут. Взрывное устройство – заряд самодельного взрывчатого вещества весом до 1000 килограммов. Параметры взрыва – ударная волна на расстоянии 300 метров от эпицентра взрыва. Размеры воронки – поверху 6,7 метра, понизу 3,2 метра, глубина воронки 2,3 метра.

Таким образом, меньше чем за полтора часа в столице Узбекистана было взорвано две тонны самодельного взрывчатого вещества, что привело к гибели 16 человек».

В народе издавна говорят: «Кому война, а кому мать родна». Все эти Хаттабы, бин ладены, тахиры, салаи, джумабаи и им подобные главари террористических организаций, извратившие мирную религию ислам в своих сугубо корыстных целях, наживались на распространении наркотиков, незаконной торговле оружием. Для них война – лишь средство наживы. И то, что путь их к достижению этой грязной цели нужно проложить через тысячи жизней ни в чем неповинных людей, ничего в их планах не меняет.

В службе национальной безопасности Узбекистана мне разрешили ознакомиться с конспектом, который вел на занятиях один из террористов в лагере боевой подготовки Хаттаба. В этом лагере им наскоро вдабливали то, над чем запрещено было задумываться, но что следовало накрепко запом-

нить: «В мусульманских странах во время джихада в первую очередь подлежат уничтожению руководители государства, сотрудники правоохранительных органов вне зависимости от их национальностей и вероисповедания. Одновременно следует уничтожить – русских, евреев, американцев, немцев и представителей других национальностей, а также находящихся в стране зарубежных туристов». Впрочем, я хочу процитировать несколько отрывков из этого конспекта. Прочитывать без всяких комментариев, ибо и без них понятно, какая угроза нависла не только над отдельными странами, но над всем миром.

ИЗ КОНСПЕКТА ТЕРРОРИСТА:

«Разрушить строй неверных и построить исламское государство. Под строем неверных понимаются члены государственных организаций, заводов, фабрик, зарубежной торговли, школ, детских садов, роддомов, телевидения, больниц, колхозники и их дома.

Для претворения в жизнь джихада нам необходимо знать следующее:

– у нас нет своего пристанища, негде спрятаться. Мы похожи на волков в лесу, мы должны хорошо знать территорию своей охоты. Если народ с нами, мы победим.

– неверные живут в целях наживы и обеспечение наших обществ должно лечь на их плечи.

– надо создать такой политический и военный устав, ко-

торый был бы непоколебим, был беспощаден к неверным, то есть уничтожил бы их уставы, их культуру и все другие ценности.

– война делится на три части:

Объявленная война между двумя государствами,

Необъявленная война, то есть атомная, химическая, бактериологическая,

Партизанская война – война слабых.

Определение партизанской войны:

Это война слабых против сильного государства для достижения конкретных целей. Это видно на примере клопов и собак. Клопов на теле собаки бывает очень мало, и они слабее собаки. Находя уязвимые места собаки, клоп начинает питаться ее кровью, но, напившись, быстро меняет место. Тут же собака грызет место укуса, но клопа там уже нет.

Мы внедрим в общество своего человека для усиления агитации, а он будет наносить удар по обществу, а мы еще будем продолжать свое дело, в результате общество само выступит против государства.

– евреи и неверные будут истреблены. После чего народ увидит нашу справедливость и перейдет на нашу сторону. И тогда мы призовем весь народ к исламу. Если половина народа перейдет на нашу сторону, то мы выберем планы истребления неверных, посланников и туристов иностранных государств. Из их числа евреев и послов будем уничтожать, если нас обвинят в этом, то будем отказываться. Цель долж-

на быть плановой, например, взорвать компьютерную комнату или комнату управления завода. Для завода каждая минута дорога, когда все взорвется, их контракты с другими государствами будут расторгнуты. Если погибнет посол иностранного государства, все встанут на ноги, так как в законе неверных смерть посла недопустима. Это есть и в исламе, но иностранными послы являются не теми, за кого себя выдают. Они являются шпионами, которые служат для превращения мусульман в рабов.

– строящиеся неверными здания необходимо также взрывать. Это приведет к большому скандалу между государствами. Финансирование государства идет из-за границы, значит, должны прибыть иностранцы. С убийством туристов никто не придет, и не будут строиться дома и заводы иностранцами.

– правила, которые должен знать работающий в городе разведчик:

Расшифровать себя можно, если расскажешь незнакомому человеку о своей деятельности,

Если действовать неосторожно – идти на работу и не действовать в рамках населения местности,

Если встречаться с людьми, которые находятся под контролем,

Если не маскироваться под нацию и не одеваться по погоде. Например, в городе Москве люди не здороваются в обнимку,

если не отвечать требованиям семьи,
если каждый будет заниматься самодеятельностью, то легко можно расшифроваться,
если не соблюдать общественный порядок. Например, в городе введен комендантский час после 22 часов, значит, ты не должен находиться в это время на улице,
если часто пользоваться одной тактикой. Задушить человека легко, но нельзя это часто использовать, а то могут возникнуть большие проблемы...»

Прочитав этот конспект, я написал ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГЛАВАРЯМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

«Вы называете себя волками, и это то единственное, в чем я с вами согласен. Вы действительно волки, а вернее сказать – волчья стая. Но хочу напомнить вам старую жизненную истину. Когда волк, крадучись, ночью пробирался в село и загрызал там овцу, то вслед ему стрелял только один сторож. Но когда нападала стая волков, то ружья брали все способные стрелять жители села и выходили на встречу стае. Называлось это идти всем миром. И не было еще ни одного случая, чтобы стая побеждала. Слышите, ни одного. Волки бежали всегда, бежали, трусливо поджав хвосты. И вас ждет та же участь. Потому что мы живем своим миром. Тем миром, где мы пашем и пишем стихи, поем песни и смеемся, любим и рожаем детей. ИП в этом мире, где живут люди, нет, и никогда не будет места волкам.

Вы же в своем волчьем логове точите клыки, плетете нити заговоров, готовы весь мир отравить наркотиками и залить кровью. И тем же устами, что вы отдаете команду «Убей неверного!», вы произносите имя Всевышнего и, оскверняя священную книгу прикосновением оружия, приносите свои бесчеловечные клятвы, поправ тем самым религию и святые заповеди, данные Богом людям.

Вы пытаетесь внушить всему миру за национальную идею и чистоту религии, но весь мир уже понял, что это только маскировка, прикрывающая жестокость, ненависть, жажду власти и корысть. Вы прекрасно знаете, что никакой народ никогда добровольно не примет этих ваших «идей», а потому вы и не стремитесь повести народ за собой. Вы просто хотите превратить его в рабов. Рабов, покорных вашей воле, рабов, которые будут на вас батрачить денно и нощно, обеспечивая вашу сытную жизнь. Своим одурманенным и одурченными приспешникам вы внушаете: «Если народ с нами, мы победим». Вот именно – если! Но в нашем человеческом мире народ уже давно сбросил ярмо рабства, вдохнул прекрасный и чистый воздух свободы, и нового порабощения не желает никто. Так что ни на какие «если» вы можете не рассчитывать.

По всему миру рыдают вдовы, которых вы оставили без мужей, и плачут осиротевшие из-за вашей «борьбы» дети. И вы еще смеее говорить о поддержке народа.

Я далек от наивной мысли достучаться до вашего разума и

души, который у вас просто нет. Я лишь хочу этим письмом сообщить вам, что обычные, простые люди во всем мире, те, кто называется народ, они вас ненавидят и презирают. Хотя я думаю, что ненависть – это для вас слишком сильное чувство. Ненавидеть можно сильную личность, врага открытого, а не вас, трусливо кусающих из-за угла. Так что остается вам только презрение людское. Вот, собственно, и все, что я хотел довести до вашего сведения.

Вместе со всем миром презирающий вас

Олег Якубов.»

Это письмо было опубликовано в изданной и переведенной на многие языки в разных странах мира книге «Волчья стая» (Москва, издательство «Вече», 199 г.). Через месяц после выхода в свет первого издания, в Интернете появилось никем не подписанное сообщение, что исламисты объявили мне джихад. Видимо, чтобы я не расслаблялся, раз, примерно, в полгода они напоминают мне о том, что не забывают мою скромную персону. В недавнем напоминании экстремистов была и такая фраза: «А если жизнью наших не хватит, чтобы сквитаться с тобой, то тебя разыщут наши дети, а если их жизнью не хватит, то наши внуки».

Ну, что ж, видно, три жизни они мне намеряли. Во всяком случае с тех пор проблемами борьбы с международным исламским терроризмом занимаюсь я достаточно плотно и уже вышло у меня на эту тему книг немало.

По делам агентства я объездил практически весь мир. Ка-

кие только темы не приходилось освещать. Но тема борьбы с международным терроризмом после ташкентских событий 1999 года стала все же главной. Иногда я даже злюсь на себя, ворчу, что давно уже пора было тему сменить, но отойти от нее не могу, да, наверное, положив руку на сердце, и не смогу. Мне не хочется произносить менторских фраз о том, что терроризм захлестнул весь мир и от этой угрозы нигде теперь не спрятаться, не скрыться и пока люди не поймут, что борьба с этим злом – дело всеобщее, никто бандитов не остановит и террористического зла не искоренит. Просто, в той малой степени, на какую способен, я делаю то, что разумею.

АГОНИЯ

...Счет дням был потерян. Конечно, календарь на моих часах исправно перелистывал числа, но их цифровое обозначение ничего теперь не значило. Время остановилось, когда доставивший нас на плато Устюрт малюсенький АН-2, больше известный в народе как «кукурузник», качнув в воздухе спаренными крыльями, удалился в направлении Нукуса. А может быть, время перестало существовать в тот момент, когда за моей спиной с лязгом захлопнулся стальной замок У-Я-64-71, или попросту той самой тюрьмы в Жаслыке, о которой я так много читал в Интернете.

В Жаслыке я оказался на следующий день после приез-

да в Ташкент. Что и говорить, смена восприятия ощущений была просто калейдоскопической. Четырехчасовой перелет из Тель-Авива в комфортабельном французском аэробусе А-310, потом самолет до столицы Каракалпакии Нукуса, почти мгновенная, едва-едва сигарету успел выкурить, пересадка в «кукурузник», двухчасовая тряска и – тюрьма. В памяти сохранились какие-то обрывки разговоров, впечатлений от всего этого суточного сумбура.

– Я не совсем понимаю цель вашего визита. Это что будет продолжение уже написанной книги? – напрямик спросил меня генеральный прокурор Узбекистана Рашит Хамидович Кадыров. – Впрочем, мы, как и прежде, открыты для всех, кто хочет разобраться в ситуации.

По сути то же самое повторил мне и первый заместитель (а ныне министр – О.Я.) внутренних дел Узбекистана Баходыр Ахмедович Матлюов. – Мы получили ваше письмо с просьбой побывать в Жаслыке. Замминистра, курирующий места лишения свободы не возражает. Туда в командировку от МВД летит полковник Чанышев. Так что если вы против такого сопровождающего не возражаете, будем считать вопрос решенным. Правда, полковник, насколько мне известно, отправляется туда через несколько часов. Успеете собраться?

– С Сергеем Рамзесовичем Чанышевым знаком, ничего против путешествия вместе с ним не имею – напротив, а что касается сборов, то нищему собраться – только подпоясать-

ся, – пошутил я и поспешил в аэропорт.

В самолете я думал о том, что все произошло слишком стремительно. То ли местное начальство поспешило избавиться от назойливого иностранного журналиста, то ли им действительно нечего скрывать.

В Нукусе меня явно никто не ждал, впрочем, и особого удивления мое прибытие не вызвало – мол, полковнику из МВД виднее, кого с собой брать.

Утром я наносил официальные визиты генеральному прокурору, в МВД, потом была спешка с отлетом. Ни позавтракать, ни пообедать, естественно, не успел. Теперь, глотая слюнки, смотрел, как один из наших попутчиков в форме подполковника внутренних войск ловко разделявал огромного жареного индюка размером с приличного барашка. В дополнение к аппетитным кускам индюшатины были уложены источающие ароматный запах лепешки и выставлены пакеты с соками.

– Прошу к нашему скромному дастархану, – радушно пригласил подполковник. – Заодно и познакомимся.

Лично у меня никаких возражений не было. Я неуклюже стал устраиваться возле откидного столика. Полковник Чанышев тоже присел рядом. Но едва мы примостились вокруг стола, самолет тряхнуло так, что вся приготовленная снедь оказалась на полу.

«Индюк под ананасовым соусом», прокомментировал случившееся Чанышев и с явным сожалением добавил:

«Жаль, отведавать не доведется».

...Наш самолет завис над огромной, с высоты полета абсолютно гладкой, поверхностью, на которой не было видно ни растений, ни строений. Еще в Тель-Авиве я выписал из Интернета в блокнот коротенькую справку: «Устюрт – пустынное плато между полуостровом Мангышлак на Западе, Аральским морем и рекой Аму-Дарья – на Востоке. Высота до 370 метров. Плато ограничено крутыми обрывами высотой до 150 метров и более. Полынно-солянковая пустыня».

Вот эта самая полынно-солянковая пустыня, именуемая плато Устюрт, и простиралась теперь внизу, насколько взгляда хватало. Но вот показались строения, в динамике пилота что-то забубнил диспетчер, верный и безотказный вот уже многие десятилетия мул гражданской авиации Ан-2 легко коснулся земли. В люк дохнул обжигающий ветер. Наш попутчик подполковник сказал, что летом здесь и шестьдесят градусов по Цельсию – не такая уж редкость.

У трапа самолета стоял микроавтобус, от него шагнул вперед загорелый дочерна плотного телосложения майор.

– Товарищ полковник, начальник учреждения У-Я-64-71 майор Бабаджанов, – представился он старшему по званию Чанышеву.

– Знакомьтесь, майор, привез к вам в гости иностранного журналиста, – представил меня Чанышев. Можете с ним говорить по-русски, он понимает.

Майор представился мне по фамилии, потом добавил свое

имя : « Амангельды».

А я ничего не мог с собой поделаться и, не скрывая до неприличия пристального любопытства, все вглядывался в лицо этого человека, о котором так много жуткого читал за последнее время. Я пытался поймать в его взгляде, чертах загорелого лица признаки какой-то особой жестокости, такой, какую не скрыть никакими улыбками. Но сколько не вглядывался, видел перед собой обычного человека, может быть, мало эмоционального, а скорее – помнящего, что военная форма и положение обязывают.

Бабаджанов скупой заинтересовался у Чанышева, имеет ли гость разрешение на посещение закрытого учреждения и, услышав положительный ответ, пригласил всех в автобус, пояснив, что это единственный на всем плато вид транспорта, которым приезжающие могут добраться до тюрьмы. «Кроме заключенных, счел нужным прокомментировать майор. У тех, как вы понимаете, совсем другой транспорт».

Автобус остановился у приземистого трехэтажного здания. Пройдя через строй отдающих честь солдат, мы оказались перед стальной дверью. Бабаджанов нажал на кнопку звонка, отдал по рации какую-то неразборчивую для посторонних команду и тяжелая стальная дверь, распахнувшись, пропустила нас в темный после ослепительного солнечного света коридор. Дверь за спиной, закрываясь, лязгнула. Время остановилось.

...Мы разговариваем с ним каждый день. Сначала при наших беседах присутствовал непременно кто-то третий. То начальник тюрьмы Амангельды Бабаджанов, то Сергей Чанышев, то кто-то из постоянно приезжающих сюда с проверкой офицеров МВД. Потом наши неспешные разговоры, видимо, всем наскучили, нас оставили вдвоем. Я даже не знаю, если охрана за дверью комнаты, в которой мы остаемся. Наверное, все-таки есть, как же иначе?

Союбоственнбо, последние дни говорит только Алишер, а я лишь стараюсь его не прерывать, дабы не оборвать столь тонкую нить разговора.

Познакомились мы в первый же день. Он вошел в комнату, снял бесформенный головной убор, представился. Как положено: фамилия, имя, отчество, статьи, по которым осужден, срок заключения. Получив разрешение, сел на предложенный ему стул, подернув штаны, составляющие пару темно-серой робы. В глазах – напряженное ожидание. С тем же напряжением выслушал мои пояснения, что я журналист, хотел бы с ним побеседовать, но только в том случае, если он согласен. Кивнул головой в знак согласия. Передо мной стоял чайник зеленого чая и пиалы. Я налил чай в одну из пиал и протянул ее, как принято на востоке, Алишеру. Он отрицательно покачал головой: «Нам не положено».

– Что, чай пить не положено? – недоуменно переспросил его.

– Нет, у нас своя посуда, из пиалушки пить не положено, –

без всяких эмоций пояснил заключенный.

– Ну, это в камере у вас вся посуда, а здесь можно из этой. Пей.

Майор Бабаджанов отвлекся от телефонного разговора, кивнув разрешающе проворчал: «Пей, пей».

Алишер взял пиалу, руки его дрожали, а из глаз, вот уж чего не ожидал от этого крепкого парня, брызнули крупные слезы.

– Что с тобой? – спросил его Чанышев.

Парень поднялся, заговорил сбивчиво, горячо, перемежая русские слова с узбекскими:

– Гражданин начальник, у меня срок двенадцать лет. Год я уже сижу, это значит, мне еще одиннадцать лет чай из пиалушки не пить. Что я наделал, что натворил?

– Ну, не плачь, – стал успокаивать его и начальник тюрьмы. – Ты еще молодой, тебе всего двадцать пять лет, а если ты действительно все понимаешь и искренне раскаешься, то тебе, может, и срок уменьшат.

Постепенно Алишер успокоился, стало отвечать на вопросы. Беседа наша в тот день была недолгой, всего несколько минут. Но на другой день майор Бабаджанов сообщил мне, что тот заключенный, что беседовал накануне, хочет со мной встретиться для разговора. «Я не возражаю, заметил начальник тюрьмы. Пусть выговорится, раз на душе накипело».

На сей раз никаких вопросов мне и задавать не пришлось. Это была сбивчивая, но исповедь, искренне, как мне показав-

лось, раскаявшегося человека. Признаюсь как на духу, у меня и в мыслях не было, протягивая Алишеру пиалу зеленого чая, тем самым расположить его к себе, вызвать доверие или сыграть на каких-то чувствах. Родившись и прожив много лет в Узбекистане, почитая и уважая народные традиции, я протянул ему пиалу чисто машинально, как протянул бы ее любому другому человеку, который подошел бы ко мне в тот момент, когда сам я пью чай. Но что-то, очевидно, произошло в его сознании в тот миг, когда он взял пиалу. И вот сознание того, что этой естественной, обыденной вещи он теперь надолго лишен, как лишен ласки родившей его матери, улыбок друзей, отцовских наставлений и многого другого, заставило парня взглянуть на свое нынешнее положение как бы со стороны. Взглянуть, ужаснуться и воскликнуть: «Что я наделал?!»

...Когда-то здесь, на плато Устюрт, построили сложнейшее инженерное сооружение – бетонную полосу для запасной посадки космического корабля «Буран». Все, что было связано с космосом в те годы, сулило существенные государственные субсидии, но и было овеяно тайной. Невесть для каких целей военные строители возвели стены трехэтажного здания, но недострой в итоге бросили. Исчез с карты мира Советский Союз, «Буран» на Устюрте так и не приземлялся. А недостроенное здание, благо стены были крепки и толщины внушительной, в итоге приспособили под тюрьму. В нескольких километрах находится железнодорожная стан-

ция Жаслык. Так что заключенных сюда доставляют в спецвагонах, а родственники на свидание приезжают проходящими через Жаслык поездами. В Жаслыкской тюрьме (официально ее числят колонией, но в народе иначе, как «тюрьма», никто не говорит) содержится от 300 до 350 террористов, осужденных на разные сроки.

– Условия содержания у нас получше, чем в других подобных учреждениях, – говорит майор Бабаджанов. – В старых-то камеры переполнены, а у нас, как говорится, недокомплект. Рассчитаны камеры на шестнадцать человек, максимум сидит 12-13.

– Сбежать отсюда можно? – спросил я майора.

– Куда? – равнодушно пожал он плечами. – Плато оно и есть плато. На нем нет ни дорог, ни указателей. Здесь заблудиться – раз плюнуть. Кажется, что вперед идешь, а сам на одном месте кружишь. Да и волки вокруг рыскают. Нет, отсюда не сбежишь.

Я попросил майора открыть одну из камер, на которую сам, ваборочно, указал. Стальная дверь открылась, за ней оказалась еще одна – из стальных прутьев. Поднялись сидящие на нарах заключенные. Нестройным хором проскандировали: «Ассалом алейкум, гражданин начальник». Дежурный отрапортовал, что в камере все в порядке, больных нет, жалоб на содержание нет.

Вечером мы с майором Бабаджановым прогуливались по дорожкам городка, где живут офицеры охраны и их семьи.

Дневная жара сменилась прохладой, даже слегка знобило.

– Послушайте, Амангельды, – обратился к Бабаджанову. – Похоже, вы своих подопечных не очень-то жалуете.

– Как это? – переспросил он.

– Ну, большого сочувствия к ним я не заметил.

– Давайте определимся сразу, – посуровел майор. – Мне ведь подобные вопросы частенько задают. Сюда и правозащитники приезжают постоянно, и комиссий всяких полно. Правда, до вас, журналистов еще не было. Так вот, я ни от кого не скрываю. Я обязан выполнять все инструкции, а сочувствовать этим бандитам не обязан. И никто от меня этого потребовать не вправе. Я вообще к ним никак не отношусь, я просто запрещаю себе к ним как-то относиться. Свидание положено – получишь, не положено – не получишь. Продукты привозят, все в котел идет. Здесь красть некому и уносить некуда. Кругом степь. Я ведь знаю, что про здешние места напридумывали. И что под землей здесь работают, и будто радиация здесь. И о себе слышал, что майор Бабаджанов – зверь в военной форме, самолично заключенных бьет. Я пальцем никого не тронул. А тронул бы – меня любая комиссия в порошок растерла. Колонию держу в строгости – это есть. А кто сказал, что должно быть иначе? Здесь не санаторий, здесь колония.

– Но вы не возражаете против моих бесед с заключенными?

– Нет, конечно. Тем более, не сомневаюсь, что вы сами

убедитесь: тех, кто раскаялся по-настоящему, от души, здесь немного. В основном, только говорят, что раскаялись, а сами в глаза не смотрят. И все считают, что им слишком большой срок дали, несправедливо, значит, обошлись. А то, что они людей убивали, резали, взрывали – это они считают справедливо. Ладно, поздно уже, спать пора, – и майор Амангельды Бабаджанов, круто повернувшись, зашагал в дом.

Вернувшись в Ташкент, я договорился о встрече наблюдателем-корреспондентом Общества защиты прав человека в Узбекистане Василией Иноятовой. Я уже знал, что именно она побывала в Жаслыке, и именно она была одной из тех правозащитниц, которые утверждали, будто в жаслыкской колонии грубейшим образом нарушаются права человека, условия содержания заключенных. Из неофициальных источников мне было также известно, что Иноятова занимает один из ключевых постов в обществе «Бирлик», хотя общество это в Республике не зарегистрировано, а его лидеры давно уже живут на Западе, создавая себе имидж узбекской оппозиции в изгнании.

– Я слышал, что вы были в Жаслыке. В качестве кого вы приезжали и что удалось увидеть?

– Я приезжала туда, как правозащитник. Но в саму тюрьму меня так и не пустили. Более того, когда поезд, в котором я ехала, прибыл на станцию Жаслык, ко мне в купе зашли двое в штатском. Они шесть часов кряду убеждали меня не ехать в тюрьму, а по существу – грозили запугивали. Но я

ничего не испугалась и отправилась в тюрьму. Но меня туда не пустили.

– Я что-то не совсем понял. Эти шесть часов вы провели на станции?

– Нет, все шесть часов они не разрешали мне выходить из вагона и все шесть часов поезд стоял на станции.

– Вы сами только что сказали, что в тюрьму вас не пустили. Откуда же вам известно, что в тюрьме истязают заключенных, что в подземелье работают тысячи человек при повышенном уровне радиации?

– Это ни для кого не является секретом.

– А вы подавали официальное прошение о посещении тюрьмы?

– Не подавала никакого прошения, а если бы подала, мне бы точно отказали.

– Но о чем же мы тогда спорим? С чего вы взяли, что в тюрьму, которая по определению есть учреждение закрытое, можно запросто приехать и, постучав, войти. Назовите мне хотя бы одну страну мира, в которой такое возможно, и я соглашусь с вами.

– А я вообще я не желаю продолжать с вами разговор в таком духе, – оборвала меня Иноятова.

А буквально через два дня после этого разговора на одном из сайтов в Интернете появилось сообщение, озаглавленное «Встреча с «Волчьей стаей»;

«Секретарь ЦК «Бирлик» Васи́ла Иноятова встрети́лась

с автором изданной в Москве книги «Волчья стая» Олегом Якубовым. Эта книга издана при непосредственном участии КГБ Узбекистана и в целях очернения оппозиции исламского движения республики, представляемом в качестве преступных волчьих стай. В ходе беседы Якубов пытался доказать Иноятовой, что ее мнение по поводу зоны Жаслык ошибочно. Васила, которая также побывала в зоне Жаслык, и сыграла большую роль в донесении до узбекской и мировой общественности о ужасном положении там, по ее собственным словам, очень хотела встретиться с автором этой лживой книги лицом к лицу».

Итак, бирликовцы, уже не в первый раз, обвинили меня во лжи напрямую. И я не считал возможным оставлять это обвинение без ответа. Первым делом позвонил в Жаслык. Амангельды Бабаджанов никакой Иноятовой не помнил, но обещал посмотреть документы и проверить. Через час он позвонил:

– Теперь, просмотрев записи в журнале, вспомнил, – сообщил Бабаджанов. – 15 декабря 1999 года мне сообщили из РОВД Жаслыка, что московским поездом приехала жена одного из заключенных, а с ней какая-то их родственница. Я проверил, как положено, документы, убедился, что жене положено свидание, однако в заявке ни о какой родственнице речь не шла. Тем не менее я отправил на станцию автобус. Приехали две женщины. Проверил документы, подтверждающие родство. Понятно, что к жене заключенного у ме-

ня никаких вопросов не было. Ей свидание с мужем было положено. Но в беседе со второй женщиной я убедился, что она непосредственно в прямом родстве с заключенным не состоит. На мои вопросы отвечала сбивчиво, уклончиво, с явным раздражением и даже не знала деталей биографии того, к кому приехала. Одним словом, я ей свидания не разрешил. А когда отказал, она сказала, что не просто родственница, а правозащитница. Разрешения на посещение колонии у не было, к тому же я ее уже уличил в обмане. Так что ей пришлось обратно возвращаться на станцию и ехать в Ташкент.

После этого разговора я побывал в акционерной железнодорожной компании Узбекистана. Начальник единого диспетчерского центра никак не мог взять в толк, чего от него добивается настырный журналист. А я не мог сказать ему, для чего мне понадобился график движения поездов через станцию Жаслык за 15 декабря.

– Я же не прошу вас раскрывать никаких государственных секретов, – увещевал я начальника. – Я лишь хочу узнать, сколько поездов прошло через станцию в тот день.

В конце-концов я получил официальную справку, которую и цитирую дословно:

«Выписка из графика движения поездов за 15.12.90 г. по станции Жаслык Республики Узбекистан:

Поезд №22 сообщением Москва-Ташкент по станции Жаслык имел графиковую стоянку 12 минут. Прибыл на станцию Жаслык в 16 час.05 мин. Отправился в 16 час.17

мин.

Поезд №223 сообщением Душанбе-Москва по станции Жаслык имел графиковую стоянку 22 минуты. Прибыл на ст.Жаслык в 04 час. 37 мин. Отправился в 04 час.59 мин.

Других поездов через станцию Жаслык Республики Узбекистан 15.12.90 г. не следовало».

Вот все и встало на свои места. Мне Василя Иноятова говорила, что в Жаслык она приехала в качестве правозащитника. А на самом деле обманом пыталась проникнуть на территорию тюрьмы, представившись родственницей одного из заключенных. Детективная же история, как двое в штатском на протяжении шести часов пытались отговорить Иноятова ехать в тюрьму и вовсе оказалась чистойшей воды вымыслом. Так вот какую «правду» несет миру правозащитница Василя Иноятова и ей подобные.

ПРОКЛЯТЬЕ МАТЕРИ

Я отправился в Наманган, Мне хотелось разыскать родственников двух из основных организаторов ташкентского теракта и лидеров так называемого исламского движения Узбекистана (ИДУ) Тахира Юлдашева (Тахира Юлдаша) и Джумабая Хаджиева (Джумы Намангани).

Был знойный полдень, когда я, наконец, разыскал на окраинной наманганской махали дом, где живет мать Тахира Юлдашева, 62-ухлетняя Карамат Аскарлова. Грузная невысокая женщина приветливо пригласила в дом, усадила на низень-

кую скамеечку, сама с явным усилием опустилась рядом.

– Ох, замучили меня болезни, сынок, – посетовала она. – Сахар повышенный и сердце болит. А как ему не болеть, как каждый прохожий смотрит мне вслед и думает: «Вот пошла женщина, родившая этого бандита». Конечно, в глаза мне никто ничего не говорит. Я в этой махалле живу больше сорока лет, с тех пор, как замуж вышла. Здесь детей рожала, отсюда мужа в последнюю дорогу проводила. За долгие годы никому плохого не сделала, люди это знают. Но Тахир, ох, горе мне этот Тахир... Будь проклят тот день, когда я его родила.

Женщина с трудом поднялась, выпила лекарство.

– Ребенком он рос обычным, – продолжала мать. – Очень любил горячие лепешки, даже сам печь научился. Я думала, он поваром станет, но когда подрос, стала замечать за ним какую-то злость. На всех кричал, дрался, соседи стали на него жаловаться. Не знаю, какой шайтан в него вселился. Однажды мой младший сын хотел сам испечь лепешки, хотел старшему брату угодить. Одна из лепешек пригорела и Тахир это увидел. Он набросился на младшего, стал избивать его с такой жестокостью, что я даже растерялась. Потом опомнилась, оттащила, стала ругать. Я даже кричала: «Да отсохнут твои руки, если ты еще раз поднимешь их на брата». Он от меня вырвался, хлопнул со злостью калиткой и убежал. С тех пор он ни разу не переступал порог отчего дома. Да и я его с тех пор ни разу не видела. А как узнала, чем он занимает-

ся, какое горе людям приносит, и видеть его не хочу. Мне, матери, горько произносить эти слова, но у меня нет больше сына Тахира, я проклинаяю его.

Из информационной справки:

«Юлдашев Тахир, 1967 г.р. Уроженец Наманганской области, узбек. В среде религиозных экстремистов известен под кличками Бай, Директор, Тахир Юлдаш. С 1991 года стал выступать активным сторонником ваххабизма. Выступил одним из организаторов и лидеров экстремистской организации «Товба», члены которой участвовали в создании вооруженных террористических групп. Провозгласил себя лидером так называемой партии исламского возрождения Узбекистана – амиром, а впоследствии лидером созданного им исламского движения Узбекистана (ИДУ). В 1992 году, с целью избежать уголовного наказания, покинул пределы Узбекистана. Организация «Товба» перешла на нелегальное положение. В середине девяностых членами этой организации осуществлен ряд разбойных нападений и убийств представителей власти, правоохранительных органов, граждан Узбекистана.

Проживая постоянно в Афганистане, Тахир Юлдашев проводит планомерную работу по вербовке граждан Узбекистана для обучения их в боевых лагерях Афганистана, Таджикистана, Чечни, подготовки их к террористической деятельности».

... Худжа-кишлак находится всего в нескольких километ-

рах от Намангана. Дом, где живет старший брат Джумы Намангани, Са бирджан Ходжиев, мне показал первый же прохожий. Сабирджана к разговорчивым собеседникам никак не причислишь. Впрочем, оно и понятно.

– Мы с Джумой росли вместе, – поведал он. – Джума помладше, я его за руку в школу водил и он меня во всем слушался, никогда не перечил. Когда вырос, стал все чаще из дома пропадать. Потом вообще уехал. Мы иногда по несколько месяцев от него никаких известий не имеем. После взрывов в Ташкенте у нас в районе тоже несколько человек арестовали – у них нашли оружие, взрывчатку и выяснилось, что онги связаны с Джумой. Со всего кишлака собрались мужчины. Они пришли к моему дому с кетменями, стали камни в окна бросать, в доме ни одного целого стекла не осталось. Меня самого от расправы спасла милиция.

– А чего они от вас хотели?

– Кричали, что это мой брат принес в их дома горе несчастья, сбил с пути истинного их сыновей, одурманил им головы. Когда все успокоилось, я первым делом побежал к сестре, она живет рядом. У нее тоже все стекла побили, но ее не тронули. А сестра недавно к Джуме ездила, разговаривала с ним, но он ее прогнал, – огорошил меня сообщением Сабирджан.

– Да, была я у Джумабая, – подтвердила мне сестра Намангани Махбуба Ахмедова, когда мы с ней встретились. – Я хотела с Джумой поговорить, попросить его, чтобы он пока-

ялся.

– А как и где вы его нашли?

– В Таджикистане нашла, хотя и нелегко это было. Меня к нему долго не пускали, видно проверить хотели, что я не обманываю. Потом привезли в горный лагерь и сразу провели к Джуме. Мы разговаривали вдвоем. Он на меня кричал: «Молчи, женщина, ты ничего не понимаешь». Потом стал говорить, что они все равно изменят власть в Узбекистане и там все равно будет исламское государство. А потом прогнал меня и сказал, чтобы я к нему больше не совалась со своими глупостями. Даже не просил, как дома дела...

ВМЕСТЕ С ЖЕНОЙ – В ТЮРЬМУ

Группа из семи наркокурьеров (это в официальных документах они именуется наркокурьерами, а здесь, в Центральной Азии, их называют просто мулами, потому что, как ишаки, тащат на себе мешки с наркотиками весом порой до 50 килограммов) перешла афгано-узбекскую границу поздно ночью. На надувной лодке переправились через Аму-Дарью, потом действовали по тщательно разработанному плану. Среди мулов двое уже не раз «ходили через речку». Подойдя к контрольно-следовой полосе (КСП), заранее приготовленной рогатиной приподняли колючую проволоку ограждения, взгромоздились на плечи друг другу и двумя группами, в одной три, в другой четыре человека, перешли

границу. Пограничников эта хитрость уже давно с толку не сбивает, хотя отслеживать потом продвижение нарушителей границы становится намного сложнее. Наиболее подготовленный из мулов может посадить на свои плечи еще четырех человек вместе с грузом. На КСП остаются следы всего одного человека, а на самом деле вглубь территории сопредельной страны проходит несколько. Сразу после перехода границы они, как правило, рассеиваются, а потом собираются в заранее условленном месте. На этот раз у мулов все пошло наперекосяк.

КСП преодолели без особых проблем, разделились на две группы. Четверка, которая должна была уже через час выйти к кишлаку, где их ждал покупатель, сбилась с пути. Не сумев сориентироваться по самодельной карте, они к рассвету оказались в открытом поле. Двигаться дальше было опасно. В любую минуту поблизости мог оказаться пограничный наряд. Тогда старший группы принял решение – спрятаться. Нашли просторную ложину, забрались туда, сверху завалили себя камнями, оставив небольшую щель, чтобы не задохнуться. Через несколько часов послышался лай собаки, блеянье овец, видно, чабан пригнал отару на луга. Впоследствии выяснилось, что так оно и было. Чабан шел вслед за отарой, привычно проверяя посохом каждую расщелину – вокруг грызунов видимо-невидимо, да и лисица могла спрятаться. Ткнул он посохом и в ту щель, где прятались мулы. И тут случилось непредвиденное. Самый младший в груп-

пе, пятнадцатилетний пацан, получил посохом по лбу, машинально схватил палку и потянул ее на себя. Сразу сообразив, что в расщелине притаился не зверь, а человек, чабан отпрянул и заспешил туда, где надеялся встретить пограничников. Расчет его оказался верным. Через несколько минут он увидел пограничников с собакой. А вскоре вся группа была схвачена. Мулы и не думали оказывать сопротивление. Они боялись только одного – чтобы пограничники не начали стрелять, и как только увидели людей с автоматами в военной форме, тут же подняли руки. Так с поднятыми руками и выбирались из своего убежища. Рухнули, как подкошенные, на колени и начали верещать: «Только не стреляйте, не убивайте нас. На допросе они тут же признались, что их семеро, встретиться должны в кишлаке. Тут же и карту показали, где был помечен дом скупщика наркотиков. Ситуация осложнялась тем, что покупатель еще десять дней назад был уличен в скупке наркотиков и оружия, и арестован. Ясно было, что мулы, не обнаружив скупщика, начнут искать другой канал сбыта. Но какой?

У арестованного скупщика было два сына. Ранее в торговле наркотиками они, правда, не были замечены. И все же их дома решили проверить. В одном из домов и обнаружили мирно спящими троицу мулов. Судя по их ошалелым глазам, они и сами отведали своего мерзкого зелья.

Мне разрешили поприсутствовать на допросе одного из наркокурьеров. Как только он увидел незнакомого человека,

тотчас обратился ко мне:

– Я хочу сделать официальное заявление, – сказал главарь группы наркокурьеров двадцатилетний Садык Панджи,

– Я неофициальное лицо, я журналист, – пояснил ему.

Но Панджи настаивал на своем, при этом вопросительно глядя на сидевшего рядом со мной подполковника. –

Подполковник с усмешкой кивнул: «Говори».

– Если мне сохранят жизнь, я прошу, чтобы меня оставили в этой тюрьме. Здесь хорошо, кормят, поят и никто не бьет. Если вернусь домой, меня там убьют. Он еще долго говорил о том, как ему хорошо в тюрьме.

Панджи рассказал, что он родом из маленького афганского кишлака Чуббош, где люди живут тем, что выращивают хлопок, да пасут скот. Но плодородных земель мало, да и отары есть далеко не у всех, поэтому многие не работают и, по сути дела, нищенствуют. Год назад в кишлак пришли неизвестные, до зубов вооруженные люди. Они собрали людей и сказали, что те теперь будут переправлять через Амударью оружие, опиум и героин. Несколько человек сразу отказались, среди них был и старший брат Садыка. Один из талибов, не снимая автомата с плеча, выстрелил в него. Потом дуло автомата ткнули в живот Садыку.

– Я думал, что и меня сейчас пристрелят, – говорил Панджи. – Но меня стали спрашивать, пойду ли я через границу. У меня от страха язык отсох. Они решили, что тоже отказываюсь и поволокли меня к дереву. По дороге кричали, что

меня не застрелят, а повесят. Мне уже на шею петлю надели, перекинули через ветку, когда я стал кричать: «Согласен, согласен, я на все согласен!» Потом меня научили, что надо делать.

Переправился Садык через границу в составе группы, принес с собой героин, опий, пару автоматов, патроны. Встретивший его человек сказал, что забирает весь товар, но денег сейчас нет, надо подождать. Он спрятал Садыка в своем доме, где тот прожил целый месяц. Ему хотелось, что такая жизнь продолжала вечно. За месяц Садык так привык к сытой беззаботной жизни, что ему и думать не хотелось о возвращении в Афганистан. Но однажды вечером хозяин вручил ему три тысячи долларов и сказал, что пора отправляться в путь. Уже утром Садык был дома.

– Ты отдал три тысячи, а сколько заплатили тебе? – спросил Садыка.

– В тот раз мне ничего не заплатили, первый раз никому не платят. А когда я вернулся второй раз, мне дали тридцать долларов. Но должен я намного больше.

– За что должен, ты же товар доставил, деньги принес?

– А, махнул рукой Панджи.– Когда второй раз вернулся, мне сказали, что я уже взрослый, мне жениться пора, а то займись чем-нибудь непотребным и могу грех совершить. Я сказал, что у меня нет денег калым заплатить, но мне ответили, что свадьбу они, ну талибы эти, берут на себя. Нашли невесту, хорошая девушка, тоже из бедной семьи. Свадьбу

сделали, а утром, когда я вышел, мне сказали, что за свадьбу и за калым я должен две тысячи долларов и отдавать буду после каждой ходки «за речку». Но мне таких денег за всю жизнь не заработать. Вот я на все и соглашался. Жена через месяц родить должна. Эх, если бы и жене с ребенком удалось сюда пробраться, – мечтательно вздохнул он, – они бы рядом были.

– Где рядом, в тюрьме, что ли?

– А чем здесь плохо?

Почти такую же историю рассказали и другие шестеро наркокурьеров. Были безработными, нищенствовали, голодали, потом посулами денег и угрозами их заставили перевозить наркотики.

– Они просто так не отпускают, – говорил наркокурьер Аваз Сулайман. – Обязательно в заложники берут кого-то из родственников. А если девушка есть, ее тоже забирают, а потом насилуют.

Сулайман все пытался выяснить, какое наказание ему положено по узбекскому законодательству. У него были все основания опасаться за свою жизнь. Группа доставила в Узбекистан 94 килограмма высочайшей очистки опия, героин, автоматы, гранаты, пистолеты, боевые патроны.

От всех этих разговоров у меня осталось какое-то двойное впечатление. Этим молодым людям, взявшимся за доставку смертоносного груза под угрозой смерти, можно было даже посочувствовать. Но уж какими-то слишком одинаковыми,

будто заранее отрепетированными, были их рассказы, в них совпадали даже детали.

– Как вы думаете, насколько они правдивы? – спросил я одного из оперработников УВД области.

– Я бы сказал – схематически правдивы. – ответил он. – Та-либы и впрямь разорили страну, которая теперь умеет только воевать, производить и переправлять наркотики. Страна превратилась в самую крупную в мире нарколабораторию. Безусловно, большинство мулов запуганы до смерти. Но есть и такие, которые ради заработка соглашаются переправлять наркотики через границу. У нас есть сведения, что инструкторы, готовящие их к отправке, заранее репетируют с ними детали допросов, на случай, если их схватят, и советуют во время допросов бить на жалость. Ну, это вообще дальше всех пошел – жену ему в тюрьму подавай.

ЛИВАНСКАЯ ТРЯСИНА

И... БОЖЕСТВЕННЫЕ ЦВЕТЫ

...Эта трагедия всколыхнула весь мир. Иначе и быть не могло. Вот и не верь теперь расхожему утверждению бывалых вояк, что бомба в одну воронку дважды не попадает. Попала!

Ровно десять лет назад, во время военной операции, проводимой Израилем в Южном Ливане, в деревне Кафр-Кана погибли мирные жители. Спустя две недели, израильтяне прекратили атаковать позиции «Хизбаллы». В памяти

немногих остался лишь эпизод, связанный с гибелью людей, да претенциозно-пышное название самой операции – «Гроздья гнева». Даже название деревеньки, где произошла трагедия, казалось, навсегда стерлось из памяти. И вот теперь, в 2006 году, всплыло снова.

Атаки Кафр-Каны израильские ВВС начали в полночь. Если точнее – в 00 часов 07 минут. Никаких сообщениях о жертвах с ливанской стороны в течении ночи не появлялось. Атака была продолжена ранним утром, но самолеты Израиля были еще в воздухе, когда поступило сообщение из Ливана: в Кафр-Кане погибло около 40 человек, чуть ли не половина из них – дети. Эмоции хлынули через край, да и как их было сдерживать. Сначала видеозапись, а потом и фотография ливанца, держащего на руках мертвую восьмилетнюю дочку, облетели весь мир. Кадры телесъемок, отразивших разрушенную деревню, были ужасающи! Приехав на юг Израиля, я чуть ли не сутки проторчал в бомбоубежище – мне особенно «повезло» и в день моего приезда приграничный израильский городок Кирьят-Шмона «Хизбалла» ракетами обстреливала беспрестанно. Так что телесъемки из Кфар-Каны я в бомбоубежище и увидел.

Израильский премьер-министр Эхуд Ольмерт выразил глубокое сожаление в связи с гибелью ливанских граждан. Ольмерт отметил: «всему миру известно, что ЦАХАЛ – армия с высокими моральными принципами, не наносящая преднамеренных ударов по мирному населению. Между тем,

«Хизбалла» вот уже свыше двух недель атакует именно израильский тыл, наносит удары по густонаселенным районам нашей страны». Начальник генерального штаба ЦАХАЛа генерал-лейтенант Дан Халуц сообщил, что жители всего района Кафр-Каны, по сложившейся практике, были оповещены о готовящейся операции и об опасности, которая им грозит в случае, если они не захотят эвакуироваться или хотя бы покинуть этот конкретный район. «К тому же, добавил Дан Халуц, мы не располагали информацией о концентрации мирных жителей в этом районе, а напротив – имели сведения, что Кафр-кану мирное население давно покинуло». Но, похоже, что выступление израильского лидера и начальника генштаба только подлило масла в огонь.

Даже в тех странах, где считали, что Израиль имеет право на защиту собственных граждан, заговорили с яростью о том, что мир не должен и не будет терпеть «беспредела израильской военщины». В большинстве заявлений явственно сквозила мысль, что Израиль намеренно нанес удар по мирному населению.

...Позволю себе небольшой исторический экскурс. Во время Второй мировой войны фашисты часто бомбили Лондон, что было всем известно. Потом неожиданно нанесли бомбовый удар по Антверпену. Антверпен перед Гитлером провинился тем, что служил перевалочной базой союзническим войскам, отправляющимся на германский фронт. Мало кому известно, что на тихий Антверпен в годы войны бы-

ло обрушено немецких ФАУ-2 раз, эдак, в десять больше, чем на тот же Лондон. Как мало кому известно, что чуть ли ни в первый день ракетного обстрела одна из ФАУ-2 прямым попаданием угодила в кинотеатр. Дело было в выходной, в кинотеатре было битком и взрослых и детей. Никого из 562 зрителей того трагического киносеанса ракета в живых не оставила. Человечество знает немало эпизодов чудовищных преступлений фашистов времен Второй мировой войны. Этот, насколько я осведомлен, не самый известный.

Можно бесконечно рассуждать, в какой степени являются мирными жители, оказывающие сознательное содействие боевикам. Но гибель детей, тех, кто жизни-то еще не видел – это всегда чудовищно, несправедливо. И в этом всегда есть чья-то вина. Пусть чья-то больше, чья-то меньше, но вовсе невиновных не бывает.

Если учитывать чисто политическую ситуацию, которая сложилась в противостоянии Израиля с «Хизбаллой» на момент трагедии в Кафр-Кане, то прежде всего эта атака нанесла вред израильской стороне. И если бы она планировалась военными таким образом, то уж политики бы возражали против нее точно. Именно поэтому результаты ракетной атаки Кафр-Каны были израильской разведкой тщательно расследованы. В результате в распоряжении военных оказалась пленка с видеозаписью того, что произошло уже тогда, когда завершилась первая атака израильской авиации, то есть, после двенадцати ночи.

В деревню Кфар-Кана подъехал автобус, из которого вышли люди. Были среди них и дети. Все они направились в сторону домов. Ни для кого уже давно не является секретом, что «Хизбалла» кощунственно использует жителей ливанских деревень в качестве живого щита. Тому есть многочисленные свидетельства, в том числе и откровенно циничные высказывания Хасана Насраллы. Так вот, когда обстрел деревни был закончен, боевики «Хизбаллы» собрали несколько многодетных ливанских семей и перевезли их в один из полуразрушенных домов, где все же уцелело несколько комнат. Они сказали жителям, что теперь опасаться нечего, второго обстрела этого района не будет, так что в доме можно укрыться с детьми безбоязненно. Доверчивым крестьянам даже выдали несколько пледов и немного еды, пару флагов воды. А на рассвете, когда только показался в небе первый непилотируемый израильский самолет-разведчик, один из боевиков «Хизбаллы» с балкона того самого дома выпустил «в молоко» ракету. Приборы беспилотного самолета зафиксировали вспышку, передали координату на свою базу, оттуда тотчас поднялись самолеты и по цели, определенной приборами, нанесли удар.

Во время тех, 2006 года, событий я объездил почти все города, которые обстреливала ракетами «Хизбала». Каких только удивительных историй мне не довелось тогда услышать. В бомбоубежище города Кирьят-Шмона показали мне детскую коляску, где мирно посапывала трехмесячная ма-

лютка. Ракета из Ливана напрямик попала в один из домов, просвистев, вылетела насквозь. Пролетела она, в том числе, и через комнату, где в люльке беззаботно играла погремушками трехмесячная Литаль.

А в хайфской больнице «Рамбам» рассказали мне о штурмане израильских ВВС, который в самый разгар боевых действий получил внезапный отпуск на сутки. Фамилию мне, правда, не назвали, ибо по законам военной цензуры имена боевых офицеров называть нельзя. Так вот, этот самый штурман, назову его Н., еще несколько лет назад сдал кровь по программе поиска потенциальных доноров костного мозга. Так сказать, проявил сознательность и гражданское благородство. Уж как его в военной неразберихе удалось разыскать медикам, непонятно, но, видно, даже в напряжении боевых действий, воинские начальники с достаточным пониманием отнеслись к просьбе врачей. Итак, штурмана вызвал его командир и сообщил, что Н. является единственным в стране донором, чья кровь подходит для какого малыша, больного лейкемией.

– Так что если ты согласен дать для этого ребенка кровь, можешь быть 24 часа свободен, – объявил командир.

Н., не мешкая отправился в центр страны, где городе ПетахТиква расположена самая крупная на Ближнем Востока детская клиника «Шнайдер». Там у него взяли костный мозг для больного малыша. Врачи сказали, что шансы на выздоровление у него неплохие.

Вообще-то говоря, война войной, а люди-то , я, разумеется говорю о нормальных людях, остаются людьми. Еще в самом начале боевых действий крупнейшая израильская газета «Едиот ахронот» («Последние известия») опубликовала короткую заметку. Корреспондент этой газеты побывал на самом севере страны в маленьком городишке Нагария и взял блиц-интервью у жителей, которые в числе первых ощутили на себе удары «катюш». Один из горожан, человек весьма преклонного возраста на иврите, судя по всему, практически не говорил, но слово «катюша» повторял настолько часто, что журналист заинтересовался, чего это дед все время повторяет название ракеты. Кто-то из собравшихся охотно взялся переводить и история выяснилась достаточно символичная.

Хаим Вайсборода, репатриант из России, недавно отметил почтенный юбилей – 95 лет. Живет он один, но вполне еще бодр и, завав на день рождения соседей, даже позволил себе рюмочку пропустить. «Не больше, только рюмочку», счел нужным уточнить Хаим. А репортеру он поведал вот что:

– Я в годы войны, которую вы называете Вторая мировая, а мы, советские люди – Великая Отечественная, воевал с фашистами. И когда у нас появились «катюши», я ими гордился. Я знал, что чем больше «катюши» убьют фашистов, тем меньше фашисты убьют евреев и вообще всех хороших людей. И что же теперь получают? Раз «катюши» убивают евреев, значит, они оказались в руках фашистов. И главный

фашист этот Насралла.

– Мне, конечно, сразу предложили уехать в центр страны и там меня где-то поселить, где обо мне день и ночь заботиться будут. Спасибо этим добрым людям, но я отказался, – вел свой неторопливый рассказ Хаим Вайсборода. – Я не только никуда не поехал, я даже в бомбоубежище еще ни разу не был. Не то что я ничего не боюсь, вовсе нет. Но я столько пожил на свете, что мне пора уже ТУДА, – явно выделил он последнее слово. – И если я окажусь ТАМ, то вдруг попаду в рай, и сам Всевышний вручит мне цветы за то, что Хаим Вайсборода всегда был порядочным человеком, – пошутил он.

Репортеру история со старым Вайсбородой показалась забавной, он эту коротенькую байку опубликовал, и тут история получила неожиданное продолжение. Многолетний читатель «Едиот ахронот», офицер службы тыла полковник Йехиэль Коферштейн, прочитал заметку, она показалась ему не просто забавной, но и по-человечески трогательной. И вот, оказавшись по делам службы в Нагарии, он кое-как разыскал букет цветов, а в полуразрушенном городке это было ох как нелегко. Потом уже, без особого труда, нашел квартиру Хаима Вайсбороды и, когда старик открыл ему дверь, с порога, широко улыбаясь, произнес:

– Хаим, ты только не подумай, что я Всевышний, но ты же мечтал получить цветы, вот я тебе их и привез...

Х Х

Х

МНОГОТОЧИЕ

Вместо эпилога

Однажды известной советской журналистке Татьяне Тэсс поручили написать крохотную информацию. Она корпела над ней два дня, на третий принесла в редакцию. Редактор прочел и сказал недовольно: «Тебе велели написать инфомашку, а ты написала очерк. Татьяне Тэсс дали новое задание, снова на тридцать строчек. Она опять написала очерк, после чего стала одной из самых известных и любимых в стране очеркисток.

Избрав репортерство основной специальностью, чего бы я не делал, а все у меня репортажи выходят. Уже много лет пишу книги. Каждый раз, вычитывая новую рукопись, убеждаюсь – все равно репортаж. Обширный, многостраничный, в твердой глянцевой обложке – но репортаж. Сначала огорчался, потом успокоился. В конце-концов, вся наша жизнь – это хроника событий, фактов, явлений, взаимоотношений. То есть – репортаж.

Когда я только делал свои первые шаги в журналистике, старшие коллеги повелели: заруби на носу и запомни на всю жизнь два правила. Правило первое. Газетчик не должен ставить в заголовках вопросительного знака. Правило второе. Нельзя заканчивать статью многоточием. И поясняли: если в заголовке ты ставишь вопросительный знак, значит, сам не

знаешь ответа на вопрос, который задаешь. А если в конце текста у тебя вместо точки – многоточие, следовательно, тебе еще есть, что сказать, но ты говорить не хочешь, либо боишься, а может, просто не умеешь высказать то, ради чего за перо взялся.

Всю жизнь я старался этим правилам следовать неукоснительно. Но на последней странице этой книги все же поставил многоточие. И сделал это умышленно. Я действительно не все сказал. И за этими тремя точками стоят события и люди, о которых в книге не упоминается. Ибо пересказать многолетнюю жизнь репортера «обремененную» ученой степенью доктора политологии и званием профессора, невозможно, да, пожалуй, и ни к чему. А если у кого-то возникнет желание поглубже окунуться в былые времена, можно просто полистать подшивки старых газет и ощутить дыхание времени. Я же лишь поделился самыми яркими своими воспоминаниями. Настолько яркими, что они отчетливо, будто это было вчера, сохранились в моей памяти, и в архивные свои блокноты мне так ни разу заглянуть и не понадобилось. И снова – многоточие.

Точка.

